ЧЕЧНЯ
Этот рассказ автором выстрадан. Каждый абзац в нем сотканы из острых переживаний, из непреходящей боли и опаленных войной морозящих чувств... Снайпер Саша Куценко выжил в Чечне, но сердце его зачерствело и наполнилось неутолимой жаждой жестоко разобраться с обидчиками. Он привезет в родной город трофейную снайперскую винтовку и с ее помощью вершит свой страшный суд. Кто прав, кто виноват — определять лишь его истерзанная войной душа.
ПАВЕЛ ЯКОВЕНКО
ХАРАМИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предисловие от сборника, в который вошло данное произведение и повесть «Снайпер»

Этот рассказ автором выстрадан. Каждый абзац в нем соткан из острых переживаний, из непреходящей боли и опаленных войной мироощущений… Снайпер Саша Куценко выжил в Чечне, но сердце его зачерствело и наполнилось неутолимой жаждой жестоко разбираться с обидчиками. Он привозит в родной город трофейную снайперскую винтовку и с ее помощью вершит свой страшный суд. Кто прав, кто виноват — определяет лишь его истерзанная войной душа.

- Яковенко Павел Владимирович
  - Часть 1
  - Часть 2
  - Часть 3
  - Часть 4
  - Часть 5
  - Часть 6
  - Часть 7
  - Часть 8

Яковенко Павел Владимирович
Харами

Часть 1

Гнусный звон хозяйского будильника прервал мой сладкий сон, как это принято у будильников, на самом интересном месте. Я резво вскочил с постели и хлопнул ладонью по кнопке, хотя хозяйка все равно была глуховата, но инерция привычки сработала быстрее моих полусонных мозгов. Раздвинув шторы окна, я убедился, что стоявшие последние несколько дней тучи никуда не ушли, солнце оставалось понятием абстрактным, но дождя не было, и, следовательно, топать по грязи не придется.

В часть я не пошел — в связи с последними событиями моя не слишком твердая дисциплина поколебалась окончательно, и я решил для начала запастись тем, о чем вчера совершенно позабыл, поглощенный напором неожиданных событий и невероятных перемен. Мне нужно было купить водки — водки черкесского производства — «Меркурий» обыкновенный: бутылку… а лучше — две! Ларьки стояли практически в двух шагах от моего жилья, я быстро затарился, и принялся упихивать емкости в вещмешок, выдранный вчера у старшины моей бывшей батареи с потом и кровью.

Еще вчера вечером я спокойно заступал в караул, ничего не подозревал, ничего не ведал, смирился с неизбежностью своего безвылазного пребывания в Гирей — Авлаке; в то время как лучшие люди бригады, а в большинстве своем это были люди, с которыми я только и мог общаться с приятностью, убывали на чечено-дагестано-грузинскую границу для несения заградительной службы. То есть перекрывать вражеские караваны с оружием на дальних подступах от театра боевых действий.

Я тщетно просился отправить меня в составе доблестного сводного батальона на перевал, начиная с мая месяца. Наверное, комбат испытывал особое наслаждение, оставляя меня в месте постоянной дислокации и обрекая на тоску и душевное одиночество. Я постепенно смирился с этой мыслью, купил себе телевизор, купил «Денди», заранее настраивался на скорбное ожидание неприятностей, как вдруг…

Уже сидя в караульном помещении, мало того, уже приняв караул, и это еще не все — уже отправив вторую смену на посты, по телефону, вечно поломанному, но так кстати — некстати прорезавшемуся, комбат — майор Мустафаев — сообщил мне вводную: завтра, в двенадцать ноль — ноль, я должен быть в расположении первого батальона с вещами в состоянии первой готовности. Это он так любил шутить.

Но для меня весь ужас положения состоял в том, что мне

нечего было взять с собой. Как назло, за последний месяц вышестоящее начальство приняло решение кадрировать мой бывший батальон, а на его базе создать второй артиллерийский дивизион, в состав которого я уже и был практически зачислен. Только вчера все мое имущество, полученное у старшины минометной батареи, было мною ему по описи и сдано. Мы пожали друг другу руки, и я, совершенно уверенный, что в бессменном карауле, куда я отправлялся, мне ничего из этого барахла не понадобится очень долгое время, со спокойной душой покинул каптерку.

Как бы не так!

Куда теперь идти искать вещмешок, бронежилет, каску, и прочая, и прочая? И еще на ночь глядя.

Я, конечно, не впал в отчаяние, по крайней мере, не торопился этого делать, а отправился в каптерку, к любимому старшине, с которым, как я вчера наивно думал, мои расчеты были закончены. Мне повезло, он был на месте, он был уже довольно навеселе, он был один, и бутылка водки была пуста. Я достал еще одну, поставил на стол, и предложил старшине большое яблоко.

— А запить нечем, дружище?

Хороший вопрос! Он тянул явно не на одну ту бутылку, что я мог лицезреть перед собой. Насколько я знал старшего прапорщика, этот вопрос тянул не меньше чем на две бутылки, выпитых практически без закуски, и без участия партнеров. Я дружелюбно усмехнулся, и достал бутылку пива. Местное гадкое пойло, но на хорошее пиво мне не хватило каких-то двухсот рублей. Обидно, но если запивать пивом водку, то вкус — это не актуально. Сужу по себе.

Старшина мотнул головой на шкафчик. Мне был знаком этот жест: я быстро достал посуду, нож, порезал яблоко на куски, налил водки — себе мало, прапорщику много. Как говорят некоторые известные люди, «вздрогнули». Я закусил яблоком, старшина запил пивом. Помолчали. Затем повторили процесс.

— Как дела?

Прапорщик сегодня был явно разговорчив. Я непроизвольно кашлянул, собираясь с мыслями, и начал издалека.

— Да вот, Ахмед, война идет, понимаешь…

— Да-а?.. — удивился старшина. — А кто с кем?

— Ну, как тебе сказать, наши с ненашими.

— О-о!.. Давай за победу!

— Конечно, Ахмед, о чем речь.

Прапорщик смотрел мимо меня мутными глазами, и я решил повременить с продолжением застолья, а не то он отрубится, а

брать добро без спроса нехорошо — этому меня еще мама научила.

— А жаль, что наш батальон разогнали — такие были славные люди.

— Жаль, — медленно произнес прапорщик и впал в прострацию.

— А меня на перевал отправляют. Завтра.

— Да-а?.. Поздравляю!

Я перевел дыхание и приступил к главному. Мне было не очень удобно с пьяным коллегой, но будь он трезвым, я наверняка получил бы от него фигу с маслом, а не военное имущество. Моя совесть слегка поборолась с ужасом перед трезвым старшиной, и успокоилась. Он, естественно, завтра проспится, но пока он опомнится, я уже буду далеко, а когда вернусь, все давно утрясется, уладится, забудется, я верну все в целости и сохранности, поставлю старшине еще пару флаконов, он и оттает душой, и простит меня, а может быть, даже облобызает.

— Милый Ахмед, — осторожно приступил я к волнующей меня теме, — вот незадача. Мне завтра в поход, можно сказать, в бой, а у меня ни броника, ни каски, ни даже вещмешка, чтобы сложить туда звонкую посуду — отраду твоего и моего сердца. Помоги мне, будь другом!

Моя речь была цветиста, как весенний ковер цветов на лугах этого самого перевала Харами, куда мы должны были отправиться, и осоловевший прапорщик внимал ей как музыке бессмертного Моцарта. Когда я прервал свой поэтический поток, он почти прослезился, и блеснув черными как зимняя ночь глазами, сказал мне:

— Позови Андрея.

Я слегка перевел дух — дело сдвинулось с мертвой точки. Андрей Иванов помощник старшины, доверенное лицо во время отсутствия прапорщика как физически так и духовно, заведовал каптеркой минометной батареи, бдил за имуществом подразделения, и совершал прочие действия во имя и по поручению Ахмеда. И в то же самое время за рамки строгого выполнения указаний шефа он не выходил. А это значило, что если сейчас старшина скажет ему обеспечить меня всем необходимым, то Иванов обеспечит, а не станет подозрительно зудеть, что в трезвом образе прапорщик ему голову оторвет.

Я приоткрыл дверь, и крикнул в сумрак казармы, вдали от электрического освещения, разгонявшего тьму у входа:

— Андрей Иванов! Зайди к прапорщику!

Что-то бесформенное зашевелилось в пустой казарме на самой дальней из кроватей, заскрипело пружинами, и молча

начало приближаться ко мне. Я вздрогнул. Но из тьмы показался обычный человек, а не ужасное нечто. И по толщине белоснежного подворотничка, по сапогам с ремешочками, по сытой и спокойной физиономии, по ленивым движениям, мне подумалось: а кто же все-таки более главный хозяйственник в батарее — прапорщик? Сержант Иванов? или отсутствующий уже три месяца в своем безразмерном отпуске командир батареи Шмаков?

— Выпьем за победу, Паша! — послышалось мне со спины.

Я оглянулся. Ахмед силился налить себе в стакан остатки бутылки, и мне стало жутко, что он может пролить драгоценную влагу. Я бросился к нему, осторожно подхватил емкость, аккуратно разлил водку по посуде, и еще раз «вздрогнул». Ахмед запил огненную жидкость мягким пивом и начал заваливаться на пол. Мне удалось мгновенно остановить это движение, но все повисло на волоске: прапорщик определенно не мог сказать «мяу», и уж тем более объяснить Иванову, зачем он его сюда вызвал. Я принялся трясти прапорщика: на мгновение он пришел в себя, увидел в дверях сержанта, показал на меня пальцем и проскрипел:

— Выдай!..

И все. И опал на стол, захрапев со свистом — милый, бесконечно дорогой мой прапорщик. Я поцеловал его в темечко, и поднял взгляд на Иванова. Тот лениво, стервец, жевал жвачку, и не торопясь, спросил:

— Чего выдать-то, а?

— Я тебе покажу. Ты все в документики запишешь, как полагается, я потом за все отчитаюсь… Сам видишь — уснул человек, устал.

— Вижу, не слепой…Пойдемте.

Уже бодрый, я проследовал за хранителем в каптерку, смотрел пристально, как тот неторопливо открывал замки и запоры, и, едва сдерживая себя, чинно зашел вовнутрь. Увиденное меня потрясло.

— Что это, Иванов? Где все!?

— Товарищ лейтенант! — усмехнулся он. — Наши бойцы в первом батальоне тренируются, типа формируются, типа или как, не знаю, все более — менее приличное разобрали. Это осталось то, что никому не подошло.

Я молчал и стоял столбом. Иванову это быстро надоело, и он спросил, буду ли я что-нибудь брать, или можно закрывать помещение, а то скоро весь личный состав вернется с подготовки на ночлег, и ему много работы будет. Не отвечая, я начал перебирать останки бронежилетов на полу, щупать их и

пристально рассматривать. Мне удалось найти внешне приличный броник, правда, без пластин. Но в других бронниках по одной — две пластины попадались. Тогда я приказал сержанту заполнять накладную, а сам принялся вытаскивать пластины из других бронежилетов и начинять ими выбранный. Покончив с этим делом, я отобрал относительно целую каску, без камуфляжного покрытия, ну и черт с ним — не в разведку же мне идти; более — менее нормальный котелок; вещмешок с дырками, но такими, которые я рассчитывал зашить сам; проверил записи сержанта в накладных, расписался и откланялся. И во время: гремя унылыми фальцетами, бодрыми дискантами и хриплыми басами, личный состав, измученный невиданными доселе ежедневными тренировками, направлялся на заслуженный отдых.

«Чем они там, в первом батальоне, занимаются?» — подумал я. — «Надеюсь, не строевой подготовкой»?

Хозяйке гордо заявил, что отправляюсь на фронт, милостиво разрешил пользоваться моим телевизором, попросил беречь мои вещи и добрую память обо мне, а потом до полночи зашивал вещмешок, отмывал котелок, и пытался вывести странные пятна на бронежилете. Не сумев вывести ни одно, я плюнул на них, и пошел спать, позаимствовав у спящей бабули ее будильник. Его-то гнусный гул я оторвал меня от чудесного, но, к сожалению, слишком короткого сна.

Я бодро зашагал к расположению первого батальона ровно в одиннадцать часов. Без пятнадцати одиннадцать у меня возникла проблема, как расположить поудобнее на себе бушлат. Кто-то умный сказал как-то, что на этом перевале даже летом, когда внизу несусветная жара, может быть ужасно холодно. Я запомнил эту вскользь брошенную фразу, и теперь никак не мог совместить бушлат и вещмешок в «одном флаконе». Я пробовал пришпандорить его лямками вещмешка, которые предназначались для крепления ОЗК — не вышло: мой бушлат был слишком толст для этой цели. Надевать его на себя мне совершенно не светило: мало того, что я мог вызвать истерический хохот всей встреченной мною на пути городской молодежи, так я мог еще и спариться просто-напросто. В конце — концов, пришлось взять бушлат под мышку, и отправляться в путь как презренному мешочнику, обвешанному тюками со всех сторон (ну, если, конечно, принять за тюк набитую планшетку, болтавшуюся у меня с левого бока).

Я шел по узким каменистым улочкам вниз, и мои звонкие подковы на берцах выбивали равномерную дробь. Прохожие иногда оглядывались на одиноко путника, но тут же забывали о моем существовании, как только я исчезал у них из виду. Я же

перекидывал бушлат из руки в руку, и уже стал думать, что хорошо бы побыстрее бы дойти до места назначения бы, и свалить все свое барахло где-нибудь в укромном месте. И, кстати, увидеть свое старое новое начальство.

Нижнее КПП тошнотворного грязно-желтого цвета, куда я наконец добрался, не производило впечатление разворошенного муравейника, как мне воображалось. Отнюдь. Движения через вертушку было даже меньше, чем обычно. Молнией промелькнул испуг — вдруг я опоздал, и все уже уехали, а меня ищет кто-то ужасный, дабы схватить и препроводить куда следует, как подлого дезертира и предателя? На слегка дрожащих коленях я подобием полугалопа добрался до казармы минометчиков первого батальона, и поскакал как козлик наверх, на второй этаж, в канцелярию. Казарма была пуста, только дневальные из молодых таращили на меня глаза, не зная, что им делать со мной: все звездочки я спорол с погон еще дома — вдруг забуду сделать это потом — а мало ли что? И вот, во избежание…

Я толкнул дверь в канцелярию, и перевел дух, увидев за столом Швецова командира первой минометной батареи. Не поднимая головы, он дружелюбно сказал:

— Ты точен, как Биг — Бен.

Я непроизвольно взглянул на часы и сам поразился: было ровно двенадцать — минута в минуту. Что это — совпадение? Или доброе предзнаменование перед началом долгого и трудного пути в неизвестность? Швецов, все так же не отрывая глаз от важных бумаг, в которых он ожесточенно копался, предложил:

— Посиди, отдохни. Сейчас подойдет твой друг — Вася Рац. Он будет у меня СОБом, а ты будешь командиром взвода управления.

— А кто еще поедет с нами?

— Ну, кроме перечисленных, еще Артур Базаев и все.

— А старшина?

— Нет. Старшины не будет. По крайней мере пока. А там дальше посмотрим… Да, вот бери автомат, подсумок и магазины. И распишись у меня.

Я выполнил его приказ, аккуратно положил вещмешок на пол, сел на стул и блаженно вытянул ноги. Оставалось только ждать дальнейших распоряжений. А уж чего — чего, а вот ждать я умел. Настроив себя на медленное внутреннее созерцание, я приготовился было к мини — медитации, как дверь в канцелярию распахнулась снова, и сюда ворвались веселые лейтенанты, лично мне мало или вообще незнакомые. Они расшумелись, заняли все свободные места, успели поцапаться со Швецовым, а один из них сел прямо на мой вещмешок. Я лишь успел пискнуть:

— Осторожно, там хрупкие предметы!

Нахал засмеялся, а высказал мне комплимент в том смысле, что запас карман не тянет, а я это хорошо понимаю. На эту лесть я только усмехнулся, но мысленно воззвал к Всевышнему, чтобы под тяжестью этого юного офицера не треснули бутылки с водкой. Впрочем, ничего страшного и не произошло. Шумные лейтенанты исчезли так же внезапно, как и появились, а я остался вновь наедине со Швецовым, когда дверь тихо скрипнула, и в комнату осторожно вошел маленький и серьезный Вася Рац. Мне захотелось сказать ему что-нибудь хорошее, так он положительно на меня воздействовал, такое умиротворение и спокойствие давал моей взволнованной душе, но кроме — Привет, Вася! — у меня ничего не вылетело. И мысленно я посетовал на собственную косноязычность, проявлявшуюся всегда некстати. (Вот когда надо бы было промолчать, тогда мой язык излагал глупости легко и свободно, отчего несколько позже сильно страдала моя голова и прочие части тела).

Вася слегка кивнул мне, и принялся обстоятельно докладывать командиру батареи о том, сколько техники он уже отправил в расположение первого артиллерийского дивизиона, какое имущество они захватили, техническое состояние вооружения и прочую полезную и необходимую информацию. В очередной раз я подивился Васиной работоспособности, посетовал на собственную тупость и безалаберность, но все также оставался на своем насиженном месте и никуда подниматься не собирался. К моему вящему удивлению, Вася, не глядя на меня да что они, сговорились что ли? — закончил свою речь сообщением, что осталась последняя «шишига», которая ожидает меня у ворот парка первого батальона, чтобы доставить в место сбора, и на которой, я, скорее всего, и отправлюсь на перевал.

Швецов поднялся во весь свой немаленький рост, отчего навис над Рацем, как журавль над колодцем, и абсолютно искренне крепко пожал ему руку. Вася принял этот жест как должное, махнул мне рукой, я кряхтя поднялся, и последовал за ним. По дороге мы не сказали друг другу ни слова, но и без этого нам было все достаточно ясно. Вася пошел в столовую, а я отправился к «шишиге» под номером «15–28 КА».

Водитель, о котором Вася мне не сообщил ничего — запамятовал, наверное — оказался похож на доброго медвежонка из детских сказок, только глаза у него были не веселые и лучистые, а сонные и созерцательные. Мне подумалось почему-то, что так выглядят поэты. Наверное, в свободное от службы время он пишет что-то вроде: «Я не рожден для службы царской…» и тому подобное.

— Пятницкий? — спросил я.

— Пятницкий, — ответил он.

— Тогда поехали!

Он встрепенулся, потянулся, сладко зевнул, завел мотор, и мы поехали в отдаленное расположение первого дивизиона. Впрочем, парк располагался еще дальше — почти у подножия гор, рядом с малым полигоном.

Пока мы ехали — пошел дождь. Я чертыхнулся: в самый ответственный момент погрузки, в момент всеобщей сумятицы и противоречивых приказаний, в момент всеобщих шараханий и движений с неба нас будет поливать водой, напитывать сыростью, и превращать торжественный вид колонны в некое грязное подобие. Но к моменту въезда на территорию парка дождь сошел на нет осталась лишь легкая изморось, от которой было свежо, и почти приятно.

Пятницкий пристроился к своим товарищам, и убежал в чей-то кузов играть в карты и пить чай. Не чай, наверное, пить, но мне что за дело — больше всех надо, что ли? Я и сам принялся размышлять — вытащить ли свой согревающий напиток, или все же приберечь для более худших времен? Предусмотрительность победила — мне стало лень лезть за вещмешком, который я так основательно впихнул под сиденье. Я выполз из кабины и пошел прогуляться по парку. Знакомых почему-то не было, делать мне было нечего, в караульное помещение я тоже не захотел — маячил майор Жарин, и если бы он обнаружил меня в караульном помещении парка своего дивизиона, то расстрелял бы на месте. И не только меня, но и начальника караула, и помощника, а подумав немного, еще и разводящего, и часового на «фишке», который меня впустил, например. Я вернулся в кабину и попытался заснуть. Ничего подобного — ни в одном глазу не появилось и капли сна. А вот голова постепенно начинала болеть. Я понял причину: что-то ведь надо было делать командиру взвода управления, а что именно делать в данный момент здесь, в парке — я понятия не имел. Ждать и догонять — хуже нет.

Где Базаев, где Швецов, где Вася? Вот если бы он был рядом, то мне было бы спокойно — он бы сказал, что все в порядке — я бы спокойно сидел и ждал; он бы сказал, что надо сделать — я бы пошел делать со спокойной душой. Но его не было, и в результате переживаний и мучительных раздумий голова моя заболела так, что я нашел повод сходить в караулку: спросить таблетку от мигрени.

— Позови начальника караула!

Солдат гнусным голосом забубнил что-то во внутреннюю связь, и через полминуты из караулки выпрыгнул стройный и

нежный, как горный козлик, мой земляк Вова. Я искренне изумился, и хлопнул себя по лбу — Вова! Вова на посту! — а я мучаюсь от скуки и безделья! В то время как можно зайти к Вове (гори ты, Жарин, синим огнем), и как минимум, посмотреть телевизор. Или даже чаю напиться. Вова, как радушный хозяин, широким жестом пригласил меня внутрь, я поправил ремень, и шагнул за порог.

Меня чуть не сбил с ног запах сырых портянок, сушившихся личным составом на батареях сушилки. Но запах что — запах ерунда! Главное, было сухо, тепло и работал телевизор. Вова развел руками — чая не было. Ну нет, и не надо.

— Ты не едешь, Вова?

— Да нет, что-то не горю желанием. Я к караулу привык, сроднился почти — так что на приключения не тянет… А ты вот сподобился?

— Да не то что я… Нет, просто приказали.

— Ага.

Мы замолчали — говорил диктор новостей. Последние новости из Чечни. Пока он порол чушь, я смотрел на часы и гадал: когда же все-таки приедут господа — начальники, и начнут приводить батарею в божеский вид.

Время было традиционное — темнело. Бойцы раскрывали каждый ящик, вынимали мины, вставляли основной заряд, тут же навешивали дополнительные пучки и грузили боеприпасы в машины. Появившийся в последний момент Швецов теперь торопил всех страшным криком и пинками. Вот всегда так получается: весь день не знали куда деться от безделья, а теперь за час надо было успеть все, что полагалось в спокойной обстановке делать часов восемь.

Последний десяток зеленых деревянных ящиков пришлось обслуживать уже при свете паркового освещения. Но его явно не хватало, и тогда машины включили фары — с их помощью основная задача была выполнена, Вася вытер пот со лба, я перевел дух, а Швецов повернулся к «шишиге», на которой приехал в парк, и приказал доставать цинки с патронами. Раздача боеприпасов заняла еще полчаса. Я снарядил магазины, забил пачками подсумок, покрутился на виду у Швецова еще минут десять; он ничего мне не сказал, и я со спокойной душой отправился смотреть футбол в караульное помещение.

Вована сменил Славик — к этому типу я вообще мог зайти в любое время дня и ночи — зря что ли проучились вместе целых пять лет — а там уже набилось десятка два офицеров. Все оказались завзятыми болельщиками. Тогда я совсем расслабился: не стал бы Жарин всех выгонять из караулки в такой момент.

Болгары обули немцев со счетом три — два, и я довольный ушел спать.

В парке не прекращались шарахания, слышался невнятный гул голосов, непонятных звуков, то и дело загорались и гасли огни в кабинах — жизнь продолжалась и ночью. Но не для меня — у меня слипались глаза, очень хотелось забраться в теплую кабину и уснуть. Пятницкий уже спал, он даже не пошевелился, когда я распахнул дверцу со своей стороны. Намучился парень за день, вот и предавался сладкому упражнению сна в немыслимой позе. Мне тоже пришлось минут пять покувыркаться, пристраиваясь то так, то этак в сидячем положении, пока вроде бы все не устроилось. Тогда я закрыл глаза и провалился в темноту без звуков и сновидений.

Сознание вернулось в меня мгновенно. Я резко выпрямился. Туманное дождливое утро представило окружающий мир в немыслимой резкости видимых предметов. Я протер глаза, но не покинул кабины — а куда, собственно говоря, мне было идти? Мочевой пузырь меня не тревожил, есть не хотелось, Пятницкий мирно, как кот, посапывал рядом, а ни Швецова, ни Васи нигде не было видно.

Я снова закрыл глаза. Нет, не получается. Пришлось снова уставиться на пейзаж за окном: на каменный забор поносного цвета с ржавой колючей проволокой на верху, на зеленую траву с пролысинами, откуда нагло лезла в глаза желтая бесплодная глина, на открытые парковые ворота, где стоял кто-то в выгоревшем камуфляже.

Проснулся Пятницкий, посмотрел на меня полусонными своими мечтательными глазами, открыл дверцу, откуда в кабину ворвался свежий прохладный воздух, и убежал на оправку. Он убежал, а я остался.

Швецов подошел откуда-то сзади.

— Скажешь своему водиле, чтобы держался за передней машиной — куда она, туда и он. Примерно через двадцать минут тронемся.

Темные круги под его глазами и резкий кислый запах не оставляли сомнений, что ночь он провел хорошо: содержательно и полезно. Швецов пошел дальше, стараясь не делать резких движений, а Пятницкий вернулся, выслушал мои указания, молча кивнул, и снова закрыл глаза.

Через полчаса тронулись…

Если через много лет у меня спросят, не жалею ли я о том, что поехал на Харами, я, не колеблясь, отвечу: «Нет! Никогда в жизни не пожалею об этом, потому что в этом походе я видел горы!». Горы…

Словно стесанные гигантским топором, обнажившие свою каменную утробу, свысока смеющиеся над нами, похожими на букашек, нависали они над серпантином дороги. По другую сторону, внизу, в пропасти, стремительный поток воды гремел и ярился, сверкая ледяной водой.

Дома в горных аулах карабкались один на другой, напоминая соты. Вездесущие мальчишки, закутанные в паранджу женщины и молчаливые старики сопровождали странными взглядами нашу тягучую колонну.

Внезапно появлялся сосновый лес, украсивший своим присутствием склоны, и тогда мне, как какому-нибудь восторженному живописцу, хотелось нарисовать картину. Но что мечтать — я не художник и никогда им не буду.

Тучи и сырость остались позади — внизу. Здесь же поднималось жаркое солнце, делая окружающий пейзаж ярким и сверкающим до боли в глазах. Порой мои глаза выхватывали глубину пропасти, по краю которой скользила техника, и на мгновение мелькала безумная мысль — а что если полететь туда, в эту страшную и манящую бездну. После этой мысли тут же возвращался ужас, охватывал сердце когтями, невольно отбрасывал тело от дверцы и заставлял поеживаться.

Серпантин кончился, мы свернули куда-то, где горы были со всех сторон, и тогда как звон будильника, вырывающий человека из царства прекрасных, или кошмарных, но все же грез, раздался яростный треск очередей. «Шишига» резко затормозила, Пятницкий судорожно одевал бронежилет и напяливал на голову каску, а я передернул затвор у автомата, и, будучи в бронежилете с самого начала путешествия, сразу выпрыгнул из кабины и помчался к передовой машине нашей батареи — к Швецову, так как ни рации, ни даже карты у меня не было.

Бежать пришлось довольно долго, но не успел я преодолеть даже половины расстояния, как звуки стрельбы также резко оборвались, как и возникли. У машины Швецова стояли Рац и Базаев.

— Что случилось? — спросил я, преодолевая одышку.

Мне ответил как всегда сосредоточенный и всезнающий Вася:

— Этот осел Косач увидел наших разведчиков, пробиравшихся по высоте, принял их за дудаевцев и открыл огонь. Хорошо, что Косач такой косой, всего лишь ухо разведчику оцарапал.

— А чего тогда стоим?

— Да вот, комбат спасает Косача от командира разведроты — тот его пытается выволочь из машины и расстрелять на месте.

Мы постояли еще минут пять, когда передние машины

тронулись, я остался на месте, и запрыгнул в свою кабину, когда Пятницкий поравнялся со мной. Ему было очень стыдно за свой недавний испуг. Но я подбодрил его:

— Ты каску сними, она тебе сейчас не нужна, а вот броник оставь. Мы скоро въедем в места опасные, а там мало ли что — и одеть не успеешь.

После пережитого страха, глядя на мое спокойное лицо, он подчинился беспрекословно. Так часто бывает — беспечные, расползающиеся во все стороны как тараканы, солдаты в минуту смертельной опасности собираются вокруг офицеров. Они ждут указаний «что делать?» в момент, когда их небольшой опыт не дает им ответов. А собственно, для чего еще нужны офицеры?

Чем дальше мы продвигались в глубь гор, тем сильнее растягивалась наша колонна. Состояние техники, мягко говоря, не внушало особого оптимизма. Периодически то та, то другая машина останавливалась, к ним подъезжала техническая помощь, следовавшая в аръергарде колонны, и техники из ремроты пытались хоть что-то сделать. У нас в минометке пока все шло относительно благополучно: ни одна машина не остановилась, все так и шли друг за другом, а стоявшую на обочине технику других подразделений расчеты в кузовах провожали насмешливым свистом.

Не имея карты, я не понимал, где мы находимся в данный момент. Поэтому постоянно ожидал нападения на колонну. На самом деле это было глупо колонна двигалась еще в глубине Дагестана, но я — то об этом не знал! Мало того, на редких остановках Пятницкий приносил новости, что, оказывается, где-то впереди нас ждут сотни боевиков. Причем по мере дальнейшего продвижения их количество только увеличивалось, угрожая достигнуть размеров полнокровной дивизии. Чем больше их становилось, тем меньше мне в это верилось. Но я не стал разубеждать водителя: от этих слухов он становился все внимательнее и дисциплинированнее, что было совсем не плохо.

А может это кто-то из наших высоких чинов нарочно распускал такие слухи? С целью дисциплинизации нашего обоза? Тогда следует признать, что это был блестящий пиаровский ход — если он как-никак действовал на меня, то про рядовых и говорить было нечего.

Проехав еще пару аулов, мы снова резко встали. Ничего подозрительного не только не наблюдалось, но и не слышалось. Прискакал рядовой Есиков и сообщил мне, что надо идти к Швецову получать сухой паек.

Что ж. Я прихватил по человеку из каждого расчета и отправился за продуктами. Никогда до этого сухого пайка не

видел. В части в «тревожный чемоданчик» положен был сухпай. Сколько я его ходил выбивал, сколько заявлений писал… Все без толку. В конце концов купил все в магазине, нашел подходящую коробочку, и загрузил. И на ближайшем же строевом смотре получил втык от начальника штаба бригады за отсутствие стандартного сухого пайка. Ну и черт с ним. Кстати, он лежал у меня сейчас в вещмешке. Но я опять же рассчитывал на худшие времена, потому и не помышлял даже раскрыть его для использования.

А после получения продуктов наконец-то смог увидеть, что же он представляет из себя — стандартный сухпай.

О, неплохо! Тушенка, две банки каши, сахар. Жаль, что хлеба не дали. С детства приучен: без хлеба — это не еда. У нас даже макароны с хлебом ели. Кому-то смешно, а у меня уже как рефлекс.

Короче говоря, не поход, а веселая прогулка. Приятная, живописная местность, вкусная, здоровая пища, ласковое солнце — что еще нужно человеку, замученному нарядами и строевыми смотрами? О, вот что! Не хватает музыки. Не хватает автомагнитолы с зажигательными ритмами зарубежной эстрады. И тогда можно ехать бесконечно долго. И понимать, что процесс гораздо приятнее результата.

Мысли текущим моментом, наслаждайся им! Ибо кто знает, что ждет тебя впереди, хотя бы вот за тем поворотом. Как могу я загадывать на будущее, когда и ближайшая минута не подвластна мне. Есть какая-то магия в неопределенности судьбы. Она позволяет не думать, не размышлять мучительно о выборе вариантов. Когда от тебя ничего не зависит, то чувствуешь себя прекрасно.

Пока я в состоянии легкой полудремы предавался изящным рассуждениям о пользе безответственности, погода переменилась. Солнце исчезло за тучи, поднялся свежий ветерок, а местами моим глазам представились клочки тумана. Но это было не опасно. Неприятность обнаружилась в том, что мой славный Пятницкий упустил ведущую машину. Не было борта, за который могли зацепиться глаза. Куда ехать-то? Как ни странно, никого не было и позади.

Машина стояла на вершине какого-то перевала, под нами виднелись крыши, стены, куски заборов. Цельной картины не было: отдельные части поселка казались кусками разбросанной мозаики на мягком туманном фоне. И тишина. Ни рева моторов, ни шума голосов, ни лая собак.

Я выбрался из кабины под свист ветра.

— Ну что, Пятницкий, ты не чувствуешь, что мы последние

люди на земле?! — я мрачно захохотал.

Вид мой, наверное, был как у сумасшедшего, но водила не понял моей байроновской иронии. Он прагматично хотел знать — куда ехать дальше? Его прагматизм обломал мой романтический восторг, вызванный отупением долгой дороги, и опустил на серую почву. Я разглядывал следы шин в пыли. Они все вели в разные стороны, будто не в далеких горах мы потеряли направление, а заблудились на оживленных улицах Нью-Йорка.

Личный состав, покинув пыльный кузов, разминал затекшие ноги, справлял большие и малые нужды, а я мучительно решал вопрос: «Стоять или не стоять? Ехать или не ехать?». Проходили минуты, но никто не появлялся. И никто не сотрясал воздух.

«Куда же все провалились?» — на этот раз я по-настоящему встревожился. Ну не попали же мы во временную дыру! Не могли же мы быть последними в колонне!

Но дунул особенно сильный и резкий порыв ветра, и в рассеявшемся облаке тумана, далеко внизу, я заметил, наконец, мелькнувшее пятно защитного цвета.

Этого было достаточно — оказалось, что другой дороги здесь все равно не было. Приятная во всех отношениях безальтернативность повела нас вниз, под гору, вслед за быстроходными товарищами.

Однако не успел я успокоиться от пережитой коллизии, как бледный вид моего водителя снова погнал в мою, еще и не успокоившуюся кровь, адреналин.

Боковым зрением я с тревогой отметил, что Пятницкий облизнул пересохшие губы, а маленькие капельки пота, выступившие на лбу, не оставили мне сомнений, что мой гусар — поэт пережил что-то не очень приятное за последние минуты.

— Ну-ка, друг, колись, что случилось? — спросил я, попытавшись придать своему голосу строгое, но отеческое звучание (в мои-то двадцать два года!).

Не удивительно, что вопрос мой прозвучал фальшиво: ни строго, ни отечески, а не пойми как. Но друга Пятницкого меньше всего волновали мои интонации, он сквозь зубы, (так говорят, когда приходится признаваться в каких-то неприятностях), прошипел:

— Тормоза…

И без того хмурое небо померкло перед моими глазами. Приехали! Теперь всю дорогу придется трястись от ужаса — если поедем сами. Или от позора если нас возьмут на буксир.

— Что, совсем не работают? — наверное, вопрос я задал идиотский. Но получил умный ответ, слегка попустивший мое ощущение национальной катастрофы.

— Да нет, качками тормозить пока можно… Но насколько хватит этого «пока»? Вот вопрос.

Мы посовещались, и я решил ехать до первой остановки. Опасное и необдуманное решение? Возможно. Но мне не хотелось опять оказаться в одиночестве. Пока едешь — есть надежда. А остановка — маленькая смерть.

Восемь человек за стенкой не подозревали ни о чем. Наверное, им было спокойно, а может быть, даже и весело. Вот также спокойно и весело они полетят в пропасть. Я прыснул от смеха. Пятницкий покосился на меня и непроизвольно отодвинулся.

— Ну что теперь, плакать что ли, — сказал я нравоучительно.

Хмарь оставалась позади. Снова впереди ощущалось солнце. Вот — вот должно появиться…

За поворотом появился задний борт «шишиги» второй роты.

— Тпру! — крякнул Пятницкий и энергично заработал сапогом. Остановились мы в нескольких сантиметрах от этого борта.

— Хиппуешь, клюшка! — крикнул Пятницкому высунувшийся по пояс из кабины сержант Супонев, водитель «шишиги», а по совместительству громила и ужас всего личного состава второй роты; человек с вечно небритой мордой.

«Хиппующий клюшка» в очередной раз вытер пот со лба.

Я постарался подбодрить закомплексовавшего водителя:

— Не переживай! Доедешь благополучно — получишь медаль. А не доедешь орден… Но извини — посмертно.

Ничуть не обнадеженный этим щедрым посулом, скорбный Пятницкий полез под машину смотреть тормоза. Как минимум, он хотел узнать — не вытекает ли из них тормозная жидкость.

Пока нервный водитель корячился под любимым автомобилем, я достал из коробки продукты, и, задумчиво повертев в руках банку тушенки, открыл ее штык — ножом. А что прикажите делать? Если я упаду в пропасть вместе с этой кучей металлолома, то не будет ли съедать меня тоскливая мысль, что зря пропадают продукты в вещмешке, а я ломаю кости голодный и неудовлетворенный желудочно? Вспомнилось мне в этот миг творение профессора Выбегалло человек, неудовлетворенный желудочно, и испортило весь аппетит. «Вот что я за мерзкий тип», — подумал я, — «нет, чтобы принять какое-то волевое решение, спасти ситуацию… Вместо это цепляешься за низменные плотские удовольствия, как будто пытаешься напоследок надышаться».

В этот мучительный момент «шишига» Супонева дернулась и поползла вперед. Позади нас загудели возмущенные клаксоны.

Что ж, ведь мы перегородили им всю дорогу, образовали гигантский тромб. Сейчас нас скинут вниз, чтобы не мешались, а меня поставят к стенке… Нет, не так. Стенок здесь нет. Поставят меня, вот скажем, к этому каменному обрезу, где трещины и лопины складываются в некое подобие шестиконечной звезды…

Пятницкий запрыгнул в кабину заметно повеселевший. У меня тоже отлегло от сердца:

— Ну что, друг? Чем обрадуешь?

Грязный Пятницкий распустил пальцы веером и важно произнес:

— До цели доедем, а там что-нибудь придумаем.

Мы тронулись в тот самый момент, когда офицеры, прапорщики и контрактники с позади стоящих машин уже мчались к нам, чтобы вытащить нас из кабины, и, наверное, набить морду.

Но мы, ха-ха-ха, оставили их позади, и теперь они бессильно грозили нам кулаками, скрываясь в облаке пыли.

Опять мы были одни. Но уже не в туманной хмари, а под горячим солнцем, под ярким синим небом, вдыхая горный ветер и радуясь жизни.

Пару раз нас обгоняли безумцы. Ширина дороги позволяла разъехаться двум «Уралам», но я не рискнул бы на такие маневры на такой скорости, тем более, когда сзади прицеплена пушка. Но я догадывался, кто сидит в кабине этих мощных машин. Естественно лейтенант Поленый, и лейтенант Гаррифулин. Вечные друзья — соперники превратили скучный для них переход в веселое ралли. И водители, наверняка, под стать им — такие же отчаянные и жизнелюбивые парни.

Помню, в нашем Новопетровске был такой отчаянный малый, как любят говорить душевные школьные преподаватели, способный, но ленивый. Способностей его вполне хватило на то, чтобы угнать автомобиль, а леность мысли и любовь к острым ощущениям привела прямиком в столб, где и остался на долгое время след от его мозгов в виде темного пятнышка. Разговоров хватило на неделю, причем сочуствие в основном вызывал владелец машины. Его «ласточка» восстановлению не подлежала, а если учесть, что он ее только неделю как купил…

Из родни несостоявшегося пилота «Формулы -1» в наличии была только одна мать-одиночка. А какой с нее материальный спрос?

Несостоявшийся автовладелец продал оптом все годные запчасти со своей «ласточки» местным умельцам, а деньги пропил с горя. А будучи необуздан во хмелю, устроил драку в местной «тошниловке», где ударил нашего участкового по голове

бутылкой.

Вот так этот малолетний осел разбил жизнь почтенному человеку, отцу двух детей.

Мимо этой «тошниловки» я всегда возвращался домой из школы. Повернуть за угол и прямая дорога к подъезду…

Я заснул. Мой сладкий сон прервал своим грохотом очередной обогнавший нас «Урал». На кабине гордо реял черный флаг с черепом и костями. Мелькнуло даже что-то похожее на «Анархия — мать порядка». Мелькнуло и скрылось в облаке пыли. Пятницкий яростно закручивал стекло. Я резво завертел ручкой со своей стороны — все меньше пыли набьется в кабину.

А это был Косач. Паразит, которого чуть не расстрелял командир разведроты Сабонис. Только этот выпускник Минского военно-политического, вместо работ Ленина трепетно изучавший материалы махновского движения, мог отчебучить такой прикол.

Атмосфера дисциплины с удалением от базы начала убывать. Сначала ее поддерживал страх, но ничего не происходило, и он улетучился. Но я бы не стал делать такие скоропалительные выводы. Все-таки с нами ехали такие крепкие командиры как капитан Скруджев и майор Бугаенко, и, как мне кажется, лейтенант Косач может развлечься в дороге, конечно, если хочет, но когда мы прибудем в район сосредоточения, то свой флажок он конкретно спрячет.

Собственно, так оно и произошло.

К вечеру эта поездка стала меня чрезвычайно доставать. Уже заболел копчик от жесткого сидения, устал вестибюлярный аппарат и гнусная пыль противно скрипела на зубах. Честно говоря, очень хотелось пить. Чего-нибудь холодненького и газированного.

Живописная местность осталась внизу, а здесь начались какие-то голые серые вершины, ни куста, ни травинки, пыльно, пасмурно и мрачно.

Пятницкий устал крутить баранку, «шишига» устала ехать, больные тормоза устали тормозить.

Но вот еще один подъем, и перед нами открылось то ли плато, то ли долина — черт ее разберет, но очень большое ровное место. Похоже, вся техника, обогнавшая нас, уже стояла тут.

«Неужели это Харами?» — подумал я. И был не прав. Это был Ботлих.

— А вон и наши! — закричал Пятницкий, и даже показал своей грязной рукой, где именно.

Я слегка прищурился и угадал фигурку Швецова. Около него крутился мой дорогой Вася, а вот Базаева не было видно. Что ж, если я не последний, это очень хорошо. Меньше вопросов. Строго

говоря, Артур всегда слегка подтормаживал, так что ничего удивительного, что он задержался в пути. Может быть, часа два изучал деревья, обвязанные разноцветными ленточками попадались нам такие по пути несколько раз — с него станется.

Мы лихо подрулили к остальным машинам батареи, я выпрыгнул из кабины и с большим удовольствием размял затекшие от долгой дороги ноги. Швецов стоял как будто в легком недоумении, Вася сосредоточенно ковырял в носу, а когда ему это надоело, он стал грызть ногти. Я поддержал сослуживцев: вытащил спичку и начал чистить серу в ушах. Сера была черной от пыли. Я приуныл: воды не было даже в проекте, и бог знает, когда появится. На всякий случай я прихватил с собой вату и пузырек одеколона, чтобы протирать свою несвежую физиономию, но как мне казалось, срок для этого еще не подошел.

— Куда разворачиваться? — бодро спросил я у старших начальников.

Комбат кисло покосился на меня: запах утреннего перегара выветрился, но вид он до сих пор имел болезненный, глаза покраснели, и, судя по тому, как он поворачивал голову, она у него до сих пор болела.

Почему я не предложил ему похмелиться? Трудно сказать. Скорее всего, остановила меня мысль, что, судя по всему, этим вечером Шевцов снова отправится неплохо проводить время, но меня туда, естественно, не пригласят. Так зачем я буду тратить на него собственное лекарство, когда, я уверен в этом, он на меня никогда бы не потратился?

— Никуда не надо. Мы здесь только переночуем, — это как всегда лаконично и по делу объяснил мне ситуацию мой друг Вася.

Я остался стоять на месте, ковыряя носком берца землю, и принялся размышлять о том, чем собственно мне заняться в таком случае. Шевцов что-то негромко сказал Рацу, так что я ничего не услышал, и они быстрым шагом направились к скопищу штабных машин. Их было легко узнать по большому количеству высоких тонких антенн, стоящим на посту у дверей кунгов часовым, а также мельтешению денщиков.

Мне на глаза попалась «таблетка», куда-то лихо удалявшаяся от нашего расположения.

— Хе — хе — хе, — хмыкнул я, — за водкой небось поехали.

Смешок-то вышел у меня кривой и слегка грустный. Они-то поехали, а вот я что должен делать? Давно поджидавший этой минуты кишечник дал первый робкий сигнал. Это было сделано очень во время, и я тут же обеспокоился его ублажением.

Тщательно оглядевшись, я заприметил метрах в двухстах от точки моего нахождения некую пещерку в песчаном бугре. Трудно сказать, как она могла образоваться, да и какая, собственно говоря, разница. Я легким шагом устремился в сторону обнаруженной мною пещеры, и обрадованный таким вниманием кишечник разошелся во всю. Мое изящное передвижение превратилось в легкое подобие полугалопа, но чем ближе я подбирался к цели, тем больше во мне росла тревога. Когда же я, уже постанывая и подпрыгивая, добрался до пещеры, то мои нехорошие предчувствия полностью подтвердились. Все ее дно покрывали как мины невыносимо смердящие продукты человеческой жизнедеятельности. Там и шагу-то ступить было некуда, не то что присесть. Вот черт! Обнадеженный ранее, и не желавший более признавать никаких уговоров кишечник сжался так, что я присел прямо там, где стоял, и наплевать мне было на все остальное…

Сходить я решил к Юре Венгру — нашему дивизионному командиру взвода связи. Юра был человеком, приятным во всех отношениях. В славное советское время Юра закончил институт с военной кафедрой, а потом два года прослужил в артиллерийском полку, который существовал ранее на месте нашей бригады. Потом он, естественно, уволился, жил простой гражданской жизнью, но когда Союз пал, а Егор Гайдар поднялся, жить простой гражданской жизнью ему стало несколько затруднительно. Помыкавшись без работы, денег и определенных перспектив, Юра почему-то решил, что армия — это то место, где его ждут с распростертыми объятиями.

Между прочим, он не ошибся. В Ростове ему даже благодушно предложили выбор места службы.

«Хочу туда, где личного состава поменьше, а техники — побольше», рявкнул, вытянувшись во фрунт, Венгр — (а это, между прочим, фамилия такая) — и получил желаемое. Он оказался как раз в том месте, где прошла его славная военная молодость.

Часами Юра размышлял, почему начальство решили, что именно здесь техники много, а личного состава мало, и не находил ответа. В конце концов, он пришел к тому выводу, что имелось в виду следующее: мало личного состава, который может с этой техникой работать. А так людей, вообще-то говоря, много. Когда он поделился своими размышлениями со мной, я с ним полностью согласился. Я даже добавил, что если принять этот тезис за основу рассуждений, то неминуемо придешь к тому выводу, что наша бригада попросту безлюдна. В пору просто кричать «Ау» или «Караул» — это уж кому как больше нравится.

А так как мы к этому моменту уже выпили на пару по бутылке славного кизлярского коньяка, то вышли на улицу и стали претворять теоретические выкладки в жизнь: он кричал «Ау!», а я — «Караул!». Это вызывало диссонанс, и мы договорились кричать что-то одно. Теперь уже он кричал «Караул», а я вопил «Ау». Мы снова замолчали, и задумчиво посмотрели друг на друга. В этот момент жена замполита второго батальона Люба Баринова вылила с высоты четвертого этажа нам на головы ведро воды.

Освеженные, мы отправились допивать коньяк.

Если учесть, что воды в этом пятиэтажном доме не было уже лет пять, и приносили ее из находящегося напротив дома военного городка ведрами в собственных ручках, можете себе представить, насколько сильно нам удалось донести до окружающих свой социальный протест. В час ночи.

Ну, так вот, я пошел к Юре. Раз Вася Рац оставил меня ради этого капитана Шевцова, карьерист несчастный, то пусть так оно и будет. А я пойду к Юре.

Первый, кто мне попался на глаза у машины связи, которой владел Венгр это рядовой Карапузенко. Я помнил этого солдата еще по штабу батальона, когда он круглосуточно мыл полы, бегал за сигаретами, пивом, вином и водкой, а потом еще и пытался охранять комнату дежурного по батальону. В то время он был тощ, немощен и жалок. Поистине христианским смирением лучились его темные семитские глаза, олицетворяя неземную кротость и стоицизм под ударами судьбы. Когда я стоял в наряде помощником дежурного по батальону, то мы часами обсуждали сколько дней осталось до его неизбежного дембеля. И он восклицал жалобно: «О Боже, сколько мне еще служить!». А я его утешал, цитирую вечные истины: «Молодость — это такой недостаток, который очень быстро проходит. И ты, Дима — (кстати) — еще со слезливым умилением будешь вспоминать это время. Вот припрет тебя приступ геморроя или радикулита, и завопишь ты нечеловеческим голосом — вот бы молодость вернуть! Тогда я еще ходить мог!». «Да-а,» — стонал он, — «другие-то тоже здоровы, но в армии не служат, а в кабаках с женщинами прохлаждаются!». Тут уже я не выдерживал: «Тебе что — армия наша не нравится?! Ты чего тут развел панические настроения, а?!». И грустный, ни в чем не убежденный Карапузенко уходил в очередной раз надраивать коридор.

Но с появлением Венгра жизнь бойца заметно изменилась к лучшему. Венгр забрал его в свой взвод, стал поручать специальную работу, у Димы появилось свое пристанище — склад связи в штабном помещении — и он начал упитываться,

облагоображиваться, матереть и слегка борзеть.

Кончилось это тем, что два местных прапорщика его конкретно отлупили что-то он обещался отремонтировать, взял вещь, а сам в течение месяца к ней даже и не притронулся. А когда прапорщики пришли с претензией, что-то им неаккуратно ляпнул.

Венгр объяснил бойцу, что из-за него он не будет разборки чинить с местными ребятами, и вести себя надо поаккуратнее. Карапузенко пришел в чувство и все устаканилось.

Все — да не все. Дима оказался на редкость злопамятной сволочью: когда он увольнялся, то спер с Юриного склада две дефицитные запасные части. Похоже, он припомнил Юре, что тот не полез на рожон, защищая несчастного Карапузенко от разъяренных прапорщиков.

Но это будет потом, а сейчас Дима обустраивал место пребывания: окапывал машину, готовил ужин и не подпускал к машине посторонних. В настоящий момент боец стал крупным и упитанным мужчиной, солидным во всех отношениях. К такому на худой козе не подъедешь. Но я-то хорошо помню, каким он был, этот товарищ. А он помнил, что я помню, и потому сильно не выделывался. Карапузенко даже предупредительно приоткрыл дверь в кунг. Я похлопал его по плечу, и втиснулся в маленький жилой отсек.

Юра валялся на незастеленной лавке и слушал радио. Он молча кивнул мне на лавочку напротив. Я повалился на нее и блаженно вытянул ноги. Мы не произнесли ни слова, только слушали музыку, а потом я незаметно уснул…

— Это что за… чудовище… тут… валяется… а!? — в моем сне гудок паровоза перекрывал все прощальные речи, и горячий ветер сушил слезы на щеках провожающих, и светлые волосы колыхались, и рвался куда-то в сторону шелковый шарфик, а рев гудка все усиливался, звал за собой — туда, где горит горизонт, где черный дым застилает полнеба. И невыносимым ультразвуком физически скрутило мозги в черепной коробке. Да так, что я упал на колени…

Я лежал на полу кунга, уперевшись носом в комок грязи, на которой можно было разглядеть мельчайшие трещинки, оттенки, кусочки прилипших травинок, но изучал я это недолго. Потому что последовал весьма изящный пинок в мой зад, из-за которого я совсем неизящно подпрыгнул. Я обернулся, и — о, Боже подполковник Дарьялов, собственной персоной изволили приложить ко мне свою ногу. Я поклонился, щелкнул каблуками, и опрометью покинул уютное помещение. Боковым зрением успел заметить, что подполковник заваливается на нагретое мною

место с блаженной улыбкой, а Юра даже не пошевелился.

Потирая ушибленную задницу, я побрел к своим «шишигам». Мне было омерзительно скучно. Я ненавижу скуку, я болею от безделья. Нет, я не трудоголик, но и слоняться бесцельно по расположению тоже не слишком хочется. Еще заметят, что я ничего не делаю, и впаяют такую задачу, что мало не покажется.

Впрочем, уже заметно смеркалось. Я добрел до своей машины, залез в кабину и уставился в стекло.

«Кто я? Что я тут делаю? И зачем вообще я появился на этой земле?», вот какие мысли крутились у меня в голове, вот до чего я дошел в неуставном психоанализе. Мне стало очень — очень грустно, я привалился боком к дверце, и снова заснул…

«Кругом толпа людей, а я все также одинок душевно».

Хочу, чтобы солнце светило в окно. Ну, не в окно, а через стекло кабины луч солнца пощекотал меня. Я открыл правый глаз. И тотчас зажмурил его. Потом открыл левый глаз, и осмотрелся. Где-то вдалеке кто-то шевелился и бегал, но в нашем расположении стояла тишина.

Стараясь не сильно шуметь, я выбрался наружу.

День обещал быть жарким, а пока тепло лишь только выгоняло холод тени. Туда, где солнца луч проникнуть не успел, слегка знобило. Я аккуратно прошел по всем машинам, пытаясь через стекло понять, где спит Швецов, а где сопит мой Вася. Но ни того, ни другого не обнаружил. Их не было, зато костра остатки на земле чернели. Мои бойцы устроили пикник, и весь сухпай затаренный доели. Около кострища сидя спал солдат. Его я не знал, хотя и помнил, что это боец шевцовской батареи. По его измызганному виду было не трудно догадаться, кто здесь вчера искал топливо, поджигал и обслуживал огонь.

Я начал разминаться, когда снизу, со стороны штабной техники показались Вася и Швецов. На этот раз Рац ступал уж очень осторожно, а вот Швецов топал радостно как слон. Он выбил клин клином, и теперь чувствовал себя здоровым и полным сил.

Что тут же и продемонстрировал всем, заорав:

— Батарея подъем! Стройся!

Очумевшие воины посыпались со всех сторон, и через две — три минуты уже стояли все, в том числе и изгвазданный солдат — костероносец.

— Враг рядом! — сказал комбат, — а потому повторим навыки наводки и стрельбы. Построение через пятнадцать минут. Оправиться, побриться, умыться и прочее… Вольно!

Шевцов с удовольствием закурил. Я не курил, а потому просто стоял столбом. А Вася ушел куда-то с независимым и

очень деловитым выражением лица.

Вот сколько раз смотрел я на него, никогда не видел, чтобы он имел лицо простое и растерянное. Нет! Всегда деловой, всегда озабоченный — черт его знает, чем он был озабочен — и ни у кого даже язык не поворачивался усомниться в том, что Вася делает что-то необыкновенно важное и нужное именно в это момент.

Возможно, его просто приперло, и он ищет местечко поуютнее. Но кто усомнится в том, что опорожнение кишечника командира — это не важная боевая задача. В отношении Васи этого нельзя было себе даже вообразить. Немногословие и серьезное лицо — вот составляющие авторитета. Нет, конечно, если дальше покажешь себя полной бездарностью, то это тебе не поможет. И не надейся. Но начинать надо все-таки с этого. А там уже показывай класс. Вот так-то, дружок.

Через двадцать минут все шесть наших минометов стояли боевым уступом, и расчеты пыхтели, то наводя прицелы по точке наводке, то по каллиматорам, то по полупрямой, но получалось довольно неплохо. Претензий особых ни к кому не возникло, и через полчаса, совершенно удовлетворенный, Шевцов махнул рукой:

— Свободны!

«Подносы» так и остались стоять на боевом посту, а личный состав расползся, как тараканы — быстро и бесшумно. Щелк — и их нет!

Однако — щелк, щелк — не было и Васи. Я спросил у комбата, куда подевался старший офицер батареи, на что зевающий во всю пасть Швецов мне ответил, что это военная тайна. И полез в кабину досыпать.

А я взобрался на косогор, и подставил себя порывам горного ветра. Картина, представшая предо мной, была воистину восхитительна!

Весь наш военный лагерь оказался у меня под ногами. Ряды грозной боевой техники, палатки, выстроенные по линеечке, мельтешение военнослужащих — все это завораживало, наполняло ощущением силы и гордости от принадлежности к этой мощи, этому порядку и величию.

Недалеко от меня на сухой выжженной солнцем траве, сидели два контрактника из местных. Скорее всего, они относились к детям разных народов, отчего объясняться между собой им приходилось по-русски. В результате я слышал обрывочные фразы, которые постепенно складывались в отдельный сюжет, неожиданно оказавшийся весьма занимательным. Один из «солдат удачи» рассказывал другому,

как он ночью обходил посты.

— Подхожу тихо к солдату, и шепчу ему: «Рюсский, сдавайсь!». У него как потекло между ног! И кажется, он обгадился к тому же…

Я воочию представил эту картину. Да, нетрудно обгадиться, если ты в боевом походе, один на посту, и бородатая нерусская рожа тычет тебе стволом в спину. По большому счету, надо не один мешок соли съесть, пока начнешь отличать аварцев и кумыков от чечен. А если солдат из Сибири приехал, или с Дальнего Востока?.. С другой стороны, как это так удалось к часовому подобраться незаметно? Эта парочка явно не тянула на техасских рейнджеров значит, боец приснул. А раз приснул, то извини, так тебе и надо — вперед наука будет!

Я еще немного посидел на краю, поболтал ногами, потом решил сходить в гости к артиллеристам — Поленому и Гарифуллину. Скорее всего, там должен был быть и Косач.

Сверху я отчетливо видел ряд развернутых и даже окопанных орудий. Там кто-то копошился, но с такого расстояния я не мог разглядеть — кто именно? Да и зачем? Подойду и сам все — все узнаю.

Бронежилет и автомат я оставил в кабине, поэтому идти мне было легко и приятно. Если бы не цепкая трава, местная почва от воздействия большого количества ног и машин давно бы превратилась в пыль, а так просто все утрамбовалось, стало ровным и приятным.

Гаррифулин руководил действиями личного состава по разбору и смазке казенной части орудий, очистке снарядов и подгонке снаряжения.

— Полезной работой занят? — поприветствовал я его, — ну, как дела? А где Сэм и капитан Куценко?

Рустам махнул рукой:

— Сэм ушел в разведку, а капитан после вчерашнего изволит отдыхать. Вон в той палатке.

— А-а-а… А Вася, случайно, не с Сэмом ушел? — я спросил совершенно спокойно, не напрягаясь, просто для того, чтобы проверить свою интуицию. Рустам относился ко всем таким делам со здоровым скепсисом, и не стал впадать в шпиономанию, как Швецов:

— Ну да, они вместе с разведкой и группой товарищей отправились на перевал разведать обстановку… Ну, кстати, и заодно чтобы решить, куда кому становиться, где селиться, где что под обстрел брать и так далее.

— То есть, от нас СОБы поехали, так?

— Ну почти, только частично поехали, а там, на месте, уже

пешком, мало ли что…

Ясненько, коллеги скрылись от скуки в боевом походе. Сказать честно, я бы тоже не отказался бы съездить не рекогносцировку. Все лучше, чем бесцельно шататься из угла в угол, вернее, от одной машины к другой.

Скука…

Я вернулся к исходному пункту — к кабине своей машины. Потаращился немного не нее, потом вздохнул, и запрыгнул внутрь. Вытянул ноги, опустил козырек фуражки на глаза и расслабился. В памяти всплыла фраза Дейла Карнеги, из того первого, в мягкой обложке, издания: «Морские пехотинцы США потому такие сильные, что они часто отдыхают».

Капитан Молчанов был в отпуске, поэтому его и не было среди нас. Вот к кому бы я пошел с большим удовольствием. Он наверняка бы взял с собой гитару, и обязательно стояла бы на каком-нибудь столике бутылка водки, а еще две-три пустые валялись бы под ногами. И меня бы тоже обязательно угостили. И я бы выпил эту водку залпом, и внутри стало бы тепло, в голове весело, и жизнь показалась бы совсем не плохой штукой. Мир сузился бы до границ личных переживаний — до анализа своего «Я». А посторонние шумы оказались бы где-нибудь далеко — далеко. И я принес бы еще и свою бутылку водки, а Молчанов бы посмотрел выразительно, и закуску бы я тоже принес, а он бы закричал: «Ну, пошла вода в хату!». А потом мы бы пели «Левый, левый, левый берег Дона — пляжи, плесы, чайки у затона!».

Потом Игорь начал бы прикалываться над местными прапорщиками. Не знаю почему, но они не только не обижались на него, а шутки бывали довольно обидные, но даже и сами подначивали. Что-то есть в нем такое располагающее. Потому и меня к нему так тянет, к его наполовину уже лысой голове…

Но нету капитана с нами. Где-то отдыхает он под Ростовом.

В пять утра, когда лагерь пришел в движение, было пасмурно. Пятницкий разминал руки — ноги перед кабиной. Расчеты сворачивали минометы и грузились в транспорт. Я ограничился тем, что протер глаза и прошелся вокруг машины.

Вот-вот мы должны были отъехать. Я заметил, как авангард уже потянулся к выезду из долины. Разогретый Пятницкий запустил движок и оживленно подпрыгивал на сиденье. Я уже было совсем приготовился к отправлению, как дверцу с моей стороны распахнул Швецов. Я сразу понял, что дело плохо, а когда он еще и прорычал — Выметайся! — я понял, что все — труба.

И все же я застыл на месте с недоуменной рожей, на что комбат, легко приходивший в ярость по малейшему поводу начал

брызгать слюной. Из его воплей я понял следующее.

У Швецова сломалась машина, он поедет в Васиной, Вася — в моей, а я пересяду в Швецовскую. Потом ее дотащат до ближайшей заставы, тут недалеко, и оставят на сохранение. А я должен забрать расчет, миномет, боеприпасы, сколько поместится, погрузить все это в машину техпомощи, и на ней уже доехать до перевала.

Выпалив все это, Швецов стал активно выкидывать меня из кабины, так что я даже не успел вытащить свои вещи.

— Да куда они денутся! — заорал комбат.

Ой, не скажите! Ой, не скажите! Шевцов — это тот тип, которому бы я доверил свое имущество в последнюю очередь. И был прав. Но ничего поделать не смог. Этот тип — начальник — уже сидел на моей месте, и они рванули с места в карьер. Я мстительно подумал, что он, по-моему, не в курсе на счет проблем с тормозами. Надеюсь, он переживет несколько неприятных минут.

Но долго пережевывать обиду было некогда, и я галопом помчался искать машину Шевцова, где толстый и ленивый водитель Курилов ковырялся во внутренностях «шишиги».

Ничего он не наковырял, потому что подлетела техпомощь, прицепила нас на буксир, и мы довольно резво тронулись вслед за наступающими войсками.

Застава действительно оказалась практически рядом. Мы посигналили, вышел заспанный, без головного убора лейтенант, открыл ворота, и мы въехали внутрь. Ничего разглядеть я не успел, потому что летеха начал тут же канючить у нас миномет.

— Мужики, — убедительно уговаривал он, — поймите меня правильно. Вот вы уедите, а меня на два десятка человек только автоматы и немного гранат. Нас же тут… Как чижиков расстрелять всех можно!.. А миномет… Это вещь! Ну оставьте!

Честное слово, я бы оставил. Я на секунду вообразил себя на его месте… и оставил бы. Но ведь вопросов будет! Воплей! Разборок!

Я отказал, скрепя сердце, но отказал. Миномет мы засунули в «техничку», а из боеприпасов удалось впихнуть только два ящика. Я махнул рукой, оторвался от погранца, и чуть ли не на ходу, так как ждать нас особо папоротники из ремроты не собирались, запрыгнул в кузов.

Наша новая машина оказалась в колонне самой последней. А я опустил свой зад на ящик с минами, но через секунду, на первой же кочке, ощутил со всей силой, что это не есть очень хорошо.

К счастью, бушлат свой я из кабины успел вырвать. Такую

вещь Швецову нельзя было оставлять ни под каким предлогом! Теперь я постелил его под себя, и ощущения от ударов стали значительно слабее.

Но вот все-таки смотреть назад, на убегающую вдаль дорогу, а не вперед — навстречу опасностям и приключениям, мне было как-то не очень приятно. Но я смирился и с этим.

В конце — концов, Вася действительно был нужнее впереди, и какое я имею право выставляться, если Вася все-таки СОБ, а я так — бесплатное приложение?

Ехать на «техничке» оказалось довольно нудно. Во-первых, приходилось без конца тормозить, и чудно матерящиеся по-русски прапорщики вставляли ума в очередной вышедший из строя набор металлолома. Но пока не попалось ничего неисправимого. Цеплять на буксир никого не пришлось, и колонна худо-бедно двигалась без потерь.

Появилось солнце, оно освещало ту пропасть, по краю которой мы ехали, и вид далеких дорог, похожих на паутину, спичечных коробков вместо дорог, и пятен зелени, помимо романтических переживаний вызывал где-то внутри изрядные опасения: ведь если что, то справа отвес, слева — пропасть, и бежать то, собственно говоря, некуда. Самовнушение достигло таких размеров, что я приказал двум бойцам пересесть поближе к заднему борту, снять автоматы, и внимательно смотреть по сторонам, особенно поверху. Потому что оттуда могут и гранату бросить, и из гранатомета выстрелить.

Бойцы в расчете мне попались молодые, дальневосточники, они слушали меня открыв рот, и беспрекословно выполнили приказ. Толстый Курилов, пока ничуть не встревоженный потерей машины, (потом он поймет — ЧТО он потерял), дрых где-то за краном. Периодически звук его сопения прорывался даже через гул мотора.

Солнце опять исчезло, небо стало непроницаемо серым, начали попадаться обрывки тумана и, честно сказать, похолодало. Да так похолодало, что я даже вытащил измятый бушлат из-под себя и надел его на себя. Сразу стало уютнее. Вскоре мы встали, и встали конкретно.

В кузов заглянул прапорщик Асланбек и сообщил новость:

— У нас «Урал» на мину наехал!

У меня отпала челюсть. Я представил себе разнесенные в сторону запчасти, куски тел, и спросил одними губами:

— Сколько?

— Чего сколько? — Асланбек выглядел несколько озадаченным.

Я произнес уже намного решительнее:

— Сколько наших погибло? И кто?

Прапорщик как-то неопределенно сморщился и засмеялся:

— Какие там погибло, да..! Ты что! Колесо оторвало у машины и все на этом кончилось. Все целые и здоровые, уже колесо поменяли сами. Даже ехать могут… А вот что дальше будет, не знаю.

— Слушай, Асланбек, долго еще ехать-то, а?

— Да нет. Почти приехали. Ну, может час еще ехать. Не больше.

«Ну вот», — подумал я, — «начинается. Сначала мины легкие, противопехотные, потом чего покруче, а потом и обстрел может начаться». Я передернул затвор, и снова поставил автомат на предохранитель.

Внимательно наблюдавшая за мной молодежь тоже лихорадочно защелкала затворами. Глядя на такое дело, я только и смог им сказать:

— Вы только потом не забудьте, что у вас патрон в патроннике, а то перестреляете друг — друга, бойцы Красной армии, ё-моё.

Они дружно закивали головами, а водила только зевал. Он не принял участия во всеобщем оживлении, наверное, решил, что в его толстой шкуре застрянут любые пули и осколки.

Туман за пределами машины усиливался. А сырость заползла и вовнутрь.

Часть 2

Приехали мы, как это обычно водится, совершенно неожиданно. Я-то думал, что это обычная остановка, спокойно, не дергаясь, сидел на своем ящике в полубессознательной задумчивости, а тут в кузов Асланбек просунул свою бородатую голову, и сказал голосом мальчика из знаменитого советского фильма про пионерлагерь:

— А что это вы тут делаете, а? Приехали. Вот вам и Харами.

Мы выскочили наружу, и я обалдел. Если кто-то подумает, что я лишился дара речи от неземной красоты перевала, то глубоко ошибается. Обалдел я от того, что ничего не было видно. Стена тумана уже на расстоянии в десять пятнадцать метров отрезала мир напрочь. Я не мог определиться, где я, где все, куда двигаться? Мое воображение поразила густая, как-то особо сочная и зеленая, трава, которая была вся в капельках воды. Пять минут побродив по ней, я почувствовал, что берцы намокли. Мои юные дальневосточники с такими же неврубающимися лицами бродили вокруг «технички», стараясь далеко не отходить.

Я все же побрел на шум, и вышел на майора Раджабова — командира сводного батальона. Он вертелся на одном месте, и непрерывно отдавал какие-то указания подбегавшим людям. Но ни одного знакомого лица я среди них не разглядел. В основном это были папоротники, да еще из 1-го батальона, а там я не разбирался.

Улучшив момент, я рискнул напомнить о себе.

Майор, увидев меня, слегка озадачился.

— Шевцов уже уехал, — сказал он скорее себе, чем мне, — но Рац крутился где-то здесь… Вот что — как только он появится, я его за тобой отправлю. Ты, кстати, где?

Я повернулся, чтобы указать на «техничку», но она исчезла в тумане с концами. Я махнул рукой в ту сторону, откуда появился, и пояснил:

— Тут рядом, в «техничке», но только за туманом не видно.

— А ладно, найдем. Короче, сиди и жди.

Спихнув с себя груз принятия решения, я вернулся к машине. И вовремя, толстый водила, обладатель развитого обоняния, учуял-таки запах кухни, и набрел прямо на гречневую кашу с мясом.

Когда он об этом сказал, уже уписывая ее за обе щеки, я почувствовал, что не жрал весь день, а все мои запасы остались в той, другой «шишиге», у Пятницкого.

Хорошо, что из дальневосточников пара человек была из тех,

кого всегда отправляют на кухню. Не те, кто там постоянно ошивается — из приблатненых, а те, кого посылают что-то достать — «а не то…».

Одного бойца звали Толей Романцевым, а второго — Аликом Алиевым, из русских азербайджанцев. Как он вообще попал в армию, уму непостижимо.

В общем, они взяли котелки и отправились за едой.

Серьёзный и какой-то весь нездоровый Вася вынырнул из тумана с той стороны, откуда я его и не ждал.

— Бери своих воинов, и дуйте за мной. Ты сколько ящиков с минами привез?

Мне стало несколько неловко, хотя особой вины я за собой не чувствовал, и я ответил:

— Всего два — больше не поместилось, честное слово.

Вася понимающе покачал головой:

— Так я и думал. Ну да ладно, на первое время хватит. Давайте, цигель — цигель, айлюлю — время, время, товарищи!

Товарищи уже волокли миномет и оба тяжелых зеленых ящика. Мы все дружно — кто легче, кто тяжелее — потопали за Рацем в туман к невидимой цели.

Летом 94-го я прочитал «Туман» Стивена Кинга. Потом перечитал избранные места. Теперь вот воочию наблюдал такую плотную, непрошибаемую стену тумана. Даже передернуло всего, когда представилось, что там, в глубине неизведанного нас ждут или бесшумные щупальца, или кислотная паутина. Я непроизвольно крепче сжал автомат.

Но ни щупалец, ни ужасных пауков не обнаружилось, а появилась «шишига». Машина из нашей батареи. На секунду меня захлестнула надежда, но тут же растаяла — это была другая машина, не Пятницкого. Мои вещи исчезли где-то вместе с туманом. Вот так, сразу же с неприятностей и началось это харамийское сидение.

Кузов был пуст, похоже, что Вася специально приехал за нами. Я присел на скамью у самого края и мрачно уставился в эту серую муть. Глазу не за что было зацепиться, и до костей пробирала сырость — так отвратительно мне уже давно не было. И главное, самое главное и печальное — исчезла так тщательно сберегаемая мною водка. Исчезла безвозвратно! В тот самый момент, когда наступил час открыть ее и хлебнуть — не для удовольствия, а исключительно ради поддержания жизненных сил — в этот миг я сижу беспомощный, злой и замерзающий. Бессильно ругаюсь матом и шлю проклятия на голову Швецова.

Дорога резко пошла вверх. Настолько резко, что я даже несколько оторопел. Под таким градусом мне ездить еще не

приходилось. Так ведь еще и скользко же. Я прекрасно видел, что подъем уже прорезали первые следы шин: они перемешали траву с грязью. Именно с грязью! А это означает слабое сцепление с дорогой, и при нашей технике… Если заскользим… То все.

Но ничего подобного не происходило, ГАЗ тянул уверенно и ровно, пройденные метры тут же пожирал туман, и я мог только чувствовать ту высоту, на которую мы взбирались, но никак не видеть ее.

Приближение цели обозначилось шумом двигателей, гулом голосов и стуками лопат. Все перекрывали чудно слышимые даже в такой обстановке крики Скруджева — гортанные, матерные и, похоже, не очень эффективные. Все вместе это отдавало какой-то зловещей мистикой. И без того трясясь от холодной сырости, я вообще начал содрогаться. Наступал момент истины: не лишенное некоторых приятностей путешествие закончилось, начиналась боевая работа. А в том состоянии непрекращающегося колотуна, от которого бушлат совершенно не спасал, думать о чем-то еще, кроме как «где бы согреться?» было малость затруднительно.

«Шишига» остановилась, я быстро выскочил наружу, и тут же поскользнулся. Не упал я только благодаря тому, что успел ухватиться за борт левой рукой, так как в правой держал автомат. Причиной моей беды стала обычная грязь. Ее было уже много: ее взмесили машины, солдатские сапоги и какая-то неестественная для меня водянистость воздуха. Ко всем бедам добавилось то, что день кончился, и к непробиваемому туману присоединилась темнота. Пространство прорезали отдельные вспышки фар, свет в кабинах и мелькание фонарей. Вся эта фантасмагория была посвящена одной большой цели мы окапывались.

По нервозной, близкой к массовой истерике обстановке мне показалось, что нападения нужно ждать с минуты на минуту.

Бойцы ни на шаг не отступали от меня. Оно и к лучшему — я обнаружил уже выставленный миномет. Расчет Крикунова пыхтел над оборудованием позиции, на меня они не обратили никакого внимания. Я отсчитал от обнаруженного миномета положенную дистанцию, топнул ногой и позвал сержанта Костенко — это он числился номинальным командиром расчета, который я приволок за собой.

— Здесь ваша огневая позиция. Приступайте!

Сержант открыл рот, и проблеял, что лопат у него нет. Это меня озадачило:

— У вас были лопаты в машине, когда вы сюда из части выезжали?

— Да-а…

— И где они?

— Остались в машине.

— Что?!!

Я обомлел. Нет, меня просто громом поразило. Ладно эти болваны, им до лампочки. Как я-то сам упустил из виду, что шанцевый инструмент надо было забрать. Спешка, блин… Теперь что делать?

— Идите, блин, у водилы спрашивайте. Или у друзей и знакомых, мать вашу! Развернете миномет сначала, а потом начинайте копать… Между прочим, это в ваших личных интересах, — было бы мне тепло, я бы так не орал, но за меня говорил холод. Такого чувства оледенения я не переживал даже в тридцатиградусные морозы на улицах своего поселка городского типа.

Из тумана появлялись и исчезали тут же странные фигуры расплывчатых форм. В действительности, некоторые умники просто напялили на себя ОЗК. Я вспомнил, что как раз этот-то предмет и не смог достать во время сборов к походу. Теперь-то мне было более чем очевидно, что он мне никак не помешал бы…

Но мысли появлялись в моем воспаленном мозгу и исчезали без следа, уходя куда-то в небытие. Обрывки беспорядочных воспоминаний, видений и идей перемешивались в кучу, не оставляя после себя ничего — мне страшно хотелось согреться. Повинуясь воплям измученной плоти, голову сама направила мои стопы к «шишиге», на которой мы сюда приехали. В кабине сидел расслабленный водила и, как ни странно это было для меня, Вася.

Я открыл дверцу, он подвинулся, и мне удалось некоторым образом пристроиться на краешке сидения. Я тут же уперся взглядом в карту, которую Вася с видом некоторого недоумения вертел в разные стороны.

— И где мы есть? — спросил я энергично, маскируя показным энтузиазмом полное отсутствие поводов для моего пребывания в машине.

— Где-то тут. По крайней мере, это место было намечено при рекогносцировке, — грязный Васин палец уперся в одну из точек на карте. — Но хоть убей меня, но я запутался, в какую сторону мы окапываемся. Не видно же не хрена!

Проклятый туман не позволял ничего разглядеть толком в двух шагах. За стеклами кабины было холодно, сыро. Мне страшно захотелось спать, сосущей пульсирующей болью заголосил пустой желудок, и в довершение удовольствия заболела голова. Хорошо было бы остаться в кабине, но я не мог позволить себе этого. Во-первых, мне было совестно бросать на произвол судьбы тех солдат, которые приехали сюда со мной, и,

как я надеялся, готовили сейчас огневую позицию для стрельбы. А во-вторых, все равно скоро появился бы капитан Скруджев, и выгнал меня, да и Васю впрочем тоже, наружу. «Чего расселись!?» — заорал бы он. — «Где вы должны быть!?».

Поэтому я через не могу открыл дверцу и соскользнул в сырость, туман и темноту.

Дорога от «шишиги» до расчета заняла у меня значительно больше времени, чем я мог предположить. Складывалось такое впечатление, что бойцы окапывались абсолютно бессистемно — кому, как и где вздумалось. Я спотыкался об вывороченные камни, проваливался в ямки, и даже один раз все-таки упал под ноги мне попался спавший прямо на голой земле, но завернутый в ОЗК с ног до головы, боец. Его автомат валялся рядом с ним, и я мог совершенно спокойно его забрать. Но зачем мне это было нужно?

Хотя я зацепился за него более чем конкретно, и заехал ему берцем по ребрам, бесчувственное тело даже не пошевелилось. Зато мне пришлось долго отчищать испачканные в грязи руки. Да и вообще, похоже я уже был грязен как свинья. Это совсем не добавило мне бодрости. Отнюдь не добавило, да-с!

Из тумана вырос миномет. Но нет, это был расчет Крикунова. Куда они делись сами, было совершенно неизвестно. Однако направление моих передвижений было абсолютно правильным. Пройдя еще несколько метров, я наткнулся на искомый расчет Костенко. Они были на месте — валялись в изнеможении в грязи. Окопов не было. Лежали только вывороченные камни, об которые я снова больно ушибся.

— Ё… в рот, б…, - сказал я, — какого х… вы здесь делали! Где, б…, товарищи бойцы, позиция для стрельбы? Чем будем отбивать атаки? Х…? Это даже не п…, это — суперп…!

Шатаясь и подергиваясь, поднялся Романцев. Костенко остался лежать носом в грязи, из которой, судя по его предыдущей жизни, он, по-видимому, и произошел. Толя же Романцев, в которого дисциплину очевидно вбили еще в детстве родители, попытался объяснить мне сложившуюся ситуацию.

— Товарищ лейтенант, ну совершенно невозможно копать! Мы взяли лопаты у Крикунова — они их бросили и разбежались все куда-то. («Вот гады!» подумал я). Но копать невозможно! Здесь пять сантиметров земли, а потом сплошной камень. Мы его поддевали, а потом выковыривали. Толку никакого! Тут месяц надо позицию возводить! Ломы нужны, кирки, а еще лучше — динамит.

Мне все стало ясно. Я махнул рукой рассудительному Толе, типа, иди спать. Один хрен в такую погоду на нас никто не

нападет. Если мы ничего не видим, то и потенциальный противник тоже наверняка ничего не видит.

Как бы то ни было, мои ноги уже подкашивались, а голова отказывалась соображать. Мне срочно был нужен сон. Но хотелось бы все-таки где-нибудь уж если не теплее, то хотя бы почище. И я побрел, с трудом передвигая ноги из-за проклятых ям и камней, обратно к «шишиге». Я подумал, что в кузове, по крайней мере, на лавках, грязи быть не должно. Возникающие тени людей шарахались от меня, но на кого-то я все-таки наступил. Послышался сдавленный писк, но я целеустремленно продолжал идти, уже ни на что не обращая внимания, и наступил еще на кого-то.

«Б…, как на Шипке!» — подумалось мне, но тут я поскользнулся и стукнулся об борт машины. Ё-моё! Я было полез в кузов, но задержал уже закинутую ногу в воздухе — кузов был забит под завязку. А-а-а! Вот где был весь расчет Крикунова, и всякие прочие больно умные товарищи. Весь кузов буквально дышал миазмами грязных тел.

Я с горечью плюнул и спустился обратно. Подойдя с зыбкой надеждой к кабине, я тут же потерял ее. На стекле явственно прорисовывался профиль Скруджева. Я вздохнул. Мне было настолько плохо, что желание упасть и забыться начинало перевешивать все остальные. Внутри меня бушевал Вагнер, и почти физически стал слышать звуки его музыки. Так у меня начинались глюки. Тра-та-та-та-а-а! Тра-та-та-та-а-а! То ли пулемет стучит, то ли дирижер палочкой машет? Кто его сейчас разберет? А может это и не Вагнер звучит, а просто ведьма смеется. Как злобная ведьма — зима над замерзающим путником…

Я добрел до Костенко, по пути снова пару раз на кого-то наступив. Вот интересно, будет этот кто-то утром с интересом рассматривать грязные следы на своем хэбэ, или все сольется в одну сплошную пленку грязи. Может, оно конечно и так, да только синяк на теле не заметить будет трудно. Я хрипло рассмеялся. Бог мой, а где-то, все в нескольких десятках километров люди спят на простынях. Посмотрев телевизор, плотно поев, выпив на сон грядущий рюмочку красного вина. (Вот ведь мерзость: не просто плотно поев, а еще и выпив рюмочку красного вина! — Я вздохнул).

Накрытые плащ-палаткой, один на другом стояли четыре ящика с минами. Кряхтя и матерясь, я снял их и изготовил что-то вроде постели, сверху набросил плащ-палатку, улегся, положив под себя автомат так, что не разбудив меня его нельзя было тронуть, и закрыл глаза. Капли стекали мне за шиворот, но это ни

на мгновение не остановило моего падения в пучину сна. Я проваливался в черноту, в воронку тьмы, изрезанную белыми всполохами…

Не могу сказать, сколько я спал, но когда от холода сознание открыло мне глаза, было уже светло. Туман отступил.

Нет, если вы подумали, что взору моему открылся изумительный вид, который исторг из моей груди крик восторга и изумления, то вы сильно ошибаетесь. Отступление тумана заключалось в том, что видимость окружающего пространства с пяти метров увеличилась до пятнадцати — двадцати. При сером свете наш бивак напомнил мне картину разгрома наполеоновской армии: брошенное имущество, застывшие скрюченные тела, брошенное оружие, вывороченные камни и некая странная тишина. Впрочем, тишина стояла недолго. Где-то в тумане что-то затарахтело, и я решил, что это МТЛБ. Просто танков и БМП у нас не было, и ничего другого так тарахтеть не могло.

Этот мерзкий треск разбудил многих. Тела зашевелились. Прямо передо мной поднялся на колени Толя Романцев: глаза у него были мутные и непонимающие. Постепенно они обретали осмысленное выражение, он закашлял, а потом принялся трясти за плечо Алимова. Тот сначала задергал ногами, как припадочный, а потом все-таки встал. Поднялся Крикунов и еще один из номеров моего расчета — Бабаев.

— Когда жрать будем, товарищ командир? — спросил грубый и вечно голодный Бабаев.

Я посмотрел на него тяжелым взглядом и сказал:

— Согласно распоряжению капитана Скруджева, кормить будут только тех, кто оборудовал свою огневую позицию. Так что вас это не касается. Пока.

— Е-мое! — только и ответил изумленный боец. Как я и думал, у него ни на секунду не возникло сомнения в правдивости моих слов. Да, капитан мог выкинуть еще и не такое — и мы все это прекрасно знали.

— Слышал, Алик? Не сделаем окоп, кормить не будут.

Алик вытер сопли, и деловито спросил:

— А ломы будут?

— Какие тебе ломы! — закричал я, — откуда? И кстати, вздумаете камни стволами выковыривать, я вас убью — так и знайте. Оружие — это святое.

— Ну а чем тогда копать?

Заговорчески Рр понизив голос, я совершенно серьезно сказал:

— Вы что, не видите, сколько добра разбросано кругом. Пехота тупоголовая все свое барахло вчера пораскидала. Саперки

валяются кругом. Подберите по-тихому и вперед. Что непонятного?

Нет, Толя воровать не умел, а вот Алик сразу ухватился за эту мысль (что значит кровь!) — и не теряя времени, отправился на поиски. Алиев очень хотел жрать, а вот мне, как ни странно, есть не хотелось. Я оглянулся на стоящего рядом Костенко, который за весь разговор не проронил ни слова, и спросил:

— Усек, товарищ сержант?

Он молча кивнул головой и уселся на ближайший плоский камень с отсутствующим выражением на лице.

Я же со скрипом поднялся, и побрел к «шишиге» получить от Васи инструкции и узнать новости. По ходу моего пути я все больше и больше приходил в веселое изумление от происходящего маразма. Мне попадались стрелковые ячейки, вырытые посредине нашего лагеря, направленные в разные стороны, все как одна мелкие, а несколько смотрели друг на друга. Эти чудеса меня несколько развеселили, и я решил, что можно будет рассказать об этом Васе и поприкалываться.

Раца у машины не оказалось. Оказывается, он ушел к расчету Крикунова, и как мы с ним разминулись, ума не приложу! Но, как бы то ни было, обнадеживало уже то, что он вообще где-то рядом, недалеко, а то ведь мог уехать куда-нибудь, например, в штаб. А без руководящих указаний я не мог себе представить своего дальнейшего поведения. Что, сесть и дожидаться с моря погоды? Это не выход. Это уж совсем свинство. Нет, так не пойдет.

Я застал Васю сидящим на грязном ящике, и жующем кусок хлеба. Он с интересом посмотрел на меня, и спросил с набитым ртом:

— А, появился наконец.

— Что значит «наконец»?

— Да я тебя искал, но не нашел. Тут Скрудж совещание собирал — в принципе, тебе по идее тоже надо было бы присутствовать… А впрочем…

Вася затолкал остатки хлеба в рот, вытер губы и решительно поднялся, намереваясь куда-то уйти.

— Стой! — завопил я, — сначала обрисуй мне обстановку! Ну не могу же я оставаться в неведении столько времени. И кстати, как мне найти мой вещмешок?

Поскучневший Вася криво посмотрел на меня и со вздохом неизбежности проговорил:

— Ну спрашивай, что именно тебя интересует?

Меня интересовало многое, и вот что мне удалось выудить у Раца.

Во-первых, батальон расположился на трех вершинах,

образующих почти правильный треугольник. Блокируемая дорога проходила практически через середину этого треугольника. На нашей высоте стояла первая рота в составе трех взводов и отдельного гранатометного взвода. Кроме того, здесь же были два орудия из артбатареи во главе с Поленым. Ну и конечно же мы — два миномета на двух офицеров.

Во-вторых, штаб и все хозяйственные службы выбрали себе место у подножия той вершины, где держала позиции третья рота. Это было там, откуда нас прошлым вечером Вася подобрал и привез сюда.

И в третьих, Шевцов вместе с Базаевым стояли недалеко от позиций второй роты, где руководили капитан Хакимов, лейтенант Бандера и прапорщик Эльзахов — личности нам с Васей прекрасно знакомые: служили вместе во втором батальоне. Шевцов же не захотел стоять с ними вместе и выбрал себе точку подальше от них. Строго говоря, с теоретической точки зрения это был полный бред. Но что говорить, как и бывший СССР, павший от яда сепаратизма, наша армия была точно также заражена этой страшной отравой. Если командиры друг друга не любили, то заставить их взаимодействовать между собой было практически невозможно. Спасибо, что они еще терпели друг друга.

Я рассказал Васе, как и намеревался, о странном оборудовании нашей позиции. Он похихикал, а потом, внезапно оборвав смех, ответил, что теперь линию обороны начали возводить как положено, а эти «ямы» останутся памятником глупости и неорганизованности.

— Или превратятся в отхожие места, — задумчиво протянул я.

Вася слегка помрачнел:

— А вот этого бы уж точно не хотелось… Кстати, Пятницкий твой у Шевцова. Съезди туда и забери свой вещмешок.

— На чем же я поеду?

— У Паленого тут два «Урала». Ты пока его найди, а я подойду попозже.

Он ушел, оставив меня в растерянности — а что же мне все-таки делать? Немного потоптавшись на месте, тупо смотря на работу мрачных костенковцев, я пошел искать Семена Поленого — делать-то мне все равно было нечего. В этом тумане никаких ориентировок я не мог произвести даже в принципе. Да и из всего инструментария у нас оказалась одна буссоль да по биноклю — у меня и у Васи. Я даже доставал бинокль и озирался: естественно, толку никакого из этого не вышло, но людей я насмешил.

Путь к Семену пролегал мимо расчета Костенки, и я даже не

удивился, когда обнаружил их сидящими на камнях и затягивающихся сигаретами. Окоп для миномета несколько углубился, передний бруствер они выложили камнями, так что за изящную миникопию позиции это вполне можно было бы и принять, конечно. Но смущало меня одно: что за такую миникопию я вполне мог получить от Скруджа максип…ну, чего, честно говоря, мне сильно не хотелось.

Тяжело ступая берцами с налипшей грязью, я подошел к Крикунову и грозным голосом спросил:

— Вы, товарищ, сержант или где? Вы, собственно, на войне или почему? Как собираетесь от пуль и осколков защищаться!? А!?

Мерзкий Крикунов скосоротил свою подлую физиономию и выразился в том духе, совершенно казалось бы невпопад, что прапорщик Гусебов привозил еду гречневую кашу с тушенкой, и чай с сухарями. А потому они прерывались на время, чтобы поесть, а сейчас, подкрепившись, с удвоенной энергией примутся за возведение огневой точки на радость своих любимых командиров.

По мере уяснения мною смысла этой скользкой речи, ноги мои готовы были сами рвануться к МТЛБ, до того мне хотелось жрать, и лишь неимоверным усилием воли остался я стоять на месте и кивнул как бы в знак одобрения. То, что весь хавчик уже «ушел», я ни минуты не сомневался. А потому желание найти Сэма у меня только увеличилось. Семен, который казался эдаким рубахой-парнем, свысока плюющим на низменную материальность, на самом деле был на удивление хозяйственным парнем. Два — три тихих слова, и два — три доверенных сержанта с понимающими улыбками исчезали в неизвестном направлении, а Семен мог снова играть на гитаре, рассуждать о Питерском роке, с которым он пристально знакомился во время учебы в ЛАУ, или делать еще что-нибудь такое же приятное. И при этом чай у него не переводился — он содержался в приличных размеров бачке, в заначке дожидались удобного момента с десяток банок тушенки и каши, да и вообще — было много не менее полезных вещей.

Я, грешным делом, рассчитывал, что и мне может что-нибудь обломиться. Поэтому быстро покинул крикуновцев и устремился на поиски артиллеристов. Действительность превзошла мои смутные ожидания. Поленый сумел выставить палатку и даже обложил ее камнем. Судя по тому, что личный состав батареи как древние египтяне выворачивал ломами глыбы из земли, а офицеров и прапорщиков в обозримом от тумана направлении не наблюдалось, то я вполне логично предположил, что они сидят в

палатке. И не ошибся.

— Хо — хо — хо! — сказал Сэм, приподнимаясь с лежанки, — Паша пожаловал! Где провел ночь, Казанова?

«Издевайся — издевайся!» — подумал я про себя, — «если это тебя развеселит. Мне безразличен твой смех. Дай мне кусок хлеба и сто грамм водки, и можешь упражняться в остроумии столько, сколько тебе заблагорассудится».

— Да вот нечем тебя угостить, Паша. Прошлая ночь была невероятно трудна, если ты в курсе, все водку и выпили!

Глупый, наивный Сэм! Ты же сам подал мне идею, и даже заранее признался в готовности ее выполнить. Мне остается только произнести пару фраз.

— Сэм, — сказал я. — У меня есть водка в вещмешке. А вещмешок в машине у Пятницкого. А он сам — на втором блоке у Швецова.

— И когда он вернется?

— Как когда? Он там и стоит, и стоять будет. Он с Шевцовым и приехал.

— А что тогда там делает твое барахло, если ты здесь?

— Да глупо вышло…

Тут я рассказал ему историю про пересадки, поломанные тормоза и прочее. Сэм слушал в пол уха — его мысли занимало совсем другое. Поэтому он прервал меня чуть ли в середине моих разглагольствований и тоном, похожим на сухой, сказал:

— Сейчас мы съездим к вашему Швецову и ты заберешь свой чудо — мешок.

Он стал натягивать кирзачи, а я вышел из палатки и сразу попал под порыв холодного ветра. Бр-р-р!

Из-за угла палатки, как чертик из табакерки вынырнул Вася. Вот ведь нюх у человека!

— Я слышал, — сказал он, — что вы к Шевцову собираетесь. Так я с вами тоже туда съезжу.

Я обрадовался: ну о чем я буду говорить с Сэмом? А вот они с Васей тему для беседы найдут, а я в это время тихо посижу в сторонке, о своем в тепле подумаю, может быть, даже удастся подремать.

Семен выполз из палатки, звеня ключами на пальце. Ключи были от «Урала». Очевидно, ехать он собирался сам. Собственно говоря, вчетвером, то есть, если брать водителя, в кабину мы бы просто не влезли. Поэтому решение Поленого я мысленно всецело одобрил и воображаемо поаплодировал.

Мы прочавкали к машине, я обошел кабину и подергал ручку. Заперто. Сэм открыл ее изнутри, но я пропустил подошедшего Васю впереди себя и влез уже за ним.

Мы тронулись в туман. Настроение мое слегка улучшилось, но все-таки оставалось не слишком веселым. Больше всего меня угнетало отсутствие места, где можно было преклонить голову. И в самом деле — ну сколько можно спать под открытым небом? Здесь ведь, говорят, и дожди бывают. И довольно не хилые…

«Урал» забуксовал. По началу это не вызвало у нашей компании никакого беспокойства. Сэм попылся выбраться в раскачку, как это обычно бывает, но не тут-то было. Что-то словно вцепилось в машину и держало ее изо всех сил. Вы видели «Дрожь земли»? Вот — вот. Впечатление было то же самое. Пришлось вылезти. Семен выпрыгнул с одной стороны, я с другой, и только когда услышал Сэмовское «Ё-моё!», понял, что что-то пошло не так. Мы с Витей присоединились к опустившему руки Семену и одновременно присвистнули.

— Стойте здесь! — хрипло прошипел Поленый, — Я сейчас вернусь с другим «Уралом». Тогда точно вытащим.

Не теряя ни секунды, я помчался в теплую кабину — побалдеть, пока она еще не остыла. Чъёрт побъери! На дворе июнь месяц, а у меня полное ощущение ноября. Да, я люблю позднюю осень. У теплой батареи, с чашечкой кофе, с любимой книгой и негромкой музыкой. Но чтобы так — холодный, голодный (у Сэма поесть мне так и не довелось), грязный, невыспавшийся… Это совсем не по мне. А куда денешься? Оставаться в части, когда все приличные люди тут? Нет уж, увольте! Лучше быть здесь. Как-нибудь да устроимся. Не навсегда же эта сырость тут!?

Вася спал, уткнувшись носом в баранку. Заснул мгновенно, как только закрыл глаза. Умаялся, бедолага. Ну спи, спи…

Мой сладкий сон разрушил Сэм. Он распахнул дверцу, и холод мгновенно привел меня в чувство. Вася передвинулся ко мне, а Семен уселся за руль. Он выглядывал в распахнутую дверцу и кричал:

— Ну что — зацепили? Зацепили или нет? А? Чего вы там возитесь? Давайте быстрее!

— Сейчас сделаем, товарищ лейтенант, — гудел кто-то невидимый сиплым басом. Неудивительно, что все охрипли и осипли. Холод, сырость и отсутствие горячего питания ни к чему другому и не могли привести.

«Урал» задергался. Двигатель заорал дурным голосом, Семен заскрипел зубами ничуть не тише, чем движок, нас с Васей мотало туда — сюда, и это продолжалось до тех пор, пока не раздался звук, от которого у всякого уважающего себя автомобилиста волосы на затылке становятся дыбом. Если бы Сэм не был так коротко пострижен, то его кепка поднялась бы

сантиметров на десять над головой. Он заглушил мотор, выскочил наружу, так, что даже ударился ногой о железку, и бросился осматривать машину.

По отсутствию мата я почувствовал, что дело невообразимо плохо. И правда, Семен стоял растерянно улыбаясь — это было свойственно для его шоковых состояний. На наш с Васей немой вопрос он только и пробормотал:

— Ступица полетела.

Мы стояли как три столба, пока Рац не сказал мне:

— Слушай, иди посмотри, чем там бойцы занимаются, а мы тут покумекаем.

Честно говоря, мне и самому не хотелось оставаться здесь. Я боялся, что когда Поленый выйдет из ступора, он начнет орать, что во всем виноват именно я. Мне приспичило поехать к Шевцову за вещмешком, а если бы не я, то Сэм никуда бы не поехал, ничего бы не сломал, ну и так далее. Поэтому я резво свалил от места аварии, но очень скоро понял, что в горах так, как на равнине, не побегаешь. Дорога шла на подъем, воздух был разрежен, и каждый последующий шаг давался мне труднее предыдущего. Поэтому когда показалась линия обороны первого взвода, я уже высунул язык, и даже капли пота блестели у меня на лбу.

Я остановился, чтобы слегка передохнуть и осмотреть творчество солдат лейтенанта Логвиненко. Творчество было на уровне. По-видимому, здесь было меньше камня и больше почвы, потому и удалось выкопать окопы достаточной глубины, и даже наметить контуры ходов сообщения. В сторону предполагаемого противника грозно смотрела пара АГС, а в качестве часового в окопе у импровизированного КПП дрыхнул тощий воин с пулеметом Калашникова. Я прошел, совершенно им незамеченный.

Картина, которую я застал у своих минометчиков, меня по началу несколько озадачила. Крикуновцы и костенковцы дружно, что было вообще-то само по себе уже несколько странным, насколько я их знал, копали огромную яму. Они, кряхтя и периодически попердывая, выворачивали каменные глыбы, чуть ли не руками выкидывали иногда попадающуюся землю и не выражали ни малейшего желания упасть и забыться, как это обычно бывало. Впрочем, весомая причина невероятного трудового энтузиазма выяснилась сразу. Можно было бы догадаться и мне самому, если бы я несколько не отупел от тягот и лишений боевого похода, выражающихся, в частности, в потере вещмешка с алкоголем. Замерзшие и отсыревшие бойцы возводили котлован для жилья. Палаток у нас не было, бревен

для блиндажа, впрочем, тоже, зато с ПХД приехала еще одна «шишига» (как позже выяснилось, полусамовольно) с водителем Солохиным, который и предложил снять с кузова брезент, металлические ребра, и соорудить из всего этого крышу для землянки.

Воодушевленные сержанты осмотрели брезент на машинах, и пришли к выводу, что брезент у Солохи дырявый, а вот у другого водилы — у Зерниева, практически целый. Зерниева и разукомлектовали.

Я, по ходу дела, осмотрел и огневую позицию. Мягко говоря, она оставалась недоделанной, но, черт возьми! мне очень хотелось переночевать под крышей. И как я подозревал, Васе тоже. Оставалась проблема дяди Скруджа — не порвет ли он нам очко за такую самодеятельность?

Опасность такая существовала, но я положился на туман, и на то, что непоседливого капитана что-то давно не было видно. Может, он пребывает в штабе на совещании? Хорошо бы, и чтоб подольше не возвращался. А будет возвращаться, наткнется на сэмов «Урал», и тоже надолго застрянет. То, что Семен найдет наиубедительнейшую причину, по которой ему надо было выехать, я не сомневался. И мое имя там не прозвучит.

Вася вернулся часа через полтора. Я сразу же спросил его, что случилось с сэмовым «Уралом».

— Что — что, ступица полетела! — смеющееся Васино лицо несколько контрастировало с произносимыми словами, но я видел парадоксы и похлеще.

— И что теперь будет? — меня это волновало на самом деле: я чувствовал все же некую вину перед Поленым, и хотел, чтобы все закончилось хорошо.

Но Вася неожиданно обозлился:

— Это теперь Семен думает, что «будет»! А вот что наша банда сейчас делает, это ты мне, надеюсь, объяснишь?

Это я мог объяснить. Но ночевать пришлось, как и прошлой ночью — на ящиках.

Утро четвертого дня было необыкновенным — оно было солнечным! Проклятый многодневный туман сгинул без следа куда-то ниже, и наконец-то я смог сориентироваться как в том, где же я все-таки нахожусь, так и в том, откуда взялась эта многодневная сырость. Оказывается, туман-то был вовсе и не туманом, не тем, к чему я привык, живя на степной равнине. Это были обычные облака. Облака, на которые дома я смотрел, задрав голову, и иногда даже повторяя довольно привязчивые слова простой детской песенки из мультфильма «Облака-а-а, белогривые лошадки».

Близкое знакомство с этими «белогривыми лошадками», надо сказать, не оставило в моей душе никаких приятных ощущений. Я был несказанно рад, что они наконец-то убрались, оставив нас в покое. Горное солнце светило вовсю, становилось очень жарко, быстро высыхала грязь под ногами, и наконец-то можно было согреться. И даже разуться, чтобы подставить свои бедные сопревшие ноги под теплый ветерок.

К северу от нашей позиции на всю глубину взора простиралась низина, состоящая из травы и камней. Возвышения чередовались с понижениями, понижения слегка неестественно ярко зеленели, а возвышения были похожи на лысые каменные макушки. В конце концов, все это заканчивалось каменной стеной.

По правую руку по краю пропасти петляла дорога. Это был тот самый путь в Грузию, ради которого мы, собственно говоря, сюда и приперлись. Наша позиция намного возвышалась над этой узкой лентой, а на одной с нами высоте, на соседней возвышенности, я мог рассмотреть заметные даже невооруженным глазом позиции третьей роты. ПХД же загораживала еще какая-то вершина. Зато место расположения второй роты и батареи Швецова тоже можно было разглядеть, правда, уже только в бинокль.

К югу местность плавно понижалась, и упиралась в озеро небесной синевы. Как сказал прапорщик Гусебов, раньше в этих местах отдыхали члены ЦК. Где-то к западу от озера располагался дом отдыха, куда гостей доставляли на вертолетах. Я ни на минуту не усомнился в его словах. Действительно, при свете солнца красота была просто неописуемой. Я просто — напросто сидел на любимом, уже почти родном, ящике, и периодически менял свое положение на нем. Сначала любовался видом на озеро, потом разворачивался в сторону невидимого отсюда Ведено и рассматривал северную сторону. А пока я этим занимался, заметно повеселевшие бойцы добивали котлован под палатку. Работа так затянулась потому, что парни из Дальво одновременно начали копать основу и под вторую землянку. До них дошло, что все мы в одну не поместимся. А поместятся в нее Крикунов, Костенко, Зерниев и Солоха. И больше никто. Ну, если только мы еще с Васей.

А вот им придется опять ночевать под звездами. Поэтому в свободное от «основной» работы время Толя Романцев и компания устраивали личное жилье, надеясь накрыть его брезентом от Солохи, а дырки — залатать.

А собственно говоря, что еще было делать? Чехов не наблюдалось, никто не беспокоил, первоначальное нервное

возбуждение сменилось некоторым недоумением, и пришло осознание фактического положения вещей. Что как бы то ни было, а мы здесь надолго, поэтому и обустраиваться надо основательно.

Процесс питания постепенно наладился: папоротник выезжал на МТЛБ на ПХД, брал с собой четырех солдат, и возвращался с бачками и сухарями. Бойцов по очереди выделяли взводные и наша батарея. Котелок и ложку раздобыл мне Толя Романцев. Похоже, он прибрал к рукам то, что плохо лежало на земле. Кто-то бросил посудину в первую ночь на перевале, а утром Толя подобрал полезную вещичку, и припрятал до поры. А так как самому ему из нее делать было нечего — на один-то котелок еды не хватало, не то что на два — то он торжественно передал мне этот предмет, с видимой зарубкой на будущее. Чуть позже он же раздобыл и ложку. Скорее всего, наткнулся на один из своих забытых схронов. Ну просто белка — летяга — один в один.

Нервический энтузиазм иссяк, и очень сильно хотелось жрать. Потому вкус гречки с мясом и каменных черных сухарей оставил далеко позади себя изящество и легкость всех ресторанных и даже домашних блюд вместе взятых. Черный сухарь просто истаивал во рту, волшебно, как легкое, нежное суфле. А уж мясо…

«Какого черта», — думал я, — «не елось мне этого чудесного продукта в прошлой, довоенной жизни». Вернусь в цивилизацию, куплю банку тушенки… Нет, лучше две… Нет, одну, но большую! М-м-м! И съем за один раз большой ложкой!».

Суп, который в лучшее время вылили бы повару за шиворот, а еще лучше утопили бы в нем, шел не просто на «ура», он шел как божественная амброзия. Существование приобретало какой-то упорядоченный смысл: во-первых, дожить до завтрака, во-вторых — дожить до обеда, в-третьих, дожить до ужина. Это было все, что, собственно говоря, нам нужно было знать.

Работы по строительству собственного жилья могли и подзатянуться, если бы местная природа не напомнила о себе, что шутки с нею плохи. В период ожидания скорого обеда все наши бойцы, я, и, конечно же, Вася, расселись на ящики с минами небольшим полукругом. Воспользовавшись моментом, Рац еще раз решил довести до личного состава порядок действий в случае общей тревоги. Он успел дойти до описания обязанностей водителей, когда почти мгновенно появившаяся как бы ниоткуда тучка при ярко светившем солнце разродилась таким дождем, как будто бы над нами опрокинули цистерну.

Ящики были накрыты плащ-палатками. Через минуту почти все наши минометчики уже сидели под этим укрытием, а я,

посчитав ниже своего достоинства бегать и суетиться, стоял как олух под струями ледяной воды и громко матерился. В части изысканных выражений Вася отстал от меня не намного. Наш дуэт органично вписывался в шум ливня, который прекратился также внезапно, как и начался.

Промокнув до нитки, я со злорадным удовлетворением убедился, что быстрые, как тараканы, бойцы, промокли ничуть не меньше нашего.

Мокрый, и стучащий зубами Вася матом построил личный состав лицом к солнцу и заорал неожиданно высоким голосом:

— Чтобы завтра к вечеру палаткоземлянки были готовы!

Алиев горестно вздохнул. Остальные промолчали, но по их мокрому и потерянному виду я почувствовал, что ответственностью задачи они прониклись.

Часть 3

— Едут! Едут! Вон они!

Честно говоря, мне ни черта не было видно никаких огней, о которых возбужденно трещали Вася Рац, Поленый, Логвиненко, и еще кто-то, кого в темноте я никак не мог разглядеть. Этой ночью караван чехов должен был пробираться в Грузию. По крайней мере, так об этом было сказано на вечернем совещании у Скруджа. Не слышал я и звуков, которые, по идее, транспорт все же должен был бы издавать. Ну не на воздушной же подушке они двигались?!

И все же, слыша возбужденный шепот товарищей, я ни на секунду не усомнился, что противник близок. Ну не могло же быть так, чтобы они все разом ошиблись! Значит, ошибаюсь я.

Рядом со мной пристроился Костенко. Он также пристально всматривался в темноту, и я, непонятно с чего, решил его подбодрить:

— Ну что, бойцы, пора молиться…

Ей богу, я получил ответ, который перевернул многие из моих старых, ничего, оказывается, не имеющих общего с действительностью, представлений о человеческой психологии.

— Что вы меня, товарищ лейтенант, пугаете? И так страшно…

Сказано было настолько искренне, что я даже и не усомнился в этом. Нет, не насмешка звучала в этом дрожащем голосе, а страх — неподдельный, не глумливый, самый настоящий страх. И это Костенко! Сержанта — зубодробила, о котором замученный Толя Романцев как-то сказал другу Алиеву: «Бей жида политрука, морда просит кирпича!». Оказывается, за всей этой внешней лихостью скрывался обыкновенный мальчишка, которому было страшно. Причем удивило меня не это, а то, что сам я никакого страха не испытывал, а чувствовал некое странное возбуждение. Так бывает, когда наступает какое-то событие, о котором часто слышишь, читаешь, даже смотришь по телевизору, но никогда переживать самому не приходилось.

Вчера полдня пытались пристрелять дорогу из минометов. Сказать, что это было просто — нельзя, сказать, что это было сложно — тоже. Потому что мы ее так и не пристреляли. Горы — с, господа! Горы — с!

Что главное для любого артиллериста? Отбросим все тонкости специальности, все тщательную подготовку стрельбы и квалификацию расчетов. Отбросим все. Оставим главное, без чего артиллерийский огонь бессмысленен, и столь же опасен как для

противника, так и для собственных войск. Ладно, не буду томить.

Главное для артиллериста — зафиксировать разрыв. Дайте мне точку разрыва, и я переверну землю. Вести вполне действенный огонь можно даже с помощью обычного бинокля, без буссоли и даже таблицы стрельбы. Возможно, в конце концов, обойтись и без них. Но без зафиксированного разрыва вести огонь невозможно.

Буссоль-то, кстати, на нашем блоке была. Отметив в виде цели некую кошару, мы, пользуясь измерительной шкалой буссоли, вычислили приблизительное расстояние, по таблице стрельбы для горной местности произвели установки, и сержант Костенко, выдернув чеку, торжественно отправил мину в ствол. Миномет дернулся, и плита на несколько сантиметров углубилась в местную почву.

— Ничего, — сказал Вася, — скоро утрамбуется, а там внизу камень. Так что все будет в порядке.

Грохот разрыва услышали все. А вот где он произошел, никто не увидел. Наши рожи вытянулись.

— Черт! — сказал Вася, — упал, сука, на каком-нибудь обратном скате.

— Так ведь дым должен быть? — я считал, что с логикой у меня все всегда было в порядке.

— Ну так где же он? — очень ядовито спросил меня Рац, как будто это я был во всем виноват.

— Да ладно, тебе, Вася. Давай сократим дистанцию.

Следующую мину мы запустили из расчета на двести метров ближе. Результат был аналогичен первому запуску. В течении двадцати минут мы сделали еще три выстрела. Место разрыва пыталось высмотреть уже человек тридцать — почти все офицеры, весь наш личный состав, и прибежавшие на необычное столпотворение темные личности из пехоты. Да что говорить, подтянулся сам Скрудж — и это было особенно неприятно, потому что довольно скоро он стал очень странно на нас с Васей посматривать.

На двадцать седьмой минуте стрельбы и шестом выстреле одна из мин упала на пристреливаемую дорогу, и это заметили все.

— Стоп! — заорал Вася. — Установки для стрельбы не трогаем! Не трогаем — я говорю! Все отошли!

Вася отчаянно мне подмигивал, но вполне мог бы и не делать этого. Я не настолько туп, как кажусь некоторым. Я прекрасно понял, что седьмой наш выстрел уйдет в белый свет как в копеечку.

Это была обычная циркуляция воздушных потоков. Если на

равнине мина, поднимающаяся вверх, пребывает практически в однородной воздушной среде, и она не изменяет ее полет по сравнению с расчетной траекторией, то в горах массы воздуха имеют намного более сложную структуру. Слои, через которые летит наша мина, движутся в разных направлениях, имеют разную температуру, плотность и кучу других, не менее важных, отличий. Но это не самое мерзкое. Самое мерзкое состоит в том, что этот слоеный пирог непрерывно меняет консистенцию. И через десять — пятнадцать минут казалось бы тщательно выверенные установки прицела направят мину в другую, хорошо если не противоположную, сторону.

Но, честно говоря, объяснять все это капитану Скруджеву нам не хотелось. Он, скорее всего, просто с ходу обвинил бы нас в некомпетентности, и не упустил бы случая сказать об этом на самом высоком ареопаге — на ПХД, на совещании у майора Дагестанова. Очернить человека легко, а вот обелить его — задача значительно более трудная, и не всегда решаемая. Есть же такая поганенькая пословица: «Дыма без огня не бывает». К вашему сведению, бывает, и еще как!

Сделай мы еще один выстрел, и снова мина исчезла бы в неизвестном направлении. А так: цель пристреляна, установки готовы — пусть все стоит в первой готовности, а там, может быть, это все и не понадобится. В крайнем случае, сошлемся на изменение погоды.

Когда толпа зрителей рассосалась, Вася повернул бледное лицо свое к Семену и прошептал:

— На тебя, Сэм, вся надежда. Твои пушки бьют по прямой, от цели не отклоняются. А мы… В общем, сам все видел.

Семен издевательски захихикал, на что Вася по-настоящему обиделся. Насупился, и замолчал, сверкая исподлобья своими черными хохляцкими глазами.

— Эх, минометчики хреновы, — продолжал куражиться Сэм, — вам бы только местное население пугать. Типа, куда упадет следующая мина? Чью кошару накроет на этот раз? Вы, похоже, на посланцев судьбы тянете: шел — шел мирный человек, никого не трогал, а тут минометчики стрельбы проводят. Они хотя и целились в противоположную сторону, но мина так легла, что убила прохожего. Судьба — с!

По Васиному лицу я понял, что он пытается найти какое-нибудь едкое возражение, но масть не шла, и сказать ему было нечего. Я же вообще старался помалкивать после той истории с загубленной ступицей.

Как бы то ни было, позавчерашний эпизод пулей проскочил у меня в мозгу, а я все также лежал на холодной земле, оперевшись

на левую руку и поджав ноги. Несколько далее меня в мелком окопе, неплохо, правда, обложенном камнями, разместился водитель Зерниев. Возле него лежала приличная куча гранат.

Меня одновременно посетили две мысли: первая — откуда у друга Зерниева столько боеприпасов? И вторая — неужели он и в правду думает, что кто-то осмелится атаковать нас с фронта, взбираясь по травянистой круче? Это было бы чистым безумием для любой армии. Ну, разве что Красная Армия могла бы так атаковать. Брали же в финскую войну линию Маннергейма лобовыми ударами.

Пока я размышлял об этом, автоматически изучая темноту перед собой, Поленый исчез. Его исчезновение объяснилось буквально через пару минут. Наша доблестная артиллерия открыла огонь. Смею заверить, что если вы находитесь немного впереди линии размещения орудий, то звук выстрелов вполне терпим. А для меня он в эту минуту вообще звучал как музыка. Это было нечто! Потому что Вася тоже скомандовал огонь.

Больше чем уверен, корректировать стрельбу он даже и не пытался. Впрочем, для противника, если он там был, такое дело было еще опаснее, чем прицельная стрельба. Угадать, где упадет наша следующая мина, не представлялось возможным. Одно это должно было навести на чехов дикий ужас.

Лично мне делать было просто нечего. Тогда я перевернулся на спину, и уставился на звездное небо. В конце концов, это просто романтично — смотреть в звездное небо, ощущать блики света от выстрелов и слушать могучую симфонию канонады.

Вглядываясь вниз, в сторону озера, я видел вспышки батареи Шевцова. Причем стреляли они куда-то за озеро, в сторону бывшего дома отдыха. Меня это несколько позабавило, но не удивило. Честно говоря, за время службы в армии удивляться чему бы то ни было я как-то незаметно для себя разучился.

Повернув голову направо, я немного поглядел на огненный хоровод третьего блока. Там тоже ничего интересного не было. Тогда я опять уставился в небо, и начал высматривать Большую Медведицу. Всегда, когда я смотрел на звезды, то искал это созвездие. Помню, в 8-м классе на меня напала страсть к астрономии: я читал книги, лазал на крышу сарая с биноклем и выискивал первые звезды. Теперь, думая об этом, я не мог понять — зачем мне это было нужно? А может быть, в этом и был смысл — заниматься чем-то не потому что надо или выгодно, а просто потому, что нравится и интересно? Помню, как гордился тем, что смог обнаружить в какой-то точке неба туманность. Ориентиром для последующих поисков мне служили ветки нашей старой яблони… Нет уже этих веток… А Млечный Путь… Почему его

россыпь призывает впасть в сладость безумия, почему оно так затягивает в себя? В чем загадка звездного неба? Может быть, скрытые до времени пласты сознания намекают, что рано или поздно любому человеку придется пойти этим путем? Куда?..

Стрельба внезапно для меня смолкла. Несколько секунд от наступившей тишины в моих ушах позванивало. Или мне это только показалось? А звенело совсем по другой причине? Я обратил внимание, что разочарованный Зерниев поднялся и ушел куда-то в сторону, бормоча проклятия себе под нос. Маленький, злой, боевой хоббит. Или гном? Нет, гномы — это Толя Романцев и его друзья. Это они любят ковыряться в камнях, таскать грунт и мастерить себе подземные убежища.

Кстати, убежища мы себе все-таки сделали.

Внутри землепалаток было сыро и сумрачно. И, что вполне естественно, достаточно грязно. Однако плюсы перевешивали. Во-первых, было где укрыться от дождя, а во-вторых, от сильного ветра.

Хотя, если честно, в первом варианте землепалатки мы допустили непростительную лень. Толя Романцев и компания сняли с машины Солохи дырявый тент, сняли металлический каркас, и перенесли все это на подготовленный фундамент. Однако, на этом и ограничились. То, что этот тент дыряв, конечно же, все помнили. Но вот прошел слабый дождик, наша крыша не протекла, и все решили, что существовать можно и так. Почему я все время говорю «наша»? Да потому что мы с Васей перешли жить все-таки к Толе и его друзьям. А вот Зерниев, Солохин, Костенко и Крикунов заняли собственное убежище. Впрочем, если честно, то их землянка была маловата для шести человек. А вот Романцев, Алиев и иже с ними выкопали не землянку, а настоящий котлован. Кроме того, из наших рядовых самое меньшее половина несли службу, а потому свободное место в «помещении» было всегда. Я мгновенно засыпал в любой позе, и на любом месте, поэтому мне было наплевать, где валяться: лишь бы не дуло, и не капало за шиворот.

Между прочим, мой вещмешок нашелся. И не где-нибудь, а в машине у Солохи. Но перед этим я все-таки добрался до «Шишиги» Пятницкого, для чего при первой же представившейся мне возможности выбрался на позиции Швецова.

В это утро солнца снова не было. Проклятая сырость заставляла меня мелко клацать зубами, но я согревался мыслью об отсутствии вшей. Если бы эти мелкие белые кусачие насекомые поселились бы на моем теле, то в такую погоду они размножались бы со скоростью насекомых! Бог мой! Что я несу! Они же и есть насекомые! Я стоял у входа в землянку, и, ковыряя

грязь носком ботинка, мрачно размышлял, чем бы мне заняться.

Вот, черт возьми, вопрос: чем заняты остальные? Где шляется Вася, например? Ну, это нетрудно узнать — наверняка сидит у Сэма и слушает музыку. Собственно говоря, соседняя палатка тоже слушает музыку. За эти дни я успел раз по сто прослушать весь их небогатый репертуар. Ну а вот пехота? У них, насколько я знаю, музыки нет. Что они там слушают? Чем заняты? Я сильно сомневаюсь, что они заняты чисткой оружия и изучением боеприпасов. И до завтрака еще далеко… Пойти снова, что ли, завалиться спать?

Под бушлатом у меня был одет бронежилет. Ничего удивительного. В отличие от всех остальных, которые свои брониками побросали тут же, как только поняли, что ежеминутно по ним стрелять никто не собирается, я оставил его на себе чисто из физкультурных соображений. Я посчитал, что это будет совершеннейшее сочетание полезного и необходимого: таская на себе день-деньской эту тяжесть, я уже перестал ощущать ее вес, а следовательно, натренировался. Проще говоря, пока я таскался по территории блока по тем или иным причинам, происходила незаметная, но от того не менее полезная физическая тренировка.

А ко всему прочему, когда я неудачно ложился спиной на какой-нибудь камень, титановые пластины предохраняли мой организм от всяких нехороших повреждений. Ну, в общем, снимать свой броник я не видел никакой необходимости.

Я бросил взгляд в район командного блиндажа. Около него стоял МТЛБ, и судя по движениям, которые вокруг него происходили, тягач скоро должен был отбыть за завтраком. В моей голове мелькнула мысль, которую я, внимательно рассмотрев с разных сторон, и пожав плечами, решил воплотить в жизнь, раз уж делать мне все равно было нечего.

Я пружинистым согревающим шагом направился к палатке Сэма.

Артиллеристы уже сумели соорудить что-то вроде навеса, под которыми установили импровизированный стол и стулья. Где-то раздобыли два столовских термоса, и вообще выглядели явно хозяйственнее нашей батареи. Однако ж грязи вокруг их пункта питания было нисколько не меньше, чем у нас. А вообще-то, как отметил я с неким удовлетворением, намного больше.

Я энергично сунулся к палатке, но поскользнулся, и вместо того, чтобы аккуратно приоткрыть вход и попытаться разглядеть Васю, был вынужден влететь в палатку на полной скорости. Естественно, иначе и быть не могло, я зацепился за растяжки, крепившие палатку, и упал прямо на Васю всей своей массой плюс бронежилет. Рац заорал, я скатился с него и попытался

встать. Но теперь я зацепился уже за чьи-то сапоги и упал на самого Сэма. Он заорал тоже. В результате мы вскочили на ноги все трое одновременно и уставились друг на друга.

— Ты чего, — сказал мне Вася, — озверел?

— Нет, Вася, — ответил я. — Ты извини, я просто хотел отпроситься у тебя на блокпост к Швецову. Сейчас сесть на МТЛБ, они меня на повороте сбросят, а потом с завтраком возьмут. А с прапорщиком я договорюсь.

Вася, потирая ушибленную ногу, мрачно заржал.

— Ты чего? — я даже слегка опешил.

— Просто я и так тебя собирался сегодня отправить к Диме. Тебе там надо будет прибор ночного видения забрать и одного солдата. Швецов тебе его сам выделит. Так что давай отправляйся… Хорошо, что зашел сам, кстати, а то я проспал.

Мне не надо было по десять раз повторять. Я быстро вылез из палатки и устремился к командному пункту, а когда заметил, что тягач, уже, собственно говоря, трогается, то рванул со всей силою, на какую только был способен.

— Стой! — заорал я, — почувствовав, что не успеваю, — стой!

Прапорщик Гусебов с недоумением вытаращил на меня свои огромные глаза. Таким взглядом готовятся отшить любую просьбу, какой бы она не была. Даже толком не отдышавшись, я просипел:

— Подкинь до поворота — мне к Швецову надо.

Взгляд папоротника разгладился:

— Подкину, конечно. Только обратно сам думай. У меня бачки будут, хлеб будет, еще люди будут.

— Ладно, сам дойду. Туда подвези хотя бы, и достаточно.

Я быстро вскарабкался на броню, и мы заскользили вниз. По такому склону только на санках кататься, или на лыжах. На машине или тягаче спуск выглядел жутковато. Внизу ориентиром конца пути служил сожженный дом. Его в первые два — три дня расстрелял из гранатомета прапорщик Садыгов, из какой-то там тыловой службы. Через несколько дней объявился хозяин жилья и предъявил претензии. За эти претензии он чуть было не попал под арест. Ему весьма популярно объяснили, что каждую ночь, (на самом деле одну), в этом доме наблюдались приборы ночного видения противника, из которых рассматривали наши позиции. А значит, он укрывает бандитов. Кроме того, каждое утро саперы находят на этой развилке мины, (это было правдой), а кто их устанавливает? Не он ли сам устанавливает их, а?

На местного горца наехали с такой силой, что он, уже видимо видя себя за решеткой, выскочил из командирского кунга Дагестанова и рванул прочь от военных с такой скоростью, как

будто за ним гналась толпа разъяренных кредиторов. Сам же Садыгов дал в воздух очередь из автомата, и счел на этом инцидент исчерпанным. Действительно, больше несчастного частного собственника увидеть у нас никому не довелось, а сгоревшее здание каждый раз напоминало мне, что на войне можно все. По крайней мере, списать.

МТЛБ лишь слегка притормозил, и я прыгнул вниз почти на ходу, так что приземлился неудачно — резкая боль пронзила пятки. Но я слегка попрыгал на месте, все успокоилось, и я огляделся по сторонам. Один. Никого. Никто не видит, никто не посмотрит с подозрением — почему ничего не делаешь? Есть время пройтись для поднятия тонуса… И вообще, ад — это комната, из которой нельзя уйти, в которой нельзя остаться одному, и в которой постоянно горит электрический свет. Так сказал кто-то из великих.

И я могу подписаться под его словами. Иногда очень хочется просто побыть одному. И если это можно сделать где-то на природе, то это вообще здорово. Толпой на природе гулять не рекомендуется, толпой рекомендуется водку пить.

Короче, когда вонючая машина угромыхала за поворот, я передернул затвор — на всякий случай — потрогал гранаты — с той же целью — и насвистывая легенду русского рока, не торопясь зашагал к шевцовской базе. Ошибиться в направлении было нельзя — грязная разбитая колея вела только в одном направлении. Я шел по обочине, периодически поднимая голову в серое набухшее дождем небо, и думал — пойдет все-таки сегодня дождь или нет. Честно говоря, грязь меня уже почти доконала. Сырость — извела. А постоянное желание пожрать вообще было чем-то ранее незнакомым. Но, правда, пока вполне терпимым.

Дорога шла по низине, справа и слева меня скрывали от посторонних глаз пологие склоны, заросшие густой травой. Правда, и я сам тоже ничего не видел. Поэтому я прибавил шагу, и через несколько минут вышел на открытое место — в тыл швецовской батарее. Я остановился и в изумлении присвистнул.

Хитрый Швецов сумел построить целый блиндаж. Бревна привезли на Харами совсем недавно, но если у нас даже под «чутким» руководством капитана Скруджа «египтяне» никак не могли соорудить что-то приличное, то здесь уже все было на мази.

Добило меня то, что из трубы подземного сооружения струился легкий дымок. На самой позиции никого не было. И я, совершенно ни кем не замечаемый, подошел поближе.

Блиндаж был вырыт в склоне, а это значительно облегчило труд. Кроме того, присмотревшись повнимательнее, я сообразил,

что не вижу ни одного вывернутого камня. Зато вокруг меня были насыпаны целые курганы из глины. Заглянув на дно одного из окопов, я обнаружил на дне выступившую воду. Именно выступившую, а не попавшую туда за период дождей. Уж в этом-то я разбирался, простите, не в городе вырос.

— Ну да, — сказал я тихо сам себе, — когда копаешь мягкую землю, пусть даже это мокрая глина, то все же это не сравнить с нашими каменоломнями. Ну да, все правильно.

Я бросил взгляд на свою позицию. Она была намного выше, чем точка Швецова, и ее просто не было видно, из-за окутавшего вершину горы тумана.

— Нет, — сказал я, — мне больше нравится быть выше. Не хочу торчать где-то на дне, и чтобы кто-то смотрел на меня сверху вниз.

Мое исследование позиции наконец-то привлекло чье-то внимание. Дверца блиндажа приоткрылась, и оттуда выглянула любопытная востроносая мордочка с безобидными голубыми глазами. Я изумился.

— Вы кто? — спросил меня обладатель острого носа. Он меня не знал. Впрочем, я его тоже раньше что-то не видел.

— Я к старшему лейтенанту Швецову, боец. А вообще-то я ваш КВУ должен меня в лицо знать, товарищ.

Дверца захлопнулась, послышались чертыхания, и через пару минут вылез сам Дима: небритый, помятый, но с неизменной ехидной улыбочкой. Он выставил голубоглазое чудо впереди себя. Чудо держало в руках треногу, а за спиной висел прибор.

— Вот ваш теперь Попов, — сказал Швецов, — забирай его вместе с ПНВ, и дуйте обратно.

Собственно говоря, надолго зависнуть у комбата я и не надеялся. Все-таки я его неплохо изучил. Но уж на десять минут-то погреться мог и впустить, жлоб этакий. Ни фига…

— Вообще-то, — сказал я со значением, — мне еще Пятницкий нужен, по личному делу.

Швецов хмыкнул, но бросил через плечо:

— Пятницкий на выход!

Через несколько минут я увидел заспанную и недовольную физиономию товарища Пятницкого. Он был явно раздосадован пробуждением, а потому взгляд, который кинул на меня, был хмур и неприветлив. Я усмехнулся. Плевать, как он на меня смотрит, пусть вернет мое добро, и думает обо мне все, что ему заблагорассудится.

— Где мой вещмешок, дружище?

— Не знаю. Я его отдал Солохе еще в день приезда.

У меня подкосились ноги. Так значит все это время мои

родные вещички находились прямо у меня под боком! А я и не знал! А с другой стороны говоря, что-то не наблюдал я их, хотя мы и брезент с Солохи сняли и вообще там часто лазали. Ну ладно, во всяком случае у меня появилась зацепка. Уж у Солохина то я выясню, куда делась моя водка, мои банки с тушенкой и мыльно — рыльные принадлежности.

— Ладно, — сказал я вслух, — давай сюда вашего ночного снайпера и мы пойдем.

Голубоглазый выступил вперед и улыбнулся доброй швейковской улыбкой:

— Ну так идти прикажите?

— Идем, идем.

Строго говоря, можно было бы заглянуть на блок к Хакимову, но вся их гоп-компания меня не слишком вдохновляла. По крайней мере Бандеру я предпочел бы не видеть никогда, после одной неприятной истории с вещевым имуществом. Ну да бог ему судья, а нам пора домой.

— Как тебя зовут, воин Красной Армии?

Солдат подобрался, и вытянув руки по швам, представился:

— Евгений Попов, дальневосточник.

Это возбудило во мне нехорошие подозрения и я недобро спросил:

— А может, ты еще и сержант?

— Ага, — радостно кивнул мне Попов и осклабился, как будто сказал что-то приятное.

Ничего тут приятного не было. Там, в Хабаровске, их всех скопом загнали в артиллерийскую учебку, где они благополучно занимались парково-хозяйственной деятельностью до переброски на Северный Кавказ.

Само собой, никто градацией кадров не занимался, психологические свойства личности не изучал, и кому, спрашивается, это вообще когда-то бывает нужно? Итог можно было предсказать заранее. Печальный итог.

По прибытии к нам толпа так называемых «сержантов» быстро расслоилась. Наиболее активная и агрессивная часть заняла свою экологическую нишу, в основном паразитируя на своих менее пассионарных земляках, а другая часть та самая, непассионарная, попала под двойной гнет: собственных «пассионариев» и представителей местного населения, включая и ростовчан, и кубанцев. Ну, если сказать проще, то рядовые, вроде Солохи, строили и гоняли целую толпу таких «сержантов», как этот Попов. Происходила не просто так называемая дедовщина, крепко разбавленная землячеством, но и полная дискредитация табеля о рангах.

Уж сам-то Попов надеялся наверняка на лучшее на новом месте, потому он так радостно засобирался со мной на другой блок. А вот я так не думал, но ничего такого, разумеется, бойцу не сообщил. Этого еще не хватало!

Мы потопали обратно к развилке, а когда добрались до нее, то, не останавливаясь, отправились сразу же к нам наверх. Тягач я ждать не стал, и вообще думал, что он уже давно там. Интересно, взял Романцев на меня завтрак или нет? Когда мы доберемся до вершины, есть мне будет хотеться очень сильно, я в этом уже не сомневался.

Чуть в сторону от развилки, по дороге в Ведено, метров через двести триста из горы бил родник. Прозрачный и ледяной. Под струю было подставлено большое железное корыто, откуда воду можно было черпать. Каждое утро саперы расчищали дорогу к роднику от мин, а у меня постоянно возникал вопрос: ну когда и кто их успевает ставить? Ведь каждое утро! И вроде бы простреливаем ночью эту зону, и вообще недалеко от позиций — как умудряются? Умудрялись как-то.

Несколько мгновений я колебался — может быть свернуть, набрать воды во фляжки? Но потом все же передумал: тащиться туда, потом обратно, а еще на гору лезть… Итак уже прошел прилично… Обойдусь.

Попов вообще моих размышлений не заметил, как пыхтел за спиной, так и продолжал пыхтеть.

Однако около спаленного дома он озадачил меня просьбой:

— Товарищ лейтенант, разрешите обследовать помещение?

— Чего? — спросил я, — что значит — обследовать? Зачем? И вообще, как ты себе это представляешь.

— А я охотник, таежник. Следы читаю, белке в глаз попадаю. Разведка это моя стихия.

Я обомлел, а потом снова заколебался: а что, если и вправду пустить солдата на обследование. Вряд ли он что-то найдет, после того как сам протрезвевший Садыгов полдня искал в пепле руины доказательства причастности хозяина дома к боевикам. Ничего не нашел. Утешило его только то, что именно где-то в этом месте каждую ночь в ночные приборы наблюдали зеленые круги от вражеских ПНВ. По рассказам самих наблюдателей вся местность вокруг нас по ночам просто кишела этими зелеными пятнами. Поэтому папоротник очень рассчитывал на показания наблюдателей и позицию отцов — командиров, если хозяин дома пойдет в суд.

А вот у меня после всех вышеописанных наблюдений появилось очень большое недоверие к этой нехитрой методике определения противника. Получалось, что чуть ли не поголовно

все местные боевики были вооружены приборами ночного видения, в которые и изучали нас каждую ночь.

И где тогда, спрашивается, снайперский огонь, которого все так боялись? Какого черта осматривать нас каждую ночь так подробно, зачем еженощно ставить мины, которые утром все равно снимают саперы?

Почему они нас не трогают? В чем дело?

Был разговор, что этот перевал можно и обойти, ничего страшного, и все караваны уже давно идут в объезд. А чего мы здесь тогда торчим? В ответ кто-то в темноте сказал, что, во-первых, намного дольше проезжать, а во-вторых, может быть где-то там с них, с чехов, стригут подорожные во всех количествах и во все щели.

И вообще нечего умничать, закрыли перевал, выполняем задачу, потерь нет, и радуйтесь, идиоты, и не ищите себе на жопу приключений.

С этим было трудно не согласиться.

В общем, я сказал Попову, что нечего там лазать по грязи и пеплу. И, кстати, если он не слишком сильно против, то буду называть его Папен. Был такой кудрявый нападающий в сборной Франции, и вообще звучит приятнее и приличнее, чем его собственная фамилия. Насчет «приличнее» он не врубился, но объяснять ему лингвинистические тонкости я не стал. Тем более, что мы уже пошли в гору, и дышать стало тяжелее. Я чувствовал это не только по себе, но и по учащенному дыханию Папена.

Звук, который возник позади нас, честно говоря, заставил меня приободриться — это был явно наш тягач. Хотя Гусебов и не обещал довезти меня обратно, но все же я рассчитывал прицепиться к его технике. Или, по крайней мере, потом, при случае, пристыдить. Поэтому я очень удивился, когда прапорщик накинулся на меня с упреками:

— Ты чего не ждал меня на развилке!? Я там зря десять минут простоял!

Я сделал крайне удивленное лицо и, кося под тупого, протянул:

— Ты же сказал, что не возьмешь меня…

Видно, папоротник сам забыл об этом, потому что орать перестал, и даже как бы ему стало неудобно.

Мы с худощавым Папеном быстро вскарабкались на броню, но тут наши пути разошлись: сержант бодро плюхнулся задом прямо в грязь, а я остался на корточках и решил держаться до последнего — мне было жалко свои штаны, итак не отличавшиеся чистотой.

МТЛБ крякнул, шумно испортил воздух черным выхлопом и

потянул нас всех наверх — к жадно ожидавшим завтрака военнослужащим нашего блока.

По прибытии я сразу выцепил взглядом Васину фигуру, указал на нее Папену, и приказал ему бежать докладывать о своем прибытии. А сам торопливо затрусил быстрым шагом к солохиной «шишиге». Я залез наверх и сразу же принялся разбирать кучу грязных тряпок непонятного назначения. У меня были очень нехорошие предчувствия.

Ну и что вы себе думаете? Естественно, они полностью оправдались. Одна из грязных тряпок кое-что мне напомнила. А если более точно, она напомнила мне мой многострадальный вещмешок, который я так давно не видел, что боялся не угадать. Угадал я его по косвенным признакам — внутри лежали мои мыльно-рыльные принадлежности. Само собой, никаких консервов и водки там не было. Был котелок, кружка и…Ну и, собственно говоря, все. Я, кстати, уже и не мог вспомнить, а было ли там вообще что-то еще. Или больше ничего и не было?

Я выпрыгнул из кузова и потащил остатки своего барахла в землянку. Ну а что я еще мог сделать в такой ситуации? Волосы, что ли, выдергивать из разных мест? Не дождетесь… Кстати, слегка непривычное состояние постоянной трезвости начало мне нравиться. Это было что-то новое, необычное. Мне даже казалось, что я способен с призрением отвернуться от налитой рюмки. Правда, случая проверить эту гипотезу все как-то не представлялось. Но Вася расстроится. Конечно, расстроится. Мы так мечтали о моем вещмешке… Так мечтали вдвоем на холодном утреннем дежурстве, обойдя посты и трясясь от холода и сырости около буссоли, в которую, один хрен, из-за тумана мало что было видно.

Наши мечты рухнули. Прозаично, грубо, резко — как это обычно бывает.

Снилось мне, что сижу я с родителями и родственниками за большим столом, уставленном закусками и бутылками, ковыряюсь вилкой в салатах, ору песни громким голосом, и так хорошо мне, так тепло и головокружительно, что и вставать из-за стола не хочется. Что-то я там еще и умное рассказывал… Вроде бы о том, как в горах красиво, но мерзко — так что ли…

Но от тряски за плечо пришлось открыть глаза. Врать себе бесполезно: пару секунд я не мог сообразить, где нахожусь — это точно. Сыро, запах специфический, и шум по крыше оглушительный. Но ведь за шиворот не течет и насквозь не продувает. А надо выходить. Чего трясли-то? Моя смена, оказывается, подошла. Папен, негритенок этакий, по моим же часам, которые собственно говоря, я ему для этой цели и вручил,

меня же на подъем и вызывает. Минута в минуту!

Да, исполнительный товарищ — надежда нашей батареи. Когда они с Романцевым друг друга увидели, аж затряслись. Оказывается, земляки — их родные леспромхозы рядом расположены.

— Рамир! — закричал Папен.

— Папен! — закричал Романцев.

Вот те на! А я-то думал, что новое имя Попову придумал. А он оказывается давным — давно Папеном стал, оттого никак на мои слова тогда и не отреагировал. М-да, промашечка небольшая вышла… Ну да ничего. Зато с Романцевым Толей определились: Толя — слишком фамильярно, Романцев — слишком официально, а вот Рамир… Рамир — это в самый раз! Это то, что надо.

Все это промелькнуло у меня в мыслях за ту минуту, что я вставал, застегивал бушлат и добирался к выходу через сваленные в кучу тела. Но только когда я выглянул наружу, тогда понял, что сегодня непогода несколько разыгралась.

Ливень лупил такой, что я промок в своем бушлате за несколько минут пребывания под открытым небом до нитки! В сочетании с порывами ветра, почти сбивавшими с ног, создавалась полная иллюзия океанского шторма, как это обычно снимают в фильмах о кораблекрушениях. Да еще приходилось искусно лавировать между полузатопленными траншеями и стрелковыми ячейками. Стоило оступиться, и мои ноги очутились бы по колено в воде. А это кранты, только заболеть мне еще не хватало. Пока же, тьфу — тьфу, ни одна зараза меня не беспокоила. Даже живот ни разу еще не болел, хотя хавал я всякой дряни предостаточно.

Организм, похоже, мобилизовался, прекрасно понимая, что помочь я ему при всем желании все равно ничем не смогу.

Хорошо, что на полпути до точки дежурства меня перевстретил лейтенант Маркелов — два метра в высоту, метр в ширину, и со своего барского плеча кинул мне огромного размера ОЗК. Я немедленно нырнул под защиту резины, а Маркелов, пожелавший мне спокойной смены, гигантскими прыжками поскакал в свою землянку. Мне оставалось ему только позавидовать: сейчас он зайдет в штаб, где сухо и тепло, где есть чай и хлеб с маслом, закусит и рухнет дрыхнуть.

Собственно, чему удивляться — ведь я как раз его и менял. Я сам и выбрал себе время с трех ночи до десяти утра. После десяти все уже просыпались и начинали шарахаться по лагерю. Как такового наблюдения уже не было. В это время я шел спать. Это было необыкновенно удобно тем, что так я как бы выпадал из-под организационных мероприятий нашего верховного командования.

Когда с вечера Скрудж бегал и проверял посты, совещался с командирами взводов и прочими официальными лицами, я отдыхал перед ночным дежурством. Когда же выспавшийся к утру командир блока заворачивал организационно-хозяйственные идеи, я отдыхал после ночного дежурства. А в это время за все отвечал Вася. Впрочем, как с ног до головы кадровый офицер, он от ответственности и не отказывался — и рулил, и разруливал. Я лишь помогал по мере сил и возможностей. Ну плюс еще выполнял обязанности интересного и остроумного собеседника. Разве этого мало?

Добравшись до пункта назначения, я в первую очередь осмотрел состояние минометов. Слава Богу, стволы были закрыты чехлами, прицелы — собственными футлярами, а мины надежно лежали в ящиках, поставленных на камни. Мы как-то сразу сообразили, что даже опосредованный контакт с мокрой насквозь почвой весьма губительно скажется на состоянии пороха в дополнительных зарядах к минам. Запасные основные заряды Вася вообще таскал чуть ли не в карманах.

Ну что же, сам-то я выполз. А где мои бойцы? Должно было быть двое — по одному на миномет, так, на всякий случай. Стараясь ступать только по траве, я начал поиски. Ага, одну фигуру удалось увидеть сразу — закутанный в плащ-палатку человек кого-то мне напомнил. Я тронул его за плечо. Плащ-палатка зашевелилась, из-под нее выглянула чумазая небритая морда Бабаев. Я успокаивающе похлопал его по спине, и он снова спрятал свою голову, как черепаха в панцирь.

Второго я что-то не видел. По моим расчетам, стоять на вахте должен был сержант Крикунов. М-да, трудновато выволочь это чудо из теплой землянки под такой ливень. Устроились они там весьма неплохо. На ящики с минами накидали откуда-то внезапно появившиеся шинели, добавили плащ-палатки, что вовсе было удивительным, армейское одеяло, и уютные лежанки были готовы.

Ну что ж, надо прекращать наглое игнорирование воинского долга. Я направился к сержантской палатке и протиснулся внутрь. На душе у меня отлегло — никаких особых усилий по поддержанию дисциплины прилагать не придется: Крикунов самостоятельно поднявшись, тупо смотрел на меня.

— В чем выйти, товарищ лейтенант, — спросил он своим проржавевшим голосом; как несмазанные петли скрипнули. — Промокну же насквозь.

— Одевай бушлат, плащ — палатку сверху и выходи. А что еще?.. ОЗК нет.

— У меня есть ОЗК. Он у меня в вещмешке лежал,

оказывается. Я вчера обнаружил.

Я обрадовался:

— Тогда одевай ОЗК и выходи. Я жду у минометов.

Шум дождя прорезали далекие автоматные очереди. Вялые, безинициативные — кто-то просто «прочищал» местность на всякий случай. У нас тоже был любитель пострелять в белый свет — политрук Косач.

Уж чего он натворил на ПХД, не знаю, но сослали его к нам — поближе к народу. Впрочем, сам он утверждал, что его перевод вызван исключительно целями укрепления порядка на нашем анархическом блоке. Косач быстро нашел общий язык со Скруджем, и теперь проживал в его штабной землянке. Пусть маловатой и низковатой, но все же теплой, всегда при харчах, около рации и руководства. Обратно на ПХД политрук не рвался — ему и тут было хорошо, я это чувствовал.

Я стоял почти на самом краю обрыва, перед светлеющей от поднимавшегося где-то за облаками солнца стеной дождя и занимался умственным онанизмом. Ну невозможно же часами бродить между двумя минометами в ту и другую сторону и при этом ни о чем не думать. В результате у меня в голове образовалось несколько любимых тем для обдумывания, которые я каждую ночь неторопливо обсасывал как собака кость, со всех сторон. Здесь были личные планы на отдаленное будущее — самые разветвленные и фантастические размышления; и такая же фантастическая реконструкция прошлого — что было бы, если бы я поступил тогда-то так, а вот тогда-то иначе. В своих упражнениях я достиг такой стадии, когда позволял себе отложить интересную мысль даже на потом, например, на завтра, а сегодня довести до конца другую сюжетную линию.

Впрочем, иногда пару интересных задумок для обдумывания удавалось сэкономить. Это случалось, когда я заводил разговор с личным составом. Например, Папен просвещал меня по части своих охотничьих достижений. Достижения эти, честно говоря, часто казались мне несколько преувеличенными, я, в частности, никак не мог поверить, что не слишком-то могуче выглядевший боец скакал по родным сопкам как архар круглосуточно и безостановочно. Мои подозрения укрепляло еще и то, что историй о своей меткости Папен не приводил: белке в глаз он не попадал, и вообще часто промахивался, из-за чего, собственно, ему и приходилось так много бегать. Меткость Жени Попова можно было проверить практически «не отходя от кассы», поэтому его вранье можно было бы моментально доказать. Возможно, поэтому он и не решался покуситься на славу великого охотника.

Но, по крайней мере, если он и врал, то врал интересно. А

вот Алик Алимов просто достал своей бесконечной историей, как он ездил домой в отпуск по семейным обстоятельствам. Эта бесконечная сага сильно напоминала мне историю о походах короля Артура и волшебника Мерлина. Да еще повествуемая монотонным голосом, внезапно прерываемым восторгами самоумиления — это было просто скучно, в конце-то концов. Но исполнительного Алика обижать мне не хотелось, и я волей — неволей выучил и его дорожные приключения, и состав встречающих родственников, и внутреннее устройство дома… Мне иногда казалось, что я смогу узнать дом Алиева с первого взгляда, и не заблужусь в нем с закрытыми глазами.

Но, скорее всего, это была просто иллюзия.

Вот о чем я себе запрещал пока думать, так это о бане. Не мылся я давно. И хотя к собственной немытости я вообще-то всегда относился терпимо, такой долгий срок без не то что горячей, а вообще какой-либо воды, уже вывел меня из себя. Хотя чесаться я еще не начал.

Выполз из землянки Крикунов. И не успев появиться на позиции, тут же начал стонать и возмущаться.

За пять минут он выдал мне весь свой пропагандистский набор: от «чего здесь стоим, все равно в такую погоду никто никуда не полезет», до «зачем им двоим стоять, когда и одного Бабая достаточно». Видно он считал, что уж мое присутствие на дежурстве само собой разумеется. Мелкий, наглый и глупый молодой человек!

Про себя решил, что часов в восемь отправлю их в палатки. Лучше побуду один: и тише, и спокойнее, и прекрасно без них обойдусь. Все равно на участке метров в сто пятьдесят и слева и справа стояли часовые из пехоты. Это было точно — я их видел сам.

С Крикуновым мне говорить было не о чем. Закончил он ПТУ по части электричества, интересовался исключительно водкой, бабами и тяжелым роком. Но и об этом представление имел довольно примитивное, на уровне физиологического восприятия. И при этом считал себя крутым парнем. Если судить по размеру кулаков и специфическому качеству пускать их в ход при каждом удобном случае, то это было почти правдой. Но общаться с этим чудом в течение шести часов подряд мне было тошно.

Если уж разговор заходил о выпивке, то проблема сводилась к тому, как быстрее нажраться. Ну и дать кому-нибудь в рог, естественно. Женщины его интересовали в основном как бы их быстрее завалить и глубже засунуть. Само собой разумеется, после того, как хорошо нажраться. Ну а после всего этого еще и металл послушать. При этом ни о направлениях этого течения, ни

об истории (ну, это было бы удивительно), ни о тенденциях и тому подобной около музыкальной информации он и понятия не имел.

Раньше бы сказали — «простой деревенский парень» — но Игорь Крикунов был самый что ни на есть городской. Простым деревенским парнем был Кабан он остался в батарее Швецова. Но тот вообще не любил музыку. Черт его знает, что он вообще любил.

Вот эстетствующий Сэм — это да! Он мог рассказывать о питерском роке часами: цитировал наизусть сложные тексты, рассказывал о сборе грибов галлюциногенов для большего погружения в мир прекрасного, горевал о трагической судьбе рок — певицы Яны и был лично знаком с Егором Летовым.

Еще в части он пробивал идею выходить на плац для развода караула под «Мусорный ветер». Естественно, его не поняли — хотя отнеслись к идее с уважением. Просто ее мало кто слышал.

Часть 4

Сэм предложил нам с Васей искупаться.

— А чего? — сказал он. — Вскипятим воду в двух бачках, дрова у меня сейчас есть, и на плащ — палатке сверху из кружки. Самое то.

Я с сомнением посмотрел по сторонам, передернулся от ветра, но обмыться хотелось. Тем более, что обнаружились мои мыльно-рыльные принадлежности, а это было и мыло, и полотенце, и чистое белье и даже шампунь. Бритву я не взял из принципиальных соображений. Во-первых, тратить воду на это мероприятие — излишняя роскошь, во-вторых, холодной водой бриться муторно, а горячую воду добыть очень сложно, в-третьих, любой порез может загноиться так, что мало не покажется. Я уже насмотрелся на гниющие руки сибиряков и дальневосточников. Эта зараза называется стрептодермия. Увольте! Избавьте меня от бритья. С бородой я и выгляжу солиднее, года на три — четыре старше — это точно. Так что никакого бритья в полевых условиях.

Пока я бегал в землянку и доставал банные причиндалы, Сэм уже разделся и сержант Храпцов поливал его из черной закопченной снаружи кружки горячей водой, которую черпал из зеленого армейского бачка. Впрочем, то что он зеленый, я знал скорее по памяти, чем на самом деле, так как после костра цветом он мало чем отличался от кружки.

Но это все ерунда. Главное, что Поленый демонстрировал заразительный энтузиазм, фыркал, кряхтел, издавал утробные звуки, видимо, символизирующие большое удовольствие, так что я уже с нетерпением стал дожидаться своей очереди. Вася неторопливо пошел за своими мыльно — рыльными, так что я надеялся стать вторым, сразу после Сэма.

— Вам на двоих один бак, — предупредил Сэм, энергично вытирая голову, — так что ты не усердствуй.

— Мне и половины хватит, — ответил я.

Это правда, мне всегда для купания хватало и небольшого количества воды. Например, ведра. Правда, здесь и ведра не было — на двоих. Но я надеялся обойтись и этим. Кружку я у сержанта забрал, решив, что помощники мне не нужны. Да он, видимо, и не собирался. И не надо.

Когда в разоблаченном виде я встал ногами на плащ — палатку, то холодный ветер, который меня так беспокоил, сначала показался мне не таким уж и страшным. Тем более, что вода действительно была горячая, так что… В общем, после первой кружки я чувствовал себя вполне сносно. Наскоро

намочившись, я принялся усердно мылиться, и вот тут-то свежачок меня и догнал. Ветерок стал высушивать влагу с моего тела, а так как влаги было много, испарялась она очень быстро, отбирая у меня тепло, а атмосфера как раз теплом и не отличалась, то скоро я начал танцевать брейк — данс.

Мыло только успевало мелькать в моих энергичных руках. Белая пена смешивалась с черной грязью, становилась серой, и на внешний взгляд могло показаться, что я моюсь дегтярным мылом — есть такое. Теперь мне уже не казалось, что полбачка будет достаточно. Но долг есть долг, и оставить Васе воды меньше, чем договорились, я себе позволить не мог.

Поэтому я ограничился одноразовой чисткой, вылил все, что осталось на мою долю, и с восторгом кинулся к полотенцу.

«После такого купания вернусь домой, осенью буду в речке плавать, как морж. Что уж тут такого невозможного? Сумел же я выдержать сегодняшнее летнее купание, когда все вокруг в бушлаты кутаются?».

Так бы я и занимался самовосхвалением, если бы не увидел, как медленно и методично обливает себя водой Вася. Меня взяла за сердце жаба зависти: как же он может так спокойно стоять на таком холоде? Ну почему я-то так скверно себя чувствовал?

Но вслед за кратковременной вспышкой завистливых и недобрых мыслей, ко мне вернулся стыд. Я решил немедленно исправиться, и подойти к Рацу со словами восхищения и одобрения.

Однако, стоило мне подойти поближе, как я чутко потянул носом от очень знакомого, старого доброго запаха. Очень, очень знакомого. Этот запах был мне знаком настолько, что я мог бы определить его из десятков, да что там! сотен других. Это был резкий и свежий запах алкоголя.

Ба! Так вот в чем весь секрет героизма Сэма и Васи. Вот в чем отгадка их спортивного успеха. Пока я, значит, честно боролся с непогодой, эти два брата — акробата использовали допинг, и под его действием и показывали чудеса стойкости и морозоустойчивости!

Мне стало неинтересно; поздравлять Васю расхотелось, и я побрел обратно в землянку, чтобы засунуть свои деревянные трусы и носки в пакет, в ожидании лучших времен. Ну не может же быть, чтобы весь июнь стоял такой дубарь и такая сырость?! Но что-то внутри меня грустно поднимало голову, и печально, с легкой укоризной, говорило: «Может… Может…».

Да, скука и туман. Туман и скука.

Через три все таких же серых, промозглых и ветреных будней рядовой Бабаев начал косить. Подкашивать он начал почти с

самого начала. И рожи недовольные корчил, и кряхтел громче всех, и садился раньше, и вставал позже. И вообще был вялый какой-то и безынициативный, хотя, например, как я помню, в части Бабаев обладал не хилой предприимчивостью. Не лез на глаза, не выделялся особо, но свой кусок урвать всегда успевал. А здесь как-то даже промахиваться начал.

И, похоже, этот жук начал промахиваться с того момента, как не попал в землянку к сержантам и водителям, а стал ночевать с нами и прочими рядовыми. И вот это мне сильно не нравилось, и я даже некое злорадство стал испытывать, глядя на его маету. Уж простите, не люблю я таких, примазывающихся. Уж эти самые поганые люди. Так сказать, нападающие второго эшелона.

Какой-нибудь пассионарий согнет человека, ну, бывает, что ж поделаешь, он сильнее. С этим смиряются. А за ним вторым эшелоном такие бабаевы вцепятся в подранка и начинают по полу таскать как тузик грелку. Вот тут бывают срывы. Вот этого униженные и оскорбленные часто не выдерживают. А потом берут в руки автомат и поливают всех подряд. М-да, перспективка…

В общем, рядовой Бабаев стал жаловаться на высокую температуру, на боль в грудной клетке, на кашель нехороший по ночам, на ломоту в костях и общее тяжелое самочувствие. Признаться, кашля его я не слышал. Но, с другой стороны, если бы он и кашлял как проклятый, все равно я бы не услышал. Меня невозможно было разбудить даже стрельбой из пушки, самым буквальным образом. А кашель, сопение и бухтение в нашей землянке и не переводились. И Рамир бухтел, и Папен кашлял, но, тем не менее, от них жалоб на самочувствие не поступало.

— Что делать будем с кадром? — спросил я у Васи.

Рац насупился и непреклонно сказал:

— Таких как Бабаев надо давить. Поэтому никуда он с перевала не уедет. Но! На ПХД, к врачу, свозить его придется. Понял? Ты с ним поедешь сегодня. С «Уралом». С Ваней Коротковым.

Ваня Коротков был солдат — срочник, но водителем он считался бесподобным. Не знаю, где и как он учился, или талант такой, но на своем «Урале» он мог пробиться в любую погоду и по любой дороге. Доказательством творческих способностей Вани лично для меня служило хотя бы одно то, что сам Скрудж на него не орал. А это значило очень много. Наш вождь даже запретил контрактникам садиться за руль Ваниной машины. В довершение образа можно сказать только то, что к белобрысой голове были прикреплены круглые очки с треснувшими стеклами. В таком виде Коротков сильно напоминал Александра Демьяненко. Одно время как-то ваучеры даже пытались называть его Шуриком, но

не прижилось. «Ванья» звучало значительно эффектнее.

Но предстоящая поездка на ПХД меня обрадовала не из-за того, что я поеду с Ваней — это, конечно, чушь и ерунда. Просто на ПХД я еще вообще не был за эти недели ни разу. А ведь там сейчас находился и Венгр, и знакомый прапорщик Гаджи — снабженец продуктами, и пара знакомых лейтенантов из штаба. Короче, было с кем встретиться и поговорить.

— Возьмешь у Гаджи тушенку, скажешь, что от Сэма. Он в курсе — чего и сколько, так что тебе надо просто привезти сюда, понял? — проинструктировал меня Вася негромким голосом, — без шума и пыли.

— А кроме закуски, больше ничего?

— Нет, за кроме закуски еще деньги нужны. У тебя есть? — все также не демонстрируя эмоции Вася легко меня урезонил. Денег у меня не было. Я вообще почему-то вообразил, что в нашей обстановке эти бумажки уже не имеют того значения, какое придают им штатские товарищи далеко от войны.

Надо быть справедливым, по большей части так оно и было. Но не всегда. В частности, в вопросе водки деньги были нужны. Хотя, с другой стороны, без нее я тоже пока прекрасно обходился.

— Давай там, — похлопал меня по плечу Вася, — не влипни в какую-нибудь историю.

Я поплевал через левое плечо и пошел забирать болезного Бабаева из землянки.

Наше доблестное ПХД разместилось в небольшой долине, со всех сторон окруженной холмами, поросшими мелкой, но яркой зеленью. Сырости здесь было еще больше чем у нас. Но что не отнимешь у эпикурействующих штабников, так это умения устраиваться. В каждом из холмов была сделана пещера, где со всеми удобствами разместились те из населения ПХД, у кого отсутствовал персональный кунг в машине, или не было уютной палатки, как, например, у медиков.

Ее не заметить было трудно из-за белого флага с красным крестом. Я сдал солдата на руки маленькому чернявому папоротнику для анализов, а сам побежал к связистам. Не найти Юрин кунг было также трудно, как и не разыскать медиков. Его антенны вздымались в воздух выше самих холмов.

Раскрыв незапертую дверцу, я никого не обнаружил. Зато на столике лежала пачка потрепанных газет, в которой я разглядел даже номер «Спорт Экспресса», а это было уже серьезно. Придет Юра или нет, и где он вообще это потеряло для меня значение. Я залез в кунг, и вцепился в прессу.

Мой мозг настолько соскучился по получению письменной информации, что мне казалось, я без малейших на то усилий

запоминаю газетные тексты просто-таки наизусть. Знакомые футбольные фамилии зазвучали для меня как музыка: где-то люди смотрят матчи по телевизору, обсуждают результаты, пьют кофе или чай. А кто-то трясется от холода, жрет опостылевшую сечку и вместо телевизора наблюдает за передвижениями туманных масс.

Я оторвался от газеты, и заметил в углу скамьи предмет квадратной формы, бережно укрытый шинелью Карапузенко. Поддавшись импульсу, я обошел столик и поднял шинель. Ба-а! Да тут телевизор! Юра неплохо проводит время: наверняка чай, преферанс и телевизор. Черт! Плевать на чай, еду и карты. Но без информации, без развлечений для мозга я заплесну, закисну, просто не выдержу. Мне скучно!

— Ладно, хватит юродствовать. Юры нет, когда будет — неизвестно. Надо тихо уходить, — я с сожалением посмотрел на оставляемые газетки, и покинул теплый кунг. Надо же забрать Бабаева и зайти к Гаджи за продуктами. Иначе Сэм открутит мне голову, причем Вася будет ему усердно в этом помогать.

Вообще ПХД показалось мне странно пустым. Шум шел только из одного места — огромного шатра метрах в двухстах от меня. Интуиция мне отчаянно подсказывала, что там происходит что-то интересное. Мой бедный рассудок разрывался между двумя противоположными желаниями: идти забирать Бабаева, иначе его выпустят, и потом ищи — свищи (спрячется как таракан, ей-богу, хрен найдешь!), или все же заглянуть в шатер — судя по отдельным звукам, которые я все-таки улавливал, там была столовая.

Чувство долга победило — я развернулся в сторону медцентра и поплелся за симулянтом Бабаевым.

Просунув голову в палатку, и слегка оглядевшись, я проскользнул целиком и тихим мягким шагом подошел к столику, перед которым спиной ко мне сидел голый по пояс Бабаев, а напротив него, склонив голову и усердно морща лоб, строчила ручкой женщина в грязном белом халате. Я мысленно охнул: о том, что на ПХД есть женщины, я и подумать не мог. Это просто невообразимо! Неужели в нашей части не хватило мужчин? Зачем отправлять молодую женщину, (а она была молода), в логово чрезвычайно возбужденных отсутствием женского внимания, полных сил и энергии… как бы это помягче выразиться?.. Ну ладно, не маленькие, понимаете.

Или она по своей воле приехала? Тогда это… Нет, так даже думать нехорошо, и нельзя. Но. на мой взгляд, на войне женщинам делать нечего. И пусть кричат феминистки всего мира что хотят! Другое дело, когда мужчин не хватает по тем или

иным причинам. Ну, то есть, когда больше просто некому. Тогда согласен, тогда пускай, тогда совсем другая ситуация…

Пока я предавался несвоевременному умствованию, врачиха меня все-таки заметила. Но она даже не подняла головы, а просто процедила:

— В очередь, пожалуйста.

Я смущенно кашлянул:

— Прошу прощения, но я, вообще-то, за этим солдатом пришел.

— Что? — Она, наконец, взглянула на меня, (впечатления я не произвел понял по взгляду), — Вы собираетесь его вести на позицию?

Тут уж я пришел в полное недоумение:

— Естественно, я за тем сюда и явился.

— Он болен. Мы его отправим в Ботлих следующим рейсом.

Челюсть у меня, признаться, непроизвольно отвисла. Вот этого я не ожидал. Если Бабаев болен, то Рамир, Папен и Алик вообще находятся при смерти. Или близки к этому. И тем не менее, бегают и пашут как лошади. Ай да фрукт этот Бабаев! И как же он ухитрился-то, пока я отсутствовал? Невероятно… Просто фантастика…

Я бы, наверное, долго еще стоял столбом, если бы врач не попросила меня покинуть помещение. Тогда я очнулся от ступора и веско, на мой взгляд, возразил:

— Чтобы он уехал с позиций, вообще-то, разрешение командира нужно. Я должен, как минимум, доложить.

— А вы кто? Не командир?

— Я — взводный, и отпускать солдата права не имею.

— Ну и ладно, я подпишу у Дагестанова.

— Через голову нельзя.

— Слушайте, вы кто по званию?

Ее вопрос меня слегка покоробил. Но я не стал лезть в бутылку, а бесстрастно, как индеец, ответил:

— Лейтенант.

— Ну так вот, лейтенант. А я — капитан. Кругом, марш.

Но выгнать меня, когда я чувствовал свою правоту, было не так-то просто.

— Да что с ним такое? Хоть просветите на этот счет.

Капитанша слегка успокоилась, подумала, что выиграла спор:

— У него начинается воспаление легких. Надо срочно начинать лечить. Иначе могут быть осложнения. И тогда всю ответственность придется возложить на вас.

Ну… Это мне знакомо. Всегда виновато низшее звено. Ванька взводный. Он и с дедовщиной не борется, и за здоровьем не

следит, и учит плохо, и матчасть не обеспечивает, и за техникой не смотрит. «На дворе январь холодный — в отпуск едет Ванька — взводный. Солнце яростно палит — в отпуск едет замполит». И так далее.

Во попал! Не заберу бойца — Скрудж начнет дохнуть, как говорит капитан Молчанов. Заберешь — капитанша настучит Дагестанову, тот спросит Скруджа, Скрудж поднимет кипеж — «Зачем вообще возили к медикам?».

Черт, влип!

Я глянул на часы. До отхода Вани обратно на блок оставалось даже меньше часа. А я еще не забрал у Гаджи тушенку. Поэтому из палатки мне пришлось выйти, а симулянт Бабаев в ней остался. Его удовлетворение я ощущал даже через спину.

«Ну и хрен с ним», — думал я со злостью, — «без этого фрукта обойдемся. Толку от него было все равно как с козла молока!». Пока я добрался до палатки начальника продсклада, так распалился, что пришлось постоять минуты две, чтобы успокоить разбушевавшиеся нервы. Затем я размял рот, и внутрь зашел уже с широкой американской улыбкой.

Эта улыбка медленно потухла у меня на губах, когда я понял, что Гаджи там нет. Сидело несколько ваучеров, пара продвинутых сержантов, посторонний прапорщик, играли в карты, в углу сипела автомагнитола, присоединенная к аккумулятору с «Шишиги», а в другом углу валялась приличных размеров куча из пустых банок.

Я поздоровался с каждым за руку, (здесь это строго обязательно, иначе обида), и спросил, где завпродскладом. Они пожали плечами, и сказали, что сейчас должен вернуться, там в столовой какие-то разборки идут. Разберется и вернется.

Я присел на свободный ящик с твердым намерением ждать Гаджи до тех пор, пока до отхода «Урала» не останется пять минут, и только тогда я могу с чистой совестью возвращаться, как сделавший все возможное в пределах своей компетенции.

Магнитола играла музыку местных исполнителей. Я не могу сказать, что все они на один манер — это неправда. Но и отличить песню Северного Кавказа от среднеазиатской или индийской я тоже вполне в состоянии. Кстати, для этих мест она подходила идеально. Строго говоря, на мой взгляд, народную музыку надо слушать там, где она создавалась. Лезгинку — в горах; «Полюшко поле» — в поле, само собой; а «степь да степь кругом» — естественно, в степи. Глупо орать хриплыми пьяными голосами песню о степи посреди многомиллионного города, где куда ни плюнь, а в кого-нибудь попадешь, а чтобы залезть в автобус надо обладать мощью старины Шварца.

Под мирное шлепание карт и убаюкивающую мелодию я почти задремал. Через силу все-таки поднял руку и посмотрел на часы. Блин, осталось пятнадцать минут. Теперь точно аут: жратвы не привез, бойца упустил. Съедят меня сегодня с говном. Мысленно я уже начал репетировать оправдательную речь.

На мгновение в палатке стало светлее, это распахнулся вход, и я облегченно перевел дух. Гаджи все-таки пришел, и на моих часах оставалось еще десять минут.

Он явно чем-то был расстроен, и хотя он узнал меня, поздоровался слегка суховато, что, вообще-то, я от него не ожидал. Когда же я сказал про Сэма, он начал бурчать что-то себе под нос, но куда слазил, повернулся, что-то пробормотал, и выставил передо мной две банки свиной тушенки, две банки тушенки говяжьей, и банку птичьего мяса. Я рассовал полученное добро по всем карманам, пожал ему руку, причем улыбался как можно шире и убедительнее, и откланялся.

До «Урала» мне пришлось мчаться галопом.

Паче чаяния, а точнее, просто потому, что я привез все желаемое Сэмом и Васей, и даже несколько более того, никаких разборок чинить со мной из-за болящего Бабаева они не стали. Рац даже сказал, что сам сообщит Скруджу эту не слишком приятную новость, и я могу расслабиться. Я расслабился.

Мое расслаблению поспособствовало еще и то, что меня пригласили к столу, а стол был неплох. Хотя Вася и читал мне лекцию о полной невозможности достать что-нибудь бодряще — веселящее, это была полная лажа. На самом деле предприимчивый Поленый несколько ранее лично съездил к Гаджи и получил от него дрожжи и сахар. Путем нехитрых химико-биологических действий ему удалось получить не водку, конечно, но пищевую, спиртосодержащую жидкость определенной крепости. Крепость была не слишком высокая, зато этого пойла было много.

Компания была приличная. Помимо нас троих в углу палатки сидел по-турецки Логвиненко, возился с магнитолой маленький командир гранатометчиков Рома Инин, и конечно, ну куда же без него! прапорщик Гусебов. Да кроме того, пока я лицезрел почтеннейшую публику, в палатку залез Маркелов, отчего сразу стало как-то очень тесно. Он скинул свои сапоги и полез по застеленным одеялам к противоположной стене, а я разуваться не стал, и потому присел не край около входа.

При взгляде на стол, где уже красовались все доставленные мною банки, меня намного более радовало наличие сырого, порезанного на дольки, лука, и большая банка соленой капусты. От одной только мысли о том, что это можно будет скоро съесть,

слюна у меня стала выделяться так, что знаменитым собакам Павлова за мной было не угнаться. Наверное, Вася заметил голодный блеск в моих глазах, потому что странно усмехнулся, и стал доставать колпачки от снарядов, которые должны были послужить нам заменой рюмок или стопариков. Кстати, по объему колпачки вполне соответствовали. Плюс ко всему, они обладали одной исключительно полезной особенностью: поставить их было нельзя — падали на бок. Поэтому все налитое надо было выпивать, иначе спиртное просто-напросто вылилось бы, а держать посуду в руке, демонстрируя всем, что ты недопиваешь, было просто неприлично.

— Скрудж сюда не заглянет? — озабоченно спросил Рома, который было очень исполнительным и аккуратным офицером, и вот-вот должен был получать повышение. Никаких конфликтов с руководством ему не хотелось.

— Успокойся, — вяло махнул рукой Сэм, — не заглянет. Он с Косачем уехал на ПХД на совещание. Это надолго.

Все засмеялись. Я лично не сомневался, что капитану придется тащить упирающегося и завывающего анархические песни Косача в свою штабную землянку волоком. Замполит удержу не знал — гулять так гулять, стрелять — так стрелять. А что совещание на трезвую голову не пойдет, в этом никто и не сомневался. Не так часто они проводились, а главное, я слышал это сегодня краем уха, у Дагестанова просто какой-то праздник был сегодня, кажется, день рождения.

Его день рождения стал и нашим маленьким праздником, хотя он сам вряд ли подозревал об этом. И это было хорошо.

Сэм включил свою любимую песню группы «Мистер Малой» — «Буду погибать молодым» — и приступил к разливу самогона. Он черпал его эксклюзивной, в смысле, не закопченой и относительно чистой, кружкой, и разливал всем по колпачкам.

— За победу! — сказал веско наш артиллерист, и опрокинул в себя то, что осталось в кружке после разлива.

Я глотнул, и горячий комок покатился вниз по пищеводу в желудок, и слегка захорошело. Теперь мои руки сами потянулись к капусте, на которую я так долго и с таким вожделением смотрел.

После второго колпачка жизнь показалась мне не такой уж и плохой штукой, холод и грязь стали вполне терпимы, а язык начал развязываться. Теперь надо было смотреть за тем, чтобы не сказать чего лишнего. И Гусебов, и Маркелов во хмелю отличались повышенной обидчивостью, и если претензии прапорщика вполне можно было пережить, то лейтенант мог так дать в глаз, что я бы потом недели две ходил бы как актер

Куравлев в фильме «Семнадцать мгновений в весны». Если бы, конечно, не получил сотрясение мозга — тогда точно труба.

Поэтому после третьей рюмки я вообще забился в уголок и в приятной неге тупо смотрел на крышу палатки, попав вне времени, вне пространства — куда-то в свободный полет духа и мерцание эфира…

Дальнейшее помню смутно. Помню передвижения по земле, которая то приближалась ко мне, то отступала вдаль, словно в перевернутом бинокле. Серое небо грозилось опрокинуться мне на голову, а громкие звуки чудовищно раздражали. Желудок во чреве болтался как набитый мешочек соли на тонкой веревочке, а спуститься в землянку было так трудно, что я два раза падал на колени.

Потом я удивился, что Папен не играет за сборную Франции, а у паразита Алиева нет в запасе ни одного мандарина. Потом темнота…

Все же молодость — это здорово! Проснулся я одним рывком в четыре часа. И хотя во всем теле и голове ощущалась похмельная тяжесть, все же ни острой головной боли, ни тошноты, ни липкого холодного пота не наблюдалось. И дежурство свое я проспал всего на час.

Однако именно это и настораживало. Где же Вася? Что же он не разбудил меня? Я поднялся на ноги и осмотрелся, на сколько мог, в темноте землянки. Так, по углам валялись Папен, Алик и Рамир. В центре расположились крикуновцы — Кузин и Куватов. Васи не было. А кто же тогда на позиции?

Сильно хотелось пить. Я подергал фляжку — пуста. Значит, все, что было, вылакал еще вчера. Надо искать Раца и спросить у него; у него могло остаться.

Я двинулся к выходу, но движение привело в действие какие-то дремавшие механизмы: в моей голове щелкнуло, и я на секунду подумал, что она может разлететься как гнилой арбуз от удара пьяного бахчевника. Почему пьяного? А черт его знает, почему они всегда все пьяные? Проколют молодой арбуз шприцем, выпустят в него спирт, а потом, когда он созреет, жрут его и балдеют.

Эти мысли вызвали во мне резкое чувство ностальгии по дому — по арбузам, по бахчам, по возможности дрыхнуть до полного восстановления работоспособности. Ну и прочее.

Голова утихла. Еще на всякий случай постояв в неподвижности, я все же решился сделать два шага и выглянуть из палатки. Эти шаги дались мне несравнимо легче, и теперь я уже значительно более уверенно, поеживаясь от острого холодного утреннего ветра, побрел вверх, к нашим минометам,

где, как я был уверен, и находится сейчас, как обычно невозмутимый и сконцентрированный, Вася.

А вот и дудки! Никакого Васи там и не было. А сидел там одинокий и худой сержант Крикунов. От удивления я чуть не облегчился на месте. Крикунов сидит на позиции, а бойцы из расчетов спят! Небывалое бывает!

— Что с тобой, Толик? — спросил я, попытавшись изобразить иронию, как это понимать? Ты здесь, а два «К» в палатке?

До этого момента я не видел его лица, но когда он повернулся ко мне, меня замутило. Такого бланша давненько видеть мне не приходилось. Он, наверное, занимал пол-лица мрачного Толика, делая его похожим на принцип домино.

— Эге, — сказал я, — а ну-ка отвечай, братан, кто это тебя?

Злобно косясь в мою сторону здоровым глазом, Крикунов поведал мне удивительнейшую историю его вчерашних злоключений. По мере того, как я усваивал материал, мне все труднее и труднее было сдерживать томящийся в груди злорадный смех. А дело было так…

Наступило время первой ночной смены, а отцы — командиры все гудели и гудели в палатке у Поленого, причем теперь они дружно ревели «Броня крепка и танки наши быстры», и идти к ним с дурацкими текущими вопросами не решался никто.

Отсутствовал и вождь всего укрепрайона — капитан Скруджев. Исчез даже Косач, который вечно совал свой нос во все щели. Случись такая ситуация в части — никто бы даже пальцем из срочников не пошевелил: все бы радовались и занимались своими делами. Но тут другое дело. Сержанты и водители минометки собрались на совет, как бы для смеха, и там же, с шутками и прибаутками быстро сориентировались. Первую половину ночи, сказал Костенко, будут стоять Попов, Романцев и Алиев, а вторую — Кузин и Куватов.

Ну что же, я мог бы только поаплодировать такой разумной распорядительности, и даже выразить сержанту устную благодарность.

Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Когда Крикунов пошел в нашу палатку за рядовыми, то обнаружил там только Кузина и Куватова. На вполне естественный вопрос — где остальные? — те только мычали нечто неопределенное и делали большие глаза. Разозлившийся сержант строго приказал найти отсутствующих, и для подкрепления своих слов даже отвесил леща Кузину — для внушения.

— Даже руку отбил, — пожаловался мне Крикунов.

Я мысленно посочувствовал Кузину. Рука у Крикунова была как лопата: такая же крепкая, мозолистая и большая. «Надо

проверить — нет ли у Кузи сотрясения мозга?» — мелькнуло у меня в голове. Сержант шмыгнул носом и продолжил рассказ.

Он вернулся в свою палатку, где предался игре в карты — в «козла» — и как-то так незаметно прошел час. Оставшись три раза подряд «козлом», Костенко рассвирепел и заорал на Крикунова — где подчиненные!?

Тут Крикунов и сам спохватился, и побежал снова в палатку к Кузину и Куватову.

Но там его ждал облом. Исчезли не только костенковцы, но и крикуновцы. В сильном раздумье сержант подошел к обрыву, уселся на снарядный ящик, и задумался. Но не успел он схватить в своей голове ни одной мысли, как между его ног появилась хитрая рожа Попова.

Хватательный рефлекс у Крикунова сработал автоматически — он схватил Папена за нос, и аккуратно вытянул его наверх. Пока Папен визжал, как резаный поросенок, за ним вылезли наверх и Романцев, и Алиев.

Особого допроса не потребовалось. Вмиг став гундосым, Попов раскаялся, и рассказал, что в недавнее просветление заприметил относительно недалеко местную кошару, и запланировал ее посетить. А так как сегодня господа офицеры и даже прапорщики перепились, то он счел, что лучшего момента может больше и не представиться. И рискнул выйти в поход, подбив на это товарищей.

Они вышли бодрые и веселые в предвкушении новых впечатлений, но внезапно наткнулись на стену тумана в одной из ложбин. Рамир и Алик отказались идти дальше и повернули обратно. Папен испугался путешествовать один, и побрел за ними. Вот и вся история похода.

У самого Крикунова после удачной затрещины Кузину раззуделось плечо. И он, для удовлетворения возникшей потребности, решил заняться воспитательным процессом: пара затрещин, с десяток пенделей, пяток ударов в грудь. И все бы было хорошо, да пришла беда, откуда не ждали.

Маркелов, уставший от вокальных упражнений, и подзуживаемый мочевым пузырем, выполз из землянки Поленого облегчиться. Как на грех, именно в этот промежуток времени Крикунов и вытягивал за нос попавшегося в его цепкие руки Папена. Вопли дальневосточника привлекли внимание лейтенанта, так как, к несчастью Крикунова, все это происходило достаточно недалеко, а орал Папен очень и очень громко.

Лейтенант Маркелов находился в том опасном состоянии, когда его сознание давно ушло погулять, а вот способность членораздельно разговаривать и совершать физические действия

сохранилась в полном объеме. Я сам несколько раз попадал в такое же положение, и потом долго объяснял, что я просто ничего не помню из сделанного, а мне никто не верил, потому что я читал стихи, пел песни, отвечал на вопросы, но при этом вел себя совершенно безобразно. Ничего никогда никому, кстати, мне так доказать и не удалось. Поэтому я легко представил себе эту картину.

Так вот, только успел сержант двинуть Папену в ухо, повалить на землю ударом в грудь Алика, и наподдать по копчику Толе Романцеву, как почувствовал на своем плече очень тяжелую длань, которая играючи пригнула его к земле.

— Ты дедовщиной занимаешься, паренек? — с притворной ласковостью спросил Маркелов.

— Нет, — простонал согнутый в дугу Крикунов, — я их командир.

Хотя это была ложь, но виновная троица промолчала — всплывет фамилия Костенко, он не простит. А ссорится с этим злопамятным и влиятельным в определенных кругах человеком было себе очень и очень дороже.

— Ты за что их бьешь, боец? — все также не повышая голоса, заинтересовано продолжил допрос Маркелов. — А?

— Ушли самовольно из расположения, — лейтенант сжимал плечо сержанта не рассчитывая сил, и Крикунову страшно хотелось заорать. Но было невыносимо стыдно перед подчиненными.

— Куда же вы ушли? — Теперь Маркелов обращался к поднявшемуся на ноги Романцеву, но и не отпуская Крикунова.

Простодушный Рамир не успел ничего придумать для вранья, и под страшным взглядом гиганта тут же признался:

— Хотели в кошару сходить, на разведку.

— Ну и как, принесли что-нибудь?

— Нет.

— Это он вас послал?

Маркелов слегка отпустил сержанта, и тот, переведя дух, многообещающе глянул на Рамира. Тот обомлел, и вообще потерял голову.

— Нет, мы сами ушли.

Если Крикунов рассчитывал, что теперь страшный лейтенант примется за «святую троицу», то его ждало жуткое разочарование. Маркелов повернул к нему страшное лицо свое и вопросил:

— А где ты был в это время?

— В палатке.

— Это ты так следишь за личным составом, сержант?

Внезапно лейтенант обратил внимание на разбухавшее

буквально на глазах ухо Папена.

— А это что? Ну-ка, ну-ка!

Он дотронулся до него, и рожа Папена скривилась, причем он непроизвольно ойкнул.

— Так, — протянул Маркелов, и указав рукой на Рамира, приказал, снимай хэбэ, солдат.

Рамир замялся — уж очень выразительно смотрел на него Крикунов. Лейтенант опять сжал сержантское плечо, глаза у того затуманились, ему стало не до Толи Романцева, и Рамир решился разоблачиться.

Да, на его теле была пара приличных синяков. Но поставил их ему не Крикунов, а Костенко. Но объяснять это заряженному на результат, и уверившемуся в своих подозрениях Маркелову было бесполезно. Он даже не стал смотреть на замызганного Алиева, а поставил Крикунова прямо перед собой… И случилось страшное…

В общем, сержант летел долго, и рухнул на землю с треском бегемот мачты.

Маркелов же повернулся к опешившим бойцам и спокойно, как ни в чем не бывало, спросил:

— Сейчас ваша смена?

— Да, — сглотнув слюну, ответил за всех Папен.

После этого, как бы удовлетворившись, лейтенант встал над поверженным беспредельщиком, и очень веско, с расстановкой, сказал:

— Буду приходить каждый час на проверку. Если я тебя здесь не увижу, ты будешь похож на очковую змею. Ясно?

— Да! Да! — заорал Крикунов. Маркелова побаивались все. Физически с ним справиться было почти невозможно. Помимо огромной силы, он еще и единоборствами успешно занимался. Поэтому перечить ему, да еще во хмелю, было равносильно броску под поезд.

Толя Крикунов надеялся только на то, что пьяный лейтенант все забудет.

Но спустя примерно час, где-то около минометов, он, лежа в палатке и изливая свою ярость товарищам, услышал вопрошающий голос ужасного Маркелова:

— А где ваш сержант?

Словно подброшенный пружиной, Крикунов тут же заткнул свою желчь куда подальше и на полусогнутых вылетел наружу. Он подбежал к Маркелову и вытянулся во фрунт.

— Где ты был?

— Отлить отходил, товарищ лейтенант!

— Точно? Ты не врешь?.. Смотри, еще раз не застану —

будешь писаться и какаться самопроизвольно. Доступно?

В общем Толя Крикунов остался на позиции. А так как демонстрировать свой огромный бланш перед презренными Рамиром, Папеном и К ему казалось невыносимо унизительным, то он отправил их спать, и сидел один. В раздумьях и размышлениях, строя планы мести — один нелепее другого.

Выслушав горестное повествование, я отпустил измученного сержанта на отдых. Может мне и показалось, но он бросил на меня благодарный взгляд, и тут же испарился. А вот я присел на теплое насиженное место и задумался. Я все думал — стошнит меня или нет? Не стошнило.

Часть 5

День, в котором мы потеряли сразу трех человек, начался обычно, и совершенно непримечательно.

Уже неделю как светило солнце, туман появлялся редко, проходил быстро, оставляя ощущение не дикого холода, а скорее вполне терпимой прохлады.

Наконец-то мы с Васей заполнили все положенные документы — и схему ориентиров, и карточки огня.

Конечно, я очень жалел об отсутствии дальномера, и расстояния определял очень приблизительно, использую соотношение угломерной сетки и размера предмета. Но как определить размер предмета?

Да, например, я наблюдаю кошару. Но объясните мне, какая у нее высота? Они же не по типовому проекту строятся. И вообще, этим методом на большом расстоянии плюс — минус километр в лучшем случае.

Впрочем, если кому-то и взбредет в голову перепроверить наши расчеты, то один хрен у него ничего не получится. Так-то!

Не буду скрывать, у меня появился любимый ориентир. Далеко — далеко по горной дороге, у поворота, стоял «Урал». Мы увидели его только тогда, когда обзор местности совершенно очистился на всем своем протяжении. И как уверял Сэм, в предыдущее просветление на этом месте было пусто. Из этого он сделал вывод, что машина была подбита им в «ту» ночь. Спорить с Поленым было трудно. Действительно, из миномета, при самых наиблагоприятнейших условиях, мы бы туда не дострелили. Ничего мощнее пушек у нас не было. Вывод был очевиден.

Смущало меня лишь то, что никаких видимых повреждений на автомобиле не было. Хотя, если его посекло осколками, то с этакой дали пробоины увидеть даже теоретически невозможно. Метод измерения по угломерной сетке дал нам в результате 12 километров, отчего рожи у нас вытянулись, а Сэм, который оказывается в тайне лелеял идею похода «за зипунами», тут же выбросил ее из головы.

Командир разведроты по кличке Сабонис предостерег нас вообще от всяких передвижений далее родника. Он сказал, что саперы почти регулярно снимают мины на той дороге, где возят жратву, а уж там, где не возят, никто не может знать, чего понапичкано.

С расстройства Сэм уже хотел раздолбить этот «Урал» совсем, но мы упросили его не портить такой чудный ориентир. Трезвый Сэм согласился, а пьяный Сэм все — равно бы никуда не попал.

И надо же было такому случиться, чтобы злосчастный «Урал» углядели с третьего блока!

Как они исхитрились? Ведь выступ скалы вроде бы закрывал от них машину целиком? Может, кто проговорился? Тот же Сэм рассказал Рустаму о своем успехе, например. Да мало ли! Не так уж и редко встречались друзья и знакомые на ПХД. То заезжали к Гаджи — потихоньку взять пару банок, то к Венгру — узнать новости, что в мире творятся. А уж в походную баню приезжали все без исключения.

Как только кончился холод, к нам сразу приехала баня. Мы были так рады, что даже не стали бухтеть по поводу «где вы были, гады, раньше». В общем, жить стало лучше, жить стало веселей.

Надо сказать, что постреливали у нас частенько. Чтобы поднять настроение, напомнить аборигенам о нашем присутствии, чтобы техника не ржавела, и по множеству других, не менее весомых причин. А потому, когда часов в двенадцать пополудни я услышал мощный хлопок в направлении родника, то не обратил на это никакого внимания.

Я чистил автомат. Мне удалось достать ненадолго пенал с принадлежностями для чистки, и я спешил воспользоваться такой неожиданной оказией. Все-таки месяц был сырой, а оружие я не чистил давно — нехорошо. Потому времени придавать значение ошарашенному и расстроенному Васиному лицу у меня не было.

Заметил только, как неожиданно резво вскочили на только что пришедший с ПХД тягач Скрудж и Косач, а тот развернулся и дал газу.

— Чего это они? — кивнул я в их сторону, не отрываясь от процесса чистки.

— Тягач на мине подорвался, — просто и буднично ответил мне Рац, и до меня не сразу даже дошло сказанное.

— Какой тягач?

— С третьего блока.

— И что?

— Всех убило.

— Кого убило?

— Водитель — солдат-срочник Толтинов, прапорщик какой-то из третьего батальона, и Рамазанов.

Ни солдата, ни прапорщика я не знал. А вот лейтенанта Рамазанова знал, и даже неплохо. Парень он был дружелюбный, спокойный, рассудительный. Недавно только женился… Вот это номер!..

Я вертел в руках свое оружие и пытался осознать — как это — сейчас вот только ты существуешь. А вот уже и нет. Тебя нет. Что там? Пустота, вечный мрак. Просто невообразимо. Вечность

вообразить невозможно. Разрывается голова, неспособная вместить в себя это понимание. Невозможность, непредставимость вечности.

Вот ползет букашка по руке, вот солнце нагревает спину, вот слышны голоса. Ощущается слабая ласка ветра на щеке. Невозможно представить себе смерть в такой момент. Ее просто не может быть. Она не может существовать на Земле.

Но зачем себе врать? Ты же прекрасно знаешь, что может. Представь себе, что из горячего солнечного дня ты спускаешься в прохладу, а то и в холод, глубокого погреба и закрываешь за собой крышку. Вот так, наверное, и смерть — из царства солнца и жизни переносит тебя в мрачное холодное подземелье смерти. Но только еще хуже, потому что твое «я» перестает существовать…

Наверное, как это иногда со мной случалось, я стал разговаривать вслух, и Вася толкнул меня в бок:

— Ты чего? Очнись!

Я вышел из ступора, где мелькали золотые искры в глазах, и хриплый голос Бутусова пел: «Я люблю тебя за то, что твое ожидание ждет; Того, что никогда не может произойти».

— И как все это случилось, Вася?

Рац покачал головой:

— Я не знаю. Сам же видел, небось, как Скрудж и Косач поскакали на ПХД за подробностями.

В сержантской палатке ощущалось нездоровое возбуждение: в отличие от нас, они, оказывается, прекрасно знали погибшего водителя.

Через несколько томительных часов вернулся МТЛБ. Не ожидая никакого указания, все офицеры и прапорщики блока потянулись к штабной землянке. Даже на узких вечерних совещаниях там было тесно, а такое количество людей поместиться в ней не могло однозначно. Скрудж не стал даже ничего говорить по этому поводу, а просто вяло махнул рукой — располагайтесь. Даже неунывающий болтун Косач выглядел как-то угрюмо и кисло.

— Ну что, — сказал командующий блоком, — они поехали за водой. Почему проехали мимо источника? Черт его знает. Проскочили две мины подряд и попали на третью.

Он замолчал. Молчали и мы — словно чего-то ждали.

— Были выпимши, но не сильно, иначе бы водитель не сел в тягач. А если бы сильно пьяный сел, то на ПХД не съехал бы — там крутой спуск… Не понимаю, — Скрудж вздохнул. — Ничего не понимаю.

Когда все разошлись по своим местам, то Сэм, который шел вместе с нами, уверенно сказал, вроде бы ни к кому не обращаясь,

но нам было ясно, что к нам (к кому же еще?):

— Они хотели к «Уралу» проехать — истинно вам говорю!

— С чего ты так решил?

— Да я Русу сказал. Зря. Они его и не видели. А я сказал, что из-за поворота не видать. А там же еще повороты есть. Они, скорее всего, думали, что за ближним… Мы-то всего парой слов перекинулись, я не стал уточнять за каким. А они поперлись — герои хреновы… Получается, я виноват.

— Не сходи с ума, Семен! — взорвался Вася, — причем здесь ты!? Они что — дети малые?! Здоровые мужики. Сами сделали, сами отвечают.

Но Сэм так и ушел от нас к себе, повесив голову.

Дня через три после этого события на нашем блоке произошли перемены неожиданные и важные.

Не прощаясь, ничего не объясняя — да и зачем, спрашивается — капитан Скруджев блок наш покинул, и ему на смену прибыл мой старый знакомый капитан Лебедев.

Оп-па! Этот капитан когда-то командовал пятой ротой в бывшем нашем батальоне, и не справился с личным составом. Собственно, это не в укор ему не всем дано. В той роте сложилась очень тяжелая национал-социалистическая обстановка — даги потеряли вообще всякое понятие о мере. Так что после Лебедева капитану Молчанову очень тяжело пришлось. Он кого даже бил из местных, был очень большой скандал, но Игоря местные прапорщики поддержали, и кое-кому в роте пришлось заткнуться, а кое-кто недосчитался зубов. Молчанов привел в чувство эту банду, а иначе могли и пострелять друг друга.

Лебедев без такой поддержки, как у Игоря, ничего бы не смог сделать, да он и не смог. В результате его перевели куда-то в управление бригадой — на какую-то не слишком ответственную и обременительную должность. Офицер он был, по слухам, заслуженный, так или иначе две войны на Кавказе пережил, и дали ему отдохнуть.

Но вот то, что он приедет руководить нашим укрепрайоном, такого мне и в голову не могло прийти. Я, честно говоря, даже растерялся. Скрудж был злой, почти жестокий, много и громко орущий человек, но при всем при этом его все боялись и слушались. Будет ли то же самое при Лебедеве? Меня терзали не то что смутные, а вполне конкретные сомнения. Все свои мысли я изложил Васе.

Оказалось, что он думал точно также как и я.

Вообще, я стал замечать, что мы с Васей начинаем понимать друг друга с полуслова, а иногда даже с полувзгляда. Я часто просто чувствовал, что он думает в этот момент. Непрерывное

тесное общение волей — неволей превращало нас в каких-то сиамских близнецов, если не телу, то по духу и мысли.

— Ну держись теперь, Паша, — только и сказал он мне.

Лебедев внимательно осмотрел штабную землянку, которая должна была стать его домом на долгое время, познакомился с Косачем, которого, оказывается, совсем не знал, обошел все наши позиции с глубокомысленным видом, ничего не сказал, только хмыкал, а потом снова укатил на ПХД.

А мы с Васей отправились к Сэму играть в карты. Играть в карты я не люблю, но просто посидеть поболтать хотелось. Осточертело это однообразное пребывание на позиции, один и тот же пейзаж каждый день перед глазами, и честно говоря, хотелось каких-нибудь перемен.

— Ну а что? — сказал Вася, сгребая ладонью розданные карты, — вот тебе и перемена. Новый начальник, по новому метет, что-нибудь придумает, чтобы личный состав не маялся от безделья. У нас ходы сообщения от землянок к минометам не доделаны? Не доделаны! Вот — будет заставлять доделывать.

— Что-то хреновая и странная тишина у нас тут. Как у Христа за пазухой, — заметил я, рассматривая свою сдачу — расклад карт был весьма скверным. — Никто нас не трогает, не стреляет. Ну, мины не в счет — это не активно.

Сэм покачал головой:

— Не все так просто, Паша. Пока мы никого не трогаем, и нас никто не трогает.

— А собственно почему?

— А почему нас в феврале в Грозный на аэродром «Северный» не отправили? В последнюю минуту все отменили?

Я помнил этот солнечный, но очень сырой день — обычная погода для Дагестана. Накануне вечером был получен приказ об отправке сводного батальона в Грозный. Можете мне не верить, но энтузиазм был колоссальный. Лица славянской, татарской, и прочих некоренных национальностей чуть ли не в драку лезли за право попасть в него. Я сам с чувством глубокого удовлетворения узнал, что поеду в составе минометной батареи. Вечером написал всем родным письма (читай — завещание), но мысль об отказе в моей голове даже не возникла. Тем большее разочарование пережил я утром, когда на плацу объявили о том, что минометной батареи в составе батальона не будет.

Мои бойцы почти плакали. Правда, некоторых перевели в пехоту, заполнив недостающие бреши, и они мигом начинали улыбаться. Брали только солдат, прослуживших не менее года, и стрельбы у нас были регулярно. И кроме автоматов давали и гранаты метать, и из РПГ стрелять, так что худо — бедно они

представляли себе, что от них потребуется.

Я же, в полном расстройстве ушел с плаца прямо домой — на съемную квартиру и весь день провалялся на диване, смотря в телевизор и распивая пиво. Наряда у меня в этот день, (само собой — ведь планировалась же отправка), не было, и в суматохе обо мне никто и не вспомнил.

Этим же вечером приказ отменили, о чем я узнал на следующее утро, и, надо признаться, испытал чувство некоторого злорадства…

— Ну и почему не отправили? — спросил я достаточно заинтересованно.

— Ха, — сказал Сэм, — почему? Там наверху, (он показал пальцем в небо и даже закатил глаза), я не знаю, конечно, кто конкретно, но тот, кто может это решить, из дагов, естественно, просили не вводить часть из Дагестана в Чечню. Они, дескать, против этой войны, и достаточно того, что соблюдают нейтралитет и удерживают свои «горячие головы» от выступления. За чехов, само собой.

— Ну и…

— Ну и не ввели. Не стали ссорить два братских народа.

— А теперь почему разрешили?

— А потому, что совсем уж ругаться с Ельциным тоже не захотели, вот и пришли к компромиссу — выдвинуть бригаду на охрану границы, перекрытие перевалов, и прочее, а на территорию Чечни все равно не входить. Короче, и нашим, и вашим.

Сэм замолчал, рассматривая карты, и объявил заход по козырю.

— И чехи нас здесь не трогают пока, боятся в единоверцев попасть. Проблемы потом…

— А мины ставят, — неожиданно зло процедил Вася сквозь стиснутые зубы.

Но Сэм не смутился:

— Мы же тоже местность обстреливаем… И потом, засады ночью не устраиваем на них. А мины утром саперы уберут… Почти тренировка.

— Откуда ты все знаешь? — не выдержал я.

Сэм откровенно усмехнулся:

— Ну уж я — то уж побольше твоего общаюсь с людьми. Обстановкой интересуюсь, а вы дрыхните целыми днями, как хорьки… А вот ты знаешь, Паша, что чехи тут недалеко от нас находятся.

— Так можно же догадаться: кто-то по ночам вокруг лазает.

— Ты ПНВ имеешь в виду? Брось — это техника, скорее,

глючит… Дорогу справа от озера видел?

— Спрашиваешь! Это та, которую со второго блока из пушек пытались камнями завалить?

— Ну да. Так вот за поворотам, если еще немного проехать, находится Макажой, а в нем — чехи. Целая банда. Может они и лазают ночью. Пешком можно дойти как местные говорят, а на лошадях если, так вообще недалеко.

— Чудные дела, — подал голос оставшийся «козлом» Вася, — странная война.

— Очень странная, — сказал Сэм, — очень. Воевали — воевали, а теперь перемирие, и «отвести войска». За что боролись?

— Косач пытался сорвать перемирие, — сказал я, и мы все захохотали.

«Отмороженный» Косач и правда пытался это сделать. Причем с помощью Поленого. И что самое прикольное, на абсолютно трезвую голову. Узнав из своего карманного радиоприемника об объявлении перемирия, замполит закричал: «А я против!». И столкнувшись лицом к лицу со мной, спросил:

— Будем срывать перемирие?

— Будем, — ответил я. — Перемирие — это преступление. Даешь войну до победного конца! Короче, давай. Только как? Ельцину позвоним?

— Да брось ты дурака из себя строить! — обозлился Косач. — Хотя ты, может быть, и не строишь.

Я обиделся, но промолчал. На нашего замполита было бесполезно обижаться. Он все равно этого не понимал.

— Объявили что? Объявили прекращение огня. Понял? А мы его нарушим. Сейчас пойдем к Семену, и из его пушек обстреляем Ведено… Я думаю, долетит — тут по карте всего — навсего двадцать километров по прямой.

Я начал прикидывать сам:

— Так, максимальная дальность — четырнадцать километров. Плюс охеренное превышение… М-да…Знаешь, Леонид, может быть, и правда долетит.

Косач аж подпрыгнул:

— Ну а я тебе о чем говорю? И я о том же!.. Все, пошли.

Мы нашли Сэма в депрессии и неге. Толком даже не выслушав нас, он загорелся идеей, и крикнул своих «монстров». Монстры нехотя появились, но увидев оживленного и повеселевшего командира, быстро зашевелились сами. Они заряжали орудия, а Косач дергал за спусковой рычаг.

— С началом летней кампании! — съязвил наш славный политрук, и ускакал к штабу, бросив меня и Поленого в

одиночестве.

Наверное, он помчался слушать радио — объявление о срыве мирного процесса ввиду открытия огня. Нам послушать радио он не давал, да честно говоря, не очень и хотелось. Даже на захват Буденновска отреагировали как-то вяло. Я, например, вообще узнал об этом почти случайно. В общем, замполит был какой-то неправильный. Вместо марксизма — ленинизма пропагандировал анархию, вместо политинформации производил глубокое умалчивание. Зато не по теме разговаривал много и с удовольствием.

Прошло два дня и о своей болезни заявил Куватов. Он сильно чихал, кашлял и жаловался на невыносимую слабость во всем теле. Я положил ему руку на лоб. Лоб был очень горячим. Глаза тусклые, вялые. Я даже не усомнился, что он и правда заболел.

В отличие от Бабаева, на Куватова можно было положиться, и если он сказал «не могу», значит, и правда не может. Вася приказал ему собрать свои вещи и отвел больного к Лебедеву. Больше я Куватова не видел. В этот же день его отвезли в ближайшую больницу в Анди, а потом переправили в госпиталь.

Зато через день к нам в батарею прибыло пополнение.

Когда я вернулся из палатки Семена, вдрызг проигравшись, то обнаружил, что на наших ящиках с минами в большой задумчивости сидит высокий, худой и небритый боец. Зимняя шапка с одним отвернутым и торчащим в сторону ухом, грязная шинель и нечищенный автомат дополняли сомнительной красочности портрет.

Оборванец выжидательно посмотрел на меня, и опустил голову на грудь.

— Ты кто? — спросил я его, покачиваясь на носках и засунув руки в карманы.

— Я в минометную батарею переведен, — глухо, как из бочки, донесся до меня ответ.

Мы оба замолчали. Я молчал, потому что думал, кого нам подсунул Лебедев? А почему молчал боец — не знаю. Возможно, он вообще был малоразговорчивым.

— Как тебя хотя бы зовут, молчун? — я попытался подбодрить его вопросом.

— Пименов.

— Из каких Пименовых будешь?

— Из гранатометчиков я.

— От Инина? — я, честно говоря, удивился. Не ожидал такого ответа.

— Нет, — сразу замотал головой боец, — я гранатометчиком в части числился, в третьем батальоне. А здесь я в пехоте был, на

третьем блоке.

— А чего к нам?

— Так перевели. Меня не спросили.

— Ну и ладно! — какая, собственно говоря, мне была разница, откуда он пришел. Мало ли я перевидал их, всяких. — Располагайся, короче, в этой палатке.

Он поднялся как дед, скрипнув сразу всеми своими суставами, и загребая большими ступнями, поплелся в землянку.

Папен, Рамир, Алик… О! Кстати…

— Пименов! — окликнул я его. Он недоуменно остановился.

— В нашем тесном коллективе мы будем называть тебя Пимон. В землянке есть еще Папен, Рамир и…, - мне мгновенно пришло в голову озарение, — …и Лу-Лу. Знакомься!

Выражение лица Пимона не оставило мне сомнений в его конформизме: «Хоть козявкой назови, только в кузов не клади!». И он-таки отправился знакомиться с новыми друзьями.

Я же подошел к буссоли, чтобы в очередной раз осмотреть окрестности.

Если Скрудж в первую неделю собирал совещания в своем штабе каждый вечер, во вторую раз в два дня, а в третью — раз в три, то Лебедев прекратил эту «порочную» практику. На первом же совещании он убедился, что обсуждать ему с нами, собственно говоря, нечего. Система несения службы была налажена еще Скруджем, устоялась, закрепилась в сознании, выполнялась уже по инерции, и искать добро от добра Лебедев не стал. Он вполне мудро рассудил, что лучшее — враг хорошего.

Поэтому на втором вечернем совещании начблок сказал, что необходимости собираться больше нет. Если будет нужда, он вызовет всех в штаб; или того, кто ему будет нужен. Не имея абсолютно никаких возражений все разошлись. С этого момента мой мир сузился вообще до полоски нашей огневой позиции, палатки Семена и собственной землянки. Тащиться еще куда-нибудь у меня больше не было ни нужды, ни желания.

Разве что съездить к роднику что-нибудь постирать. Но это редко.

Чтобы не потерять форму, каждое утро, на рассвете, когда все в основном дремали, я делал зарядку. Отжимался, приседал, поднимал камни. Потом просыпался Вася, а я шел спать.

Хорошая погода, необременительное питание, свежий высокогорный воздух, и здоровый образ жизни делали нашу службу слегка похожей на курорт.

Впрочем, мне лично казалось это вполне заслуженным после холода, голода, сырости и грязи первых недель. В этот период обратно в часть вернулись почти все представители коренных

национальностей из срочников. У представителей национальностей некоренных это вызвало большое удовлетворение. Теперь они могли наслаждаться миром и покоем, в какой-то степени. Обратно в место постоянного расположения не рвался никто. Хотя я мог это сказать только о нашем блоке. Что там было у других, не знаю.

Вот только меня от безделья уже начинало мутить.

Похоже, что мутило не только меня, но и нашего вождя — капитана Лебедева. А это было уже серьезно…

Пробило капитана в его самом слабом месте — по хозяйственной части.

Бульварной походкой, с выражением легкой усталости на лице, Лебедев пришел на нашу позицию, и слегка покрутившись, приник к буссоли. Я был один, в смысле без Васи, и настороженно наблюдал за действиями шефа. Всякое проявление инициативы начальства вызывало у меня большую озабоченность.

Босс осматривал панораму гор минут пятнадцать, сдабривая наблюдение междометиями типа «Хм-м» и «Гм-м». Его хмыканье сопровождалось плеском воды и скрежетом ложек — Папен драил котелки после завтрака.

Наконец капитан отпустил буссоль и задумчиво посмотрел на меня.

— Видишь коров? — спросил он внезапно.

— Да, — небольшое стадо я мог разглядеть и без посредства оптики.

— У нас тут под боком бродят тучные стада, а мы сидим без молока! Лебедев смотрел на меня так, как будто я лично был в этом виноват.

— Так это местных аборигенов стада! Что я, мы, могу сделать!

— Каких там местных!? Тут чехи всех коров у местных отобрали — нам местные жаловались, я у Дагестанова на совещании слышал. Так что даешь экспроприацию экспроприаторов!

«Черт с тобой!», — подумал я, — «прикажешь — за милую душу сделаем. Под твою ответственность — ради Бога!».

По всей видимости, после кратковременного руководства пятой ротой у нашего вождя крепко засела обида на всех местных жителей, как чехов, так и дагов. И к их имуществу он не мог относиться иначе как к возможности кое в чем отыграться. По крайней мере, мне так казалось по его глазам. Строго говоря, мне вообще было по барабану. А своих личных обид было тоже более чем достаточно.

— Снаряжаем экспедицию! — Лебедев повеселел, сладко

потянулся и энергичными шагами ускакал в свою хибару.

Я же нашел место почище, с зеленой травой, разложил бушлат, разделся, и принялся загорать. Все же одним ухом прислушиваясь, а одним глазом присматриваясь в направлении возможных неприятностей.

Спустя где-то полчаса у штабной землянки стал собираться народ. В бронниках на голое тело, обвешанные оружием, небритые и лохматые, бойцы производили дикое впечатление. Мне даже трудно было провести какую-нибудь историческую аналогию. Может быть, Запорожская Сечь? Но там хоть башку брили…

Короче, в голову ничего не приходило.

Появился Косач в черной повязке на голове, и меня осенило. Ну конечно же! Сразу можно было догадаться! Махновцы! Во истину махновцы! Последним появился Лебедев, с трудом построил свою «банду», которая уже и вспомнить не могла, как это делается, и повел ее по направлению ко мне. Я быстро вскочил и привел себя в соответствующий вид.

— Здесь самый удобный спуск, — сказал замполит Лебедеву, и заглянул в глубину спуска.

Как-то незаметно подошли и Вася, и Логвиненко, и Инин и, само собой, Поленый. Они молча, но довольно заинтересованно следили за действиями начальника.

Капитан оставил у наших минометов радиста, приказав ему быть строго на связи. Затем он обратился к Васе с приказом, чтобы кто-нибудь постоянно был в готовности к стрельбе. Вася посмотрел на меня, я пожал плечами — почему бы и нет?

Лебедев еще раз осмотрелся по сторонам. Светило солнце, ветер дул ощутимо, но не резко, небо голубело, трава зеленела. Все было прекрасно. Капитан решительно начал спуск, за ним, чертыхаясь, полез вниз связист со своим тяжеленным ящиком за плечами, потом по одному скрылись за обрывом рядовые участники похода, и замкнул цепочку Косач, распевавший «цыпленка жареного».

Я прильнул к буссоли, наблюдая за аргонавтами. Они спускались все ниже и ниже, возглавляемые бодрым начблоком, и смотреть за ними мне надоело. Я отодвинулся от окуляра, и невооруженным взглядом рассмотреть их уже толком не смог.

Ладно. Я сходил за книгой, непонятно каким чудом оказавшейся у нас на блоке, и похищенной мною из палатки Сэма. Единственной мерзостью было то, что книжка называлась «Фауст». Еще со школы я не переваривал этого названия. Но что поделаешь? Зато она была толстая. Я читал ее и плакал оттого, что мне приходится это читать.

Пока эта сволочь Фауст развлекался с Еленой Прекрасной,

облако тумана накрыло наши позиции.

Я спросил у радиста, не слышно ли чего.

— В туман попали, — радостно сообщил мне он. — Стоят, не знают куда идти.

— Зачем стоят? Пусть сидят, отдыхают. Эти облака скоро пройдут.

— Да они и сидят, не рыпаются.

Как я и думал, спустя минут двадцать туман ушел, панорама очистилась, и я снова воспользовался буссолью.

— Просят сообщить, где коровы, — крикнул мне радист.

— А где они сами?

— У кошары номер один.

Я навел объектив на ориентир. Действительно, вроде кто-то есть. Ладно. Начал искать стадо. В течении пяти минут внимательно, от себя вдаль, справа — налево, осматривал всю лежащую передо мной долину. Ничего похожего на коров не было.

— Нету стада, ушло, — крикнул я солдату, а он передал мои слова Лебедеву.

— Говорят, не может быть, — радист повернулся ко мне, саркастически хмыкнув.

— Хорошо, я посмотрю еще раз.

Но и повторный обзор мне ничего не дал. Не было просто никаких коров и все. Обломался капитан Лебедев. Пусть теперь отчет пишет о прочесывании местности. Стоп. Мама мия! Он же ведь за коровами пошел наверняка втихаря. Ну не Дагестанову же Лебедев будет докладывать! Это смешно. И если эту банду с третьего блока разглядят, то жахнут так, что мало никому не покажется.

— Э, радиомаэстро, ты передай капитану, что их с третьего блока могут разглядеть, и жахнуть.

Мои слова, видимо, дошли, потому что как-то резко они поднялись, и задвигались в обратном направлении.

Им здорово повезло, потому что появилось новое облако, и скрыло всех «охотников за бизонами» в себе. Двигались они, наверное, резво, но идти вниз и идти вверх — это две большие разницы. Поэтому появились они не скоро. Этого я ожидал. Но они пришли все-таки не одни. Они привели корову!

— Где вы ее взяли? — спросил я у Косача.

Он вполне удовлетворился моим ошарашенным видом. Хотел соврать, но не соврал.

— Наткнулись случайно в тумане. Хижев уцепил ее за рога, а мы веревки накинули. Вот и все.

— Спасибо за правду, Леня, — я потряс ему руку.

— Только не кому не говори, что я тебе правду сказал, — заговорщицки прошептал Косач, — для замполита это позор. Не простят. С должности снимут, звания лишат.

— Ладно — ладно, — успокоил я его. — Никому не скажу. Ну а что с коровой? Когда на шашлык приходить?

— Не будет шашлыка, — мрачно ответил Косач.

Что ж, этого можно было ожидать. Корова, типа, маленькая, самим не хватит… «За что боролись»? Пойдите, и сами себе застрелите. И так далее…

Но, как ни странно, дело было вовсе и не в этом. Оказывается, Лебедев, как человек исключительно «хозяйственный», решил, что мертвая корова приносит намного меньше пользы, чем живая. И мертвая, в виде мяса, она разойдется по широкому кругу участников пиршества, иначе нельзя. Иначе мясо просто пропадет. Короче, удовольствие на один раз и на один день. А вот если ее доить, оставив в живых, то…

Перспективы блестящие. Ну начнем с того, что кормов под ногами завались. Вот ее и оставили под обрывом, привязав к колышку. Пусть пасется. Значит, с кормежкой проблем нет. Во-вторых, молоко будут употреблять исключительно члены Политбюро: Косач и Лебедев. Ну, еще Маркелову придется дать: попробуй, не дай! Чревато, однако!.. В-третьих, поступление молока регулярно. В общем, живи и радуйся.

Когда Косач ушел, я подозвал Папена.

— Слушай, Папен, ты коров доить умеешь?

Женя демонстрировал свою застывшую оптимистичную улыбку. Мне иногда казалось, что если он умрет, то эта улыбка так и останется на нем даже в гробу, или в чем его там придется хоронить. Но это так — лирика.

Папен утвердительно кивнул.

— А где Лебедев оставил скотину под обрывом, знаешь?

— Да, я видел.

— Ну так вот, друг Папен. Завтра утром надо опередить штатного доильщика, ну которого начблок пошлет, и выдоить коровку самим. Понял?

Мертвый оскал Папена стал похожим на человеческую эмоцию. Он жизнерадостно закивал своей лохматой немытой головой.

— Найди какую-нибудь тару только.

— Хочешь прикол услышать, — спросил меня Вася.

— Да, хочу. А что за прикол-то? — услышать такое от Раца было невероятно трудно.

— Вожди Атлантиды со второго блока обменяли три ОЗК на

трех баранов.

— И что, уже начинать смеяться?

— Да, блин, слушай… Они баранов разделали, а есть не стали.

Признаться, я ничего не понимал. Вася корчился от смеха, а я стоял столбом. Умри, но не мог понять, в чем прикол. Где смеяться? Лебедев корову вот тоже поймал, и есть не стал. Правда и разделывать тоже… Но глядя на командира, меня тоже начал разбирать истерический смех.

— Они решили мясо засушить, — продолжил-таки Вася.

— Ну и…, - вот тут я уже напрягся.

— И оно у них пропало! Все три туши!

Вот теперь мы ржали вместе. Сгибались пополам, вытирали слезы, икали, но смеялись, не переставая.

— Бандера мяса наелся! — хрипел я.

— Хакимов — великий сушильщик мяса! — корчился в судорогах Вася.

Но постепенно мы успокоились.

— А Сэм в курсе? — спросил я.

— Еще нет.

— Пошли расскажем?

— Ха-ха-ха! — нас снова пробило.

Черт! Хорошо понимать друг друга с полуслова.

Вечером того же дня у капитана Лебедева начались неприятности.

Вдруг откуда не возьмись, по рации на нашего доблестного начальника вышел сам Дагестанов, и с порога потребовал вернуть корову хозяину.

Капитан «включил дурака»:

— Какую корову?

— Товарищ капитан, не е. те мне мозги. Прекрасно знаете — какую. Верните животное хозяину, и замнем вопрос.

Лебедев посмотрел на Косача:

— Хорошо корову спрятали?

— Да, нормально. Никто не найдет — сто пудов даю.

Начблока еще раз внимательно окинул замполита взглядом, и бодро ответил майору:

— Мои никто за коровами не ходили.

Дагестанов начал терять терпение:

— Вашу мародерскую экспедицию видели с третьего блока.

Косач состроил страшную морду — «У-у, предатели!».

— Это не наши. Наверное, противник. Я прикажу усилить бдительность.

— Ну, Лебедев, ты у меня допрыгаешься. Я сейчас сам

приеду, и если скотину найду, у тебя будут неприятности.

Связь прервалась. Капитан склонил голову и задумался.

— Ну что, комиссар, — наконец спросил он у Косача, — будем отдавать скотинку, или забьем?

— Никуда он не поедет — это так же верно как и то, что анархия мать порядка. Пусть остается.

На том и порешили.

Ночь выдалась приятная. Теплая, светлая и спокойная. Я смотрел на звезды и вспоминал дом, родителей и брата.

Запахнувшись в бушлаты, молчаливые и нахохлившиеся, сидели часовые. Костенко, Зерниев, Пимон и Папен. Костенко и Зерниев о чем-то тихо бубнели между собой, а Пимон и Папен, скорее всего, просто спали. Днем им прилечь, прямо скажем, было почти и некогда.

Когда начало светать, я подошел к Евгению, и потряс его за плечо.

— Папен, давай на утреннюю дойку.

Он зевнул, потянулся, взял пластмассовое ведерко, (черт его знает, где достал!), и полез вниз. То, что его засекут внизу, и могут обстрелять, я не боялся. Справа от нас, там, где должны были стоять бойцы взвода Логвиненко, вообще никого не было. Наверняка дрыхли.

Светало уже конкретно. Вершины гор четко освещались солнцем. Папен не возвращался. «Трудится, бедняга», — подумал я про себя.

И тут же веснушчатая голова показалась в поле зрения. Вылез Папен какой-то смурной и с пустым ведром.

— Ты чего? — спросил я у него.

— Товарищ лейтенант! Нету.

— Молока нету?

— Коровы нету! — растерянно ответил Женя, — Веревка есть, колышек есть, а ее нет.

Меня пробило на смех. Хотелось бы мне посмотреть на капитана, когда он об этом узнает.

Ага! Вот и официальный дойщик с ведром пробежал вдалеке и исчез за обрывом… Но выскочил он гораздо быстрее Папена, и затрусил в штаб. Я с интересом следил за развитием событий.

Косач и Лебедев были у меня через десять минут.

— Ты ничего не слышал? — подозрительно смотрел на меня капитан.

— Нет, ничего.

— А не вы ли ее перепрятали? — хитро прищурился замполит.

— Куда?

Этим простым вопросом я заставил их помрачнеть. А действительно, если бы и захотел, то куда бы мог ее спрятать?

Папен хотел что-то сказать, но я незаметно пнул его, и он закрыл свой болтливый рот. А начальники полезли на место происшествия сами. Когда они ушли, я повернулся к Евгению:

— Что ты хотел ляпнуть, чудо?

Папен заторопился:

— Она сама отвязалась. Там по веревке видно. Завязали очень плохо. Дилетанты!

— А как бы ты объяснил, откуда тебе это известно?

Мой вопрос поверг «сержанта» в ступор. Наверное, он и не подумал об этом.

— Вы правы, товарищ лейтенант, — дошло до него.

То-то же!

Часть 6

Не берусь судить, откуда и как, но подрыв на мине МТЛБ и «поход за бизонами» стали известны в Ростове.

Ну, о подрыве, скажем, понятно, не сообщить никак не могли, а вот о коровах? Ну кто мог такую мелочь раздуть до констатации полного разложения части? Полный бред! Разве что у Дагестанова были какие-нибудь влиятельные конкуренты? И подставляли его?

Так или иначе, но к нам на перевал должна была прибыть комиссия из штаба СКВО. С проверкой.

А перед этим генеральную репетицию решил провести лично сам майор. Для этого он второй раз за все «харамийское сидение» прибыл на наш второй блок.

Личный состав был построен, и Дагестанов прохаживался перед строем, заглядывая каждому в глаза, и осматривая с ног до головы.

М-да… Первый раз сведенные вместе, наши бойцы производили жуткое впечатление.

Дагестанов особенно долго разглядывал Папена, у которого из всего тела белыми были только зубы. А руки… Руки старого негра… Черт возьми! Как-то незаметно Женя Попов превратился в негра преклонных годов, а я только сейчас это заметил.

— Отмойте его, — приказал майор. — Если надо, трите наждачкой. Его кроме нее, наверное, уже ничем не отчистишь.

Пимон так и стоял в зимней шапке. Одно ухо у нее, которое он вроде бы приладил утром на место, снова отвисло на сторону.

— Это что за дед Мазай? — спросил Дагестанов.

Мы с Васей покраснели. Все ржали. Ладно — ладно, дойдет и до вас очередь.

— На хера ты ее вообще одел? — толкнул Вася Пимона.

— Так приказали в головных уборах, а у меня другого все равно нет. Одел этот.

Вася уже «строил» Крикунова и Костенко, которые за время «сидения» обленились как кастрированные коты.

— Доставайте мыло, горячую воду, наждачку и отмойте своих подчиненных! И сами приведите себя в порядок.

Вася замер, а потом подозрительно спросил у «негритянина» Папена:

— А ты хоть раз здесь в баню ездил?

— Нет, — ответил Папен, — все дела какие-то находились.

— Вот, б…ь, деловой! Чтобы сегодня к вечеру стал белым человеком. Нам иностранный легион не нужен. У нас и своих черных хватает!

После осмотра наших огневых точек, ходов сообщения (если эти канавы, об которые было проще споткнуться, чем по ним пробраться, можно было назвать ходами сообщения), и палаток с землянками, настроение Дагестанова не улучшилось. Уехал от нас он какой-то неопределенный. Даже про корову, за которую, по слухам, он должен был порвать сегодня Лебедева на немецкий крест, ничего не сказал. Сел в «таблетку», и укатил обратно на ПХД.

Начблок ходил весь день гоголем, и насвистывал популярные мелодии. Тягач непрерывно сновал на родник и обратно, привозя по нескольку «капель», а солдаты разбирали воду на помывку, побривку и пострижку.

Я же оценивал себя довольно прилично, и потому весь день провалялся в землянке. «Фауста» я уже прочитал. Делать мне было нечего.

Комиссия прибыла на трех вертолетах.

Мы все утро выглядывали в небе, не приближаются ли винтокрылые машины, но их что-то уж очень долго не было, так что даже как-то все перегорели. В результате приподнятость расстроилась, личный состав разбрелся, а слегка почищенный Папен непостижимо быстро стал приобретать прежний «негритянский» лоск.

И уж когда все окончательно решили, что сегодня никого не будет, кто-то из глазастых детей гор, которые присутствовали в расчете зенитки, закричал:

— Летят!

И точно. Неторопливо, с достоинством, вертолеты полетели на ПХД, а капитан Лебедев цинично сплюнул им вслед. Я лично обрадовался, потому что предстоящая проверка была хоть каким-то развлечением в сплошной тягомотине будней. Солдаты тихо радовались по другой причине: сейчас начальничков построят и порвут, а мы покайфуем. Но они немного ошибались. Большинству из «начальников» это было по барабану. Очень многие перевелись бы куда-нибудь подальше от нашего места постоянной дислокации с удовольствием. Вплоть до Дальнего Востока. Самое смешное, что прошлой осенью у нас в части появился новый начхим из ДальВО, и как раз по той же самой причине.

Его перевод напомнил мне старый анекдот про обмен постельного белья. Между двумя ротами.

К нашему с Васей вящему удивлению, спустя всего час суперкомиссия прибыла к нам. Неужели Дагестанов решил, что мы лучшие? Не ради же того, чтобы загасить капитана Лебедева отправил он «товарищей полковников» сюда?

Вася подумал, и сказал, что, судя по слухам, которые доносились до него со всех сторон, наш второй блок действительно самый организованный. Дело в Скружде, который заложил основы нашего существования. На двух других блоках такого яркого и безжалостного организатора не было, поэтому там вообще отстой и сливай воду.

Я немедленно расправил плечи и состроил на лице выражение мудрой задумчивости.

И вовремя — не теряя времени, инспекторы направлялись на наши огневые позиции.

Полковник был тих, моложав и подтянут. Но мне показалось, что жизнь ему портила огромная лысина, которая обнаружилась, как только он снял фуражку, чтобы вытереть пот со лба.

Два других полковника подошли позже. Они молча разглядывали панораму, открывшуюся их глазам, и по той тихой задумчивости, в которую они впали, увиденное произвело на них большое впечатление.

Из светлой грусти проверяющих вывел не вовремя очнувшийся капитан Лебедев:

— А вот с той высоты почти каждую ночь наши позиции осматривают боевики в приборы ночного видения.

Он показал рукой влево, на широкий утес, который возвышался над нашими позициями на несколько метров. Освещение было прекрасное, и он открывался во всем великолепии.

Не знаю, какого эффекта от своего сообщения ожидал мистер Лебедев, но получил он за него по полной программе.

— А почему вы не заняли господствующую высоту? Ваш лагерь с нее наверняка как на ладони. Даже странно, почему вас оттуда ни разу не обстреляли? — сказал лысый полковник нехорошим голосом.

Физиономия Лебедева приобрела очень глупое и обиженное выражение. Действительно, это было что-то! Помалкивал бы, товарищ командир, целей был бы.

— Вам надо немедленно занять эту высоту.

Дагестанов быстро застрочил умные мысли в своем блокноте. Лебедев вытянулся во фрунт.

То ли на зло, то ли на счастье, но на глаза проверяющим попался «негритянин» Папен. Конечно, если бы они видели его до того, как сержанты слегка его отмыли, то они оценили бы их труд. Но, вообще-то, сравнение производилось с нормальными людьми, а на их фоне бедняга по-прежнему выглядел довольно удручающе.

— Дитя Олимпиады? — тихо спросил у Дагестанова один из

полковников.

— Да, — наш майор нервно сглотнул, — почти.

Полковники покачали головами, и отправились в сторону зенитчиков. Мы с Васей слегка перевели дух.

И как оказалось, совершенно напрасно: яд, который комиссия впрыснула в нашу спокойную устоявшуюся жизнь, должен был вскоре дать метастазы.

Первым неприятным сюрпризом, о котором мы узнали после отлета комиссии, стал приказ о занятии Макажоя. Того самого населенного пункта, в котором, как говорил Сэм, располагалась местная чеховская банда.

Витя донес до меня довольно резкое и запальчивое высказывание Швецова, которое он позволил себе на совещании у Дагестанова:

— Атака Макажоя на «Уралах» — это последняя изъёбка наших вооруженных сил!

Майор только мрачно посмотрел на командира минометки, но ничего не сказал. Хотя, как все поняли, был с ним совершенно согласен.

Мы сидели в палатке у Сэма и пили водку. Настоящую водку, которую привезли с Большой земли прапорщики, ездившие за продуктами. Поленый купил несколько бутылок в долг. Он долго прикалывался, что, интересно, будут делать прапорщики, если вдруг при штурме этого драного Макажоя он отдаст Богу душу?

— Это было большой ошибкой с их стороны! — сказал Сэм.

В палатке было тепло, сухо, и ощущалась та приподнятая и слегка нервная атмосфера, которая обычно предшествует наступлению серьезного события. Возникла какая-то невидимая близость между присутствующими, как результат ощущения того, что, возможно, это те последние люди, которых ты видишь в этой жизни. Так бывает не всегда. Но бывает, и так случилось и в этот раз. А после первых двух артиллерийских колпачков атмосфера стала просто задушевной.

Сэм обнимался с прапорщиком Гусебовым, Рома Инин впал в блаженную расслабуху, Логвиненко чему-то улыбался про себя печальной улыбкой, мы с Витей просто балдели. Я точно знал, что мы с ним завтра никуда не идем, но это меня печалило. Я ощущал в себе готовность к подвигу, некую жертвенность… Да, не зря перед атакой раньше выдавали наркомовские, ох не зря. Наши деды были не глупее нас — кто бы сейчас не пытался доказать обратное.

Вот Сэм и Гусебов должны были завтра выступить. Поленый — со своими двумя пушками, а Гусебов… А черт его знает, с чем и с кем должен был выступить завтра Гусебов. После третьего

колпачка мне это было без разницы. Если бы вот вошел Лебедев и сказал бы: «Яковенко и Рац, завтра поведете своих минометчиков на Макажой вместо Гусебова!» я бы только обрадовался.

Как-то в алкогольном дурмане не слишком мне лезли в голову умные мысли. А собственно, сколько пехоты должно брать этот поселок? А сколько там чехов? И вообще, какой план у отцов — командиров?

Частичный ответ на все это дал окончательно осоловевший прапорщик, который стал кричать, что этот поход — верная смерть, что он еще так молод, чтобы умирать, и прочее — уже, правда, лишенное осмысленного выражения. Сэм стал утешать его, говоря, что жизнь все равно одна, что прожить ее надо так… И все такое… И уже минут через пять Гусебов ревел песню про танкистов, и клялся умереть за Сталина, которого в глаза не видел, и который уже сам лет сорок назад как умер…

Короче, к бою мы готовились «основательно». Вася под шумок спрятал одну бутылку на утро. Еще одну, как я точно знал, Поленый убрал подальше сам, чтобы выпить непосредственно перед началом баталии.

Допивать до конца я не стал. Вышел на воздух, подошел к обрыву и присел на краешек. Вечернее солнце мягко освещало окружающий мир. Ветер казался теплым. Огромное пространство, расстилавшееся подо мной, перехватывало дыхание. Под влиянием винных паров мне хотелось плакать от этой красоты и непонятной грусти. Как знать, может быть, спустя много лет, эти воспоминания будут греть мне душу, сниться по ночам, сжимать сердце, как ушедшая молодость?

Неподалеку наши бойцы, под чутким руководством сержантов чистили автоматы. Я с трудом сконцентрировал на них взгляд, и вспомнил, что это же я сам утром передал им пенал с принадлежностями для чистки.

Мелькнула мысль: «Надо не забыть забрать его, а то уйдет в неизвестном направлении — концов не найдешь».

Я почувствовал, что хочу спать. Глаза просто закрывались помимо моей воли. Идти обратно в палатку к Сэму совершенно не хотелось. Идти в свою палатку, не слишком приятно пропахшую каким-то непонятным земляным запахом? Особого энтузиазма это не вызывало, но валяться на открытом воздухе в пьяном виде было совершенно невозможно. Это было не в моих принципах. Я же не алкаш, и не бомж какой-нибудь!

Пришлось подниматься и ковылять в палатку к себе. По дороге все же напомнил Крикунову, что за пенал он отвечает лично своей головой.

На этот раз Вася разбудил меня как положено — в три часа

ночи. Я встал, потянулся: голова была ясной, ничего не болело — даже удивительно — и пошел на позиции. Выходя из палатки, услышал, как Рац рухнул на мое нагретое место. Как он, бедняга, выстоял-то столько в нетрезвом состоянии. А вообще… Может, он и не стоял?

На боевом посту находилась «святая троица» — Папен, Пимон и Рамир.

— Как самочувствие? — заботливо спросил Рамир.

Я прищурился: нешто издевается? Хотя не похоже. Уже язык повернулся, чтобы отрезать: «Сам не сдохни!», но я передумал. Зачем оскорблять Рамира таким ответом? Ведь он же не только солдат, но и человек, в конце концов! Я молча улыбнулся и просто кивнул головой.

Через полчаса тихого ступора что-то мне стало казаться подозрительным. Что-то было не то. Чего-то не хватало. О! Понял! Не было движений сбора. Ведь если сегодня выступать, должны уже начаться шарахания. Но тишина. Никто нигде. В чем же дело?

Я спросил бойцов, не слышно ли чего о походе? Они пожали плечами, не знаем, мол. Я решил просто ждать. Расслабиться и получать удовольствие. И правильно. Потому что ко мне из предрассветных сумерек нетвердой походкой направлялся пан Косач.

Он топал в разгрузке, с подсумком и лентами для гранат к подствольнику. Все ясно. Политрук собирался обстреливать местность. Что за удовольствие создавать грохот и мешать спать приличным людям? Ну, я понимаю, если бы он стрелял по мишеням, тренировался, набивал руку и оттачивал зоркость. Но ведь палит Косач в белый свет как в копеечку. Да в порядке ли у него с головой?

— Что, опять безобразия нарушать собрался? — не очень дружелюбно встретил я его. — Лучше скажи, почему никто в великий поход не собирается?

— А не будет никакого похода, — пробурчал Леонид, заряжая подствольник. — Вчера Дагестанову передали приказ об отмене.

— Ну и слава Богу! Целее будем! — вчерашний энтузиазм вылетел из меня напрочь.

На трезвую голову вся эта затея с походом выглядела ужасным издевательством: голой жопой на колючую проволоку. Мне, честно говоря, было бы жалко Сэма, если бы ему пришлось идти выполнять этот дурацкий приказ. Что, спрашивается, трогать мирную банду? Ну, сидят в Макажое — починяют примус. Ну и что?!

Минут на пять мысли в моей голове застыли. Это замполит

открыл ураганный огонь. Я бессмысленно смотрел на его дергающийся автомат, и думал только одно — когда же это все закончится?

Наш блок продолжал мирно спать. Издевательства Косача над тишиной никого, по-видимому, не разбудили.

Собственно говоря, уже можно было и привыкнуть.

Внезапно пальба прекратилась. Косач повернул ко мне усталое лицо свое и неожиданно, как-то ни к месту, сказал:

— На втором блоке замена. Приехали Молчанов, Гаджиханов, Аманат и Дадаш.

Меня словно подбросило: приехал Молчанов! Игорь Молчанов! Мой самый большой друг после Васи.

Кажется, жизнь только начинается…

Однако началось все не с приезда Игоря, а с устранения недостатков, замеченных ростовской комиссией.

Часть нашего блока надо было перевести на утес. Лебедев подошел к этому процессу творчески. Он просто спросил у Маркелова, с кем бы тому хотелось оказаться на новом миниблоке вместе.

Маркелов думал не слишком долго.

— Поленый, — начал он перечислять, — Гусебов и…

— И все, — оборвал его капитан, — вас троих там хватит за глаза. Позови мне Поленого.

Быстро подошедшему Сэму были поставлены следующие задачи:

— Оставишь одно орудие Рацу, а у него заберешь один миномет с расчетом. Один «Урал» оставь здесь, а второй забирай с собой. За продуктами будете ездить сами… Гусебов пусть ездит.

Узнав, что Сэм заберет у нас один «поднос» и трех человек, я тут же предложил Вася отправить с Богом и отеческим напутствием наверх Крикунова, Костенко и Зерниева. Вася в сомнении покачал головой:

— Стоит ли обоих командиров орудий отправлять?

— Стоит! Стоит, — продолжал я его убеждать, тщетно пытаясь придать своему голосу некую мефистофельскую искорку. — Там же Маркелов будет. Он их нам воспитает. Они нас потом ценить будут. И все такое…

Вася все-таки неуверенно молчал. По его глазам я понял — колеблется.

— Блин, Вася! — зашипел я, — что им тут делать? Мы прекрасно без них обойдемся. Зато не надо будет трястись, что они какую-нибудь подлянку в любой момент нам соорудят.

По-видимому, Рац что-то вспомнил, потому что неуверенность из его глаз исчезла. Он решительно мотнул

головой:

— Согласен. Пусть катятся…

У меня, в принципе, была некоторая неуверенность в том, согласиться ли Крикунов ехать на один блок с Маркеловым? Вот упрется рогом, и все! Хоть убей его!

Но он как-то пропустил этот момент, и был очень рад той компании, в которую попал. Разобрали и погрузили им миномет Папен, Рамир и Пимон. Те же лица сняли палатку и добавили ее к миномету. Я с усмешкой смотрел на этот процесс, и думал: как же наши сержанты будут у Сэма разбираться, кто из них что должен делать? Ну, понятно, что Костенко будет главный. А вот кто из двух других бойцов подомнет один другого — вопрос? И довольно интересный.

Вася вернулся от Сэма — принимал орудие с расчетом. Он сказал, что бойцы нормальные, самостоятельные, и смотреть за ними особо нечего. Единственное, что их кормежка и прочая бытовка теперь будут на нашей совести.

— Строго говоря, — ответил я на это Рацу, — они и при Сэме отличались большой самостоятельностью. Он только говорил, что ему нужно, а как это сделать, они думали сами. Так что особо за них беспокоиться нечего. А вот насчет второй палатки надо бы подумать. Основа-то осталась — надо только верх заменить.

Вася наморщил лоб, потом засмеялся и быстро ушел в сторону штаба.

Через пять минут он вернулся с палаткой! Глаза у меня округлились, и я только просипел:

— Откуда?

— Вчера привезли от Ахмеда, — ответил Вася, — я заказывал через Магу.

Милый, добрый прапорщик! Даже здесь, высоко в горах я ощущал на себе всю силу его человеколюбия. Глаза мои увлажнились. Вася был тоже тронут, он похлопал меня по плечу и смущенно проговорил:

— Ну будет, будет…

Он еще потоптался немного, а затем, будто очнувшись, крикнул:

— Папен!

Негритянин, чертыхаясь, вылез из палатки. На его щеках отпечатались комья земли, на которых он спал.

— Вот что, сибиряк! — сказал Вася, — поднимай…

— Я дальневосточник! — пискнул Папен.

Мы с Васей в недоумении посмотрели сначала друг на друга, а затем на него.

— Ты еще будешь командира перебивать?! — заорал Рац,

схватив Папена за ухо и выкручивая его.

— Нет! — завопил негритянин.

— Так вот! Сибиряк! — сурово сказал Вася, — поднимай своих друзей и давай ставить палатку… Вот она.

К Папену присоединилась группа помощников — Рамир, Пимон и Кузин. Солоха стоял в сторонке и внимательно наблюдал за их работой. Солоха был нужен. В конце — концов он был водителем. А водить нашу «шишигу» было кому-то нужно. Да и Бог с ним. Солоха не был таким вечно взъерошенным и на взводе, как Зерниев. Он чувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы не волноваться о собственном положении в «табели о рангах». Поэтому общаться с ним было достаточно просто. Чем он мне и нравился.

— Эх, Вася, — сказал я, — хорошо бы к Игорю смотаться!

Вася посмотрел на часы, что-то прикинул, приподняв густую бровь над правым глазом, и с видимым сожалением покачал головой.

— Нет, сегодня палатка, то да се, — ответил он, — уже поздно. Завтра с утра раненько вдвоем и сходим.

Часов в десять утра мы с Васей подошли к штабу.

Изнутри доносился богатырский храп, сопровождаемый зловещими подвываниями.

— Подвывает, наверное, Косач, — предположил я, — это на него похоже. А вот кто так богатырски храпит?

Действительно, не худенький же капитан Лебедев издавал такие трепещущие басы? Хотя кто его знает — этого капитана. Как всем с детства прекрасно известно, в тихом омуте водятся всевозможные черти. Мы в нерешительности замялись: стоит ли сейчас стучать и будить сонное начальство, которое в ответ наверняка откажет нам в просьбе. С другой стороны, уйти тихо по-английски тоже нельзя — это было бы уж как-то совсем не уставу. А этот документ, мы, худо-бедно, стремились чтить, и пытались привить это чувство солдатам, как ни смешно это звучит.

Все же я постучал. В ответ на мой стук храп прекратился, и послышался голос Косача:

— Кого черти принесли?!

— Черти принесли меня, — заорал я. — Вставай, белорус!

По-видимому, замполит опешил. Потом мы услышали скрипы, стуки, приглушенные чертыханья, и, наконец, заспанная морда Косача появилась в дверях.

— Чего вам? — спросил он недружелюбно.

Вася улыбнулся своей приятной, обезоруживающей улыбкой:

— Хотим сходить к Молчанову в гости ненадолго.

— Вдвоем? — замполит слегка расслабился; упоминание Молчанова подействовало на него благотворно.

— Да, вдвоем, и что?

— А кто на позиции останется?

— Леня, какого черта?.. — начал было я, но Вася мягко остановил меня, и, снова ласково улыбнувшись, сказал замполиту:

— Какого черта, Леня?..

— Ладно, проваливайте, только не мешайте спать. Лебедев до обеда проспит все равно, так что у вас куча времени.

Мы отправились пешком. Пока идти было легко и приятно. Еще бы спускаться с горы и подниматься на нее все-таки несколько разные вещи. Об возвращении я пока даже и не думал. Я все больше предвкушал предстоящую встречу. Давненько я не видел Игоря. Теперь жить станет повеселее. Из Молчанова всегда ключом бьет энергия, идеи, предложения, шутки, приколы и прочее, и прочее. С ним рядом служба не казалась такой тоскливой, столовская еда — такой омерзительной, а караул — таким бесконечным.

Когда мы, наконец, спустились, и прошли в зону ответственности второго блока, Вася решил, что ему в первую очередь надо зайти к Швецову. А вот я, лично, лишний раз заходить к нему не имел никакого желания. Поэтому Вася бодро помчался в расположение местной минометки, а я достаточно неторопливо, уже как бы даже и растягивая шаги, направился в сторону подъема. Правда, до расположения пехоты надо было пройти еще позиции артиллеристов, где руководил всем капитан Куценко.

Его подчиненные уже были все как один на ногах, и похоже, что-то усиленно организовывали. Это что-то чрезвычайно вкусно пахло. Я невольно замедлил шаг почти до полной остановки, и внезапно услышал знакомый смех. Так смеяться мог только один человек — Игорь.

Я подошел к небольшому обрывчику и посмотрел вниз. Да, это был он собственной персоной. Игорь лежал на траве рядом с капитаном Куценко, жевал стебелек и что-то быстро говорил. Меня они не замечали. Я присел на корточки и стал буравить их взглядом.

Наверное, они это почувствовали. Потому что Молчанов быстро обернулся, и взглянул в мою сторону.

— Пашка! — заорал он, вскочив на ноги.

— Игорь! — заорал я, скатываясь вниз.

Мы обнялись.

— Ну и нюх у тебя, сирота, — завопил Игорь, — как ты так

ухитряешься?! Прямо на шашлыки попал!

Шашлыки! О! Это звучало здорово. Мое подведенное брюхо проявило живую заинтересованность. Очень, очень живую заинтересованность.

— Где же вы взяли барана? — спросил я. — Выменяли на ОЗК, как предшественники?

Молчанов уставился на меня диким взором:

— С какого перепуга я должен менять вверенное мне Родиной имущество на паршивого барана? Купил, конечно, за деньги.

Куценко покатился со смеху, упал на спину и изобразил в воздухе велосипед.

— Ты еще не слышал историю о сушильщиках мяса? — не отводя взгляда от Куценко, спросил я у Игоря.

— Нет. Что за история?

Я рассказал ему все, что знал. В принципе, знал я действительно очень немного. Поэтому мое краткое сообщение разбавлял подробнейшими комментариями капитан Куценко. Пока мы таким образом веселились, незаметно подошел Вася. Серьезный Рац позволил себе только легкую улыбку, что, впрочем, никого не ввело в заблуждение — видеть Молчанова он был более чем рад.

— А где остальные? — спросил Вася. — В частности, Аманат? Он должен мне бутылку коньяка.

— Остальные наверху: папоротник дрыхнет после дежурства, Аманат с Дадашем личный состав приводят в чувство.

— А что такое?

— Разложились военнослужащие до безобразия. Турок вообще обленился… Кстати, а где Турок? Туро-о-о-о-к!! — заорал Игорь. — Тур-о-о-о-о-к!!!

А в ответ была тишина.

— Поймаю — убъю гада. — Молчанов выразительно посмотрел на артиллериста. — Когда твой шашлык-машлык готов будет?

Куценко поколебался, но потом поднялся с травы и пошел к костру, поигрывая как тросточкой какой-то внушительных размеров дубиной. «О-го-го!» — подумал я.

— Ну, рассказывай, — хлопнув Игоря по плечу, улыбнулся Вася, — как там Темир-Хан-Шура, стоит еще? Как наш кастрированный батальон?

Молчанов хмыкнул. Я обратил внимание на его обувь. В отличие от нас, всегда предпочитавших берцы сапогам или ботинкам, Игорь почему-то обожал ходить в сапогах. Ну, я бы еще понял, если бы это были хромовые офицерские. Но он носил обычную кирзу, хотя и с неуставным ремешком, как у

навороченного дембеля.

— Тоска там зеленая, — наконец начал рассказывать Игорь. — Просто скука. Жену оставил в Батайске, у родителей. Прикинь, кстати, она паспорт получила украинский, ее на блокпосту при выезде из Дагестана задержали и вцепились. Говорят — украинский снайпер. Хотели расстрелять на месте. Хорошо вместе с ней Люба Баринова ехала. У нее и военник был с собой, она насилу доказала, что вместе служили. Во блин, если бы не она — был бы сейчас холостой.

Я подумал, что на месте того мента, который прицепился к Галке, сам Игорь вел себя точно также; и я бы, наверное, не лучшим образом вел себя. А собственно говоря, паспорт украинский, человека этого первый раз в жизни видишь — откуда тебе знать, кто он такой? Говорят, что лучше отпустить десять виновных, чем осудить одного невиновного. Но, как показывает практика, обычно все происходит как раз с точностью до наоборот.

Игорь, похоже, оправился от ужасной картины, возникшей у него в голове под действием воображения, и вернулся к описаниям гарнизонной жизни.

— В дежурке теперь второй дивизион заседает бессменно. Нам оставили КПП и КТП. Там тоже через день папоротники ходят. Мурад и Мага Рыжий… Поняли, да? Раз поставили меня дежурным по части. Кикелы какие-то через плац лазают. Я им говорю: «Здесь нельзя ходить!». Лыбятся, рожи корчат. Ни черта не понимают. Говорю: «Здесь нельзя ходить!!». Опять не понимают. Борзеют «Ты кто такой?!» — спрашивают. Пришлось достать пистолет. Стрельнул под ноги — сразу поняли. Сказал, что еще раз увижу — арестую на хрен и сдам ментам… Они своих ментов знаешь как боятся! Короче, чуть-чуть очистил от кикелов территорию. А так пусто. Солдат почти нет, вас нет, жены нет. Выпить не с кем.

— А Петрович где? — спросил я в недоумении.

— Петрович уехал в отпуск в свой Гомель. Это месяца на два, не меньше. Бариновы же тоже ухали. Насилу дождался отправки сюда. Блин, опух от скуки.

Сверху послышались крики и невнятные восклицания. Я поднял голову: к нам спускались папоротник, Дадаш и Аманат. Гаджиханов нежно прижимал к груди бутылку водки. Наверное, матери так не держат своих младенцев, как папоротник нес драгоценный сосуд.

— Ну и где шашлык-машлык?! — закричал Аманат. Он размахивал руками, корчил страшные рожи, как будто старался кого-то напугать.

— Ну, пошла вода в хату, — пробурчал Игорь, и громко сказал. — Это вам не лезгинка, это ума требует.

— Лезгинка тоже ума требует, — обиделся Дадаш.

Замполит Дадаш был невысоким, строго говоря, попросту худым, лет ему можно было дать за сорок — не меньше. Но голосом он обладал громким, высококолеблющимся, переходящим в ультразвук. Одним своим криком он должен был, по идее, наводить на личный состав дикий ужас.

Если бы он сейчас начал спорить, я бы, наверное, не выдержал, и убежал бы куда глаза глядят, как несчастные матросы с кораблей, попавших в Бермудский треугольник. М-да…

Но, на мое счастье, Куценко сделал приглашающий жест, и мы дружно сорвались с места и, спотыкаясь и падая, помчались к костру.

Мяса было много. Игорь достал одноразовые стаканчики, Гаджиханов открыл бутылку и твердой рукой с точностью до капли разлил первую порцию. Мы чокнулись, и огненная жидкость заскользила вниз по моему желудку. Стало очень хорошо.

Не дав нам даже толком закусить, папоротник снова потребовал стаканы.

— Куда ты гонишь?! — возмутился Молчанов. — Водки мало, а брагу еще не поставили. Не спеши, друг.

— А где же вторая? — с недоумением спросил Аманат.

Игорь посмотрел на него тяжелым взглядом:

— Ну специально же спрятал от папоротника! Блин, какого хрена ты не промолчал?

Прапорщик обиделся:

— Ага! Хотели от меня скрыть и сами потихоньку выпить!

— Да никто не хотел, — поморщился Игорь. — Но ты же сейчас выпьешь все, что горит, а что мы завтра будем делать?

— Э-э-э-э-э!! Давай вторую сюда! До завтра еще дожить надо!

Мы с Васей невольно переглянулись. На его губах была усмешка. Наверняка на моих он увидел то же самое.

Первая бутылка ушла на ура. За второй отправились Аманат и Дадаш.

— Ну, теперь вы рассказывайте, — попросил нас благодушный Молчанов. Что у вас тут случилось за этот месяц? Наслышаны, наслышаны…

Так как Вася никогда особой словоохотливостью не отличался, то отдуваться за двоих пришлось именно мне. Но это дело было мне по душе. Я упражнялся в остроумии, Изображал все в лицах. Сыпал параболами и гиперболами. Я вошел в такой раж, что смеяться начал даже Вася. На истории с похищением

коровы у Игоря случился приступ истерического смеха. Вернувшиеся со второй бутылкой Аманат и Дадаш только в недоумении смотрели на него.

Куценко был весьма расслаблен. Между делом я отметил про себя, что много пить капитан не может. Он быстро напивался и начинал вести себя неадекватно. Вот и сейчас ему почему-то приспичило устроить показательные стрельбы. От этой глупой затеи его пока удерживал за плечи Игорь, но что будет, когда после второй бутылки он отпустит артиллериста, я представлял себе весьма смутно.

Впрочем, после второй бутылки, как я уже чувствовал по себе, мне это будет по барабану. Где-то в глубине души тревожила душу мысль: а сколько же времени мы здесь? Мы-то ведь ушли под честное слово. Но я рассчитывал на Васино благоразумие. Как выяснилось позже, он, в свою очередь, рассчитывал на мое.

Когда я открыл глаза, солнце клонилось к закату. Голова болела, во рту ощущался слегка подзабытый, но до боли знакомый гадостный привкус. Очень хотелось пить.

С трудом повернув голову, я обнаружил спящего рядом Васю. Больше никого на зеленой травке не было. Около палаток артиллеристов маячили человеческие фигуры, но никого знакомого там не просматривалось.

Я потряс Васю за плечо. Не сразу, с видимым усилием, но глаза он открыл. Еще пару минут они медленно принимали осмысленное выражение. Потом резким рывком он принял позу сидя, но тут же схватился за голову, и повалился обратно.

— Паленая была водяра, — авторитетно заявил я. — С непаленой водяры у нас бы пленка не кончилась.

Вася молчал. Он потрясенно смотрел на закат.

— Косач! Лебедев! — наконец сказал он, и свет померк в моих глазах.

Я тоже упал на спину. Бог мой! Мало того, что мы просрочили все нормативы ООН, так ведь еще тащиться пешком вверх, потом объясняться с этим занудой! И так далее…

Да уж… Ломка после кайфа была конкретная. Я с трудом поднялся на ноги, пошатался, и побрел к артиллеристам. Как оказалось, капитан Куценко все-таки пришел на позицию, чтобы открыть ураганный огонь. Но, подумав немного, решил слегка передохнуть. Чем он уже и занимался активно уже несколько часов.

Более крепкая компания в лице Игоря и иже с ним оставила более слабую, то есть нас с Куценко, принимать воздушные ванны, а сами отбыли в неизвестном направлении. С этими малоутешительными новостями я и вернулся к Васе.

Он все-таки сумел сесть, хотя и придерживал отваливающуюся голову руками.

Кряхтя и вздымая друг друга, мы таки поднялись, и нетвердыми шагами направились «домой». Шаг за шагом слабость исчезала, но голова от этого меньше болеть не стала. Не добавляла радости предстоящая встреча с Лебедевым.

Подъем в гору отнял последние силы. На дрожащих ногах и с языком на бок мы с Васей доползли до нашего КПП. Впрочем, на нем никого не было. Не считать же за «кого» грязного пулеметчика, который дрых в обнимку с родным РПК, широко открыв рот.

Мы спокойно дошли до палатки. Я спустился внутрь, и нос к носу столкнулся с чумазым Папеном.

— Нас кто-нибудь спрашивал? — с замиранием сердца спросил я у него.

— Нет, — ответил негритянин спокойно.

Я обалдел.

— Никто не заходил: Лебедев там, замполит, ну, из других офицеров там, на худой конец?

— Да нет же, говорю — никого не было! Их вообще сегодня как-то не видно было.

Я выбрался наружу, и в сильном недоумении сказал Васе, который в полном безразличии привалился спиной к палатке снаружи:

— Ты будешь смеяться, но нас никто не искал!

— Я не буду смеяться. Кому мы на хрен сегодня нужны!

И действительно — чего ради? Самый обычный день. Один из многих. Папен и компания драяли весь день посуду, чего-то еще делали — даже не могу представить, чем они весь день занимаются. Самое главное — не сбежали, все живы и здоровы, никто проверять их не приходил. Происшествий не случилось.

Лебедев с Косачем, наверное, радио весь день по рации слушали — даже за едой не выбирались. Есть же там какие-то денщики. По-моему, у Логвиненко в роте выпросили. Способный парнишка. Даже более чем способный — просто оторва.

С другой стороны — мало ли что? Кому-то надо бы на батарее оставаться. Но ведь одному уже не так интересно. Вместе с Васей сходить в гости к Молчанову — это совсем другое дело.

В памяти всплыло, что вроде Игорь говорил что-то о завтрашнем ужине. Типа, кажется, у них там будет хинкал и все такое.

Я спросил об этом у Васи. Он вяло покачал головой — ответил, что не помнит. Мне показалось, что выпил он больше меня — потому и отравился. Бедняга!

Меня осенило.

— Пойдем к Сэму. Может у него что еще есть — для поправки здоровья?

Вася усмехнулся:

— Так ведь он у Игоря. Он же и привез свое пойло. Ты что, думаешь, нас так развезло бы с двух бутылок?.. И потом, он же наверху. Ты к нему пешком собрался идти?

Я опешил с открытым ртом. Надо завязывать с водкой, к чертям собачьим такие провалы в памяти — симптом очень нехороший.

Папен был слабохарактерным, но сообразительным. Свой маневр он начал не просто издалека, а как бы выразиться?.. Издалечища!

— Опять сухая пшенка, товарищ лейтенант! Лучшего ничего нет.

Я с отвращением посмотрел на месиво в котелке. С продуктами с каждым днем становилось все хуже и хуже. По сравнению с тем, как нас кормили в первые две недели, это выглядело просто убого. Сухая комковатая пшенка. Чай без сахара. Если это можно назвать чаем. Слабо выраженный вкус, отсутствующий запах, бледный цвет. Вкусные темные сухари, которыми я тренировал свои зубы раньше, исчезли из нашего рациона. А этот, так сказать, белый хлеб, почему-то вызывал у меня стойкое ощущение тошноты.

Короче, после вчерашних шашлыков предложенные блюда энтузиазма у меня не вызвали.

Высунувшийся по пояс из палатки Вася с брезгливым выражением лица посмотрел в мой котелок, пробормотал что-то непотребное себе под нос и снова исчез в палатке.

— Чего-нибудь вкусненького хочется, — Папен посмотрел на меня снизу вверх умоляющим взглядом.

— И что ты хочешь сказать? Я должен достать вам это вкусненькое? честно говоря, не хотел, но мой голос прозвучал даже уж как-то через чур саркастически.

— Нет, — потряс меня Папен своим ответом, — мы вас сами угостим.

Я невольно открыл рот. Но быстро опомнился. Наверняка хитрый Папен придумал что-нибудь интересное. Изобретательности и изворотливости, прогрессу которых серьезно поспособствовали казарменные побои, у старины «негритянина» можно было только поучиться. Я с большим интересом посмотрел в его большие карие глаза.

— Ну-ну, старый мошенник, выкладывай!

Папен как-то подбоченился, и несколько даже церемонно

попросил меня к буссоли. Это заинтриговало меня еще больше. Папен и буссоль! Конечно, он прошел хабаровскую учебку, получил звание сержанта, но насколько я помнил, все время обучения он провел на погрузке — разгрузке угля. Его скорее можно было назвать экспертом по сортам этого вида топлива, чем по артиллерийским приборам. Однако… Вот он — факт! Налицо!

Папен аккуратно навел буссоль на некий объект, и предоставил мне возможность взглянуть на него. Собственно говоря, можно было и догадаться это было ни что иное, как кошара.

— Ну и?.. — спросил я.

— Мы сходим с утреца — пока все спят.

— Кто это — мы?

— Я, Рамир, Пимон и Алиев. Там обязательно должна быть мука, а может и еще чего съедобного. Лепешки будем печь. Наедимся!..

Мысль показалась мне заманчивой. Сходить что ли вместе с ними? Или пусть сами сбегают, а я, если что, буду Лебедеву или Косачу зубы заговаривать. Или не стоит? Может быть, это отсюда кажется близко, а на самом деле далеко, полдня только в одну сторону идти надо.

Спрашивать разрешения у Лебедева — смешно. Если не разноется насчет мародерства, что, впрочем, маловероятно, то уж почти все продукты заберет себе — это стопроцентно. Я эпизод с коровой хорошо запомнил.

— Я поговорю с Рацем, и если он согласится, то завтра утром сходите.

— А если не согласится? Может мы сами? Типа, сюрприз сделаем?

— Никаких сюрпризов от командира батареи. Ты, Папен, смотри сам себя не обхитри… Да не думай, Рац согласится — это не проблема… Смотри сам не свисти никому. И остальным передай, чтобы держали язык за зубами.

— А то! — блеснул белыми зубами на черном лице «негритянин», и свалил.

Я попробовал пожевать пшенку. Но с пересохшим горлом твердые куски разжевывать было проблематично. Я накрыл котелок крышкой, поставил его у входа, и полез внутрь палатки — к мирно сопящему Васе.

Изложение предложения Папена для Васи заняло у меня пару минут. Примерно столько же времени Рац обдумывал ситуацию, ковыряясь спичкой в зубах. Меня почему-то разбирал смех от мысли, что он там выковыривает? Можно подумать, пшенка застряла. Или он со вчерашних шашлыков до сих пор что-то во

рту имеет?

Не прекращая перекатывать спичку из одного угла рта в другой, Вася однозначно высказал одобрение проекту. Но внес важное дополнение:

— Пусть уж тогда и одеяла с матрасами принесут — если найдут, конечно.

Я крикнул Папена, и он появился так быстро, что я даже подумал, что он сидел у палатки, только этого вызова и ожидая.

Папен вопросительно уставился на нас. Вася жестом посадил его на сваленные в кучу брони, и начал инструктировать. Сержант послушно, как дрессированный слон, качал головой, но запоминал ли он хоть что-нибудь из сказанного, сказать было трудно. Внезапно Вася умолк, и попросил Папена повторить последнее предложение. Папен покряхтел, но общий смысл передал верно. Тогда Рац задал ему еще пару вопросов, и тоже получил достаточно вразумительные ответы.

Мы переглянулись, и я поднял вверх большой палец.

— Тогда так, — сказал Вася, — завтра рано утром выдвигаетесь. И не позже 12 часов должны быть здесь… Часы есть?

Папен развел руками. Вася поморщился:

— Ладно, дам свои. Пока свободен.

Я напомнил Рацу о предстоящем вечернем рауте.

— Да помню я, помню! Опять пешком тащиться…

— Хинкал. Водка. Молчанов. — Это уже я практически цитировал братьев Стругацких и их чудесную повесть «Понедельник начинается в субботу».

Вася тоже читал эту книгу, но очень давно. Поэтому юмора не оценил, а повернулся на другой бок и снова засвистел носом. Я же полез наружу позагорать.

Блокпост жил обычной утренней жизнью. Орал прапорщик; с топотом носились пехотинцы; загорали зенитчики, делал дыхательную гимнастику Косач. Верхушку горы, где обитали небожители Поленый и Маркелов, привычно окутывал туман.

Я расстелил бушлат и улегся на живот, подставив спину для обработки ультрафиолетовым лучам.

— Пора, — потрепал меня за плечо Вася.

В палатке было сумрачно, в нее осторожно пытались пробраться языки тумана. Я спросил, сколько времени, и прищелкнул языком:

— Слушай, а как же мы вернемся? Ведь это с ночевкой надо?

— Я договорился с Лебедевым. У нас Логвиненко зайдет, посмотрит. Ему пару раз за ночь зайти не трудно. Он все равно ночью не спит.

— А почему это он ночью не спит?

— Во-первых — «сова». А во-вторых, за день так высыпается, что ночью уснуть уже не может… Да ладно тебе, заладил — почему, почему? Хочешь оставайся!

Ну уж дудки! Оставаться я не хотел. Мне желалось в теплую, дружескую атмосферу хорового пения и спиртных напитков, остроумия и веселья. Торчать одиноко всю ночь на знакомом до боли душевной пятачке я не желал. В то, что на нас нападут, как-то никто уже не верил. Причем трудно сказать — почему? Олимпийское спокойствие шло откуда-то сверху, а там, понятное дело, виднее, поэтому нижние чины, и мы в том числе, почувствовали некоторую расслабленность.

Ходить друг к другу в гости становилось хорошим тоном. В частности, третий блок и ПХД активно обменивались дружественными визитами; а мы — чем хуже? — налаживали постоянные контакты с блоком вторым. Лебедев никуда не ездил, потому что ему и здесь было хорошо. Как я чувствовал, они с Косачем спелись ни на шутку, и им вдвоем было хорошо друг с другом…

Ну что же — раз отпустили, надо идти. Я надел бронежилет, взял автомат, и отправился вслед за Рацем к нашему импровизированному КПП. Вася успел проинструктировать Солоху о том, что и как тому надо делать в случае чего, и мы пошли вместе с легким сердцем. При чем через некоторое время сообразили, что автоматически идем в ногу, хотя под ногами было довольно много самых разных камней. Я засмеялся.

Спуск занял у нас несколько больше времени, чем обычно. Дело в том, что по дороге мы обнаружили маленький огородик. Он находился несколько в стороне от привычных, наезженных и нахоженных путей, а потому уцелел от беспощадного набега наших «варваров». По всей видимости, огород был посажен владельцем сгоревшего домика. Того, который мы сожгли в первые дни по приезду. И хотя культурные растения в результате таких печальных событий остались без присмотра, благодаря обильным осадкам, теплому воздуху и жаркому солнцу, они более — менее выросли.

Мы с Васей внимательно осмотрели весь участок, радостно восклицая при каждом новом обнаруженном культурном виде: моркови, петрушке, свекле, луке. Я наткнулся даже на картофель. И горько усмехнулся — вездесущий и неистребимый колорадский жук деловито пожирал листья.

— И сюда забрался, сволочь! — вслух сказал я.

— Кто сволочь? — спросил Вася.

Я показал ему вредителя. Рац засмеялся.

— Надо будет потом Папена сюда прислать.

— Слушай, давай лука надергаем, и Игорю принесем! И петрушки. И морковки… Что мы, в самом деле, как бедные родственники ходим?

Мы нарвали столько, сколько могли унести в карманах, и отправились дальше очень довольные собой. Конечно, если бы мы и ничего не принесли, Молчанов бы тоже нас не выгнал. Но прикалывался бы долго. А теперь и мы могли кое-что ответить. Кроме того, где-то в глубине души теплилось радостное предвкушение — что принесут участники «похода за зипунами»?

Звучит несколько странно, но никакого беспокойства мы не испытывали. За эти недели в той стороне, куда отправились наши бойцы, мы не видели ни одного чеха. Как-то и в голову не приходило, что они могут скрытно перемещаться, так, что мы их не видим; сидеть днем в этих самых кошарах. Да мало ли!

Ну, если бы мне было лет тридцать, я бы, наверное, и задумался над этим. Но в свои двадцать три года подобные сомнения меня не посещали. Даже более того, если бы наши наткнулись на чехов, и что-то там сделали, я бы преподнес это как достижение. Разведпоход, или что-то в этом роде. Трудно сказать, чего в этом было больше — самонадеянности, глупости, циничного расчета?

Но ни я, ни Вася — мы были ни одни такие. При некотором размышлении, я точно могу сказать, что в такой же ситуация точно также, или хотя бы очень похоже, поступили бы и Сэм, и Логвиненко, и Рома Инин. Возможно, что Игорь бы так не поступил… Но у него были свои заморочки.

Когда мы, наконец, спустились к сгоревшему дому, и повернули в сторону второго блока, у меня появилась новая мысль.

«Собственно говоря, — подумал я, — наша дерьмократическая власть сама задала такие условия. С самого первого этапа войны. Когда в Грозный на верную смерть была брошена майкопская бригада. И в тот момент, когда десятки, нет, сотни солдат погибали почти каждый день на улицах этого проклятого города, остальные граждане справляли Новый Год: жрали водку, пили пиво, трескали мясо, и сыто рыгали. А потом, это особенно к господам журналюгам относится, выползали из-за стола, и начинали поливать нашу несчастную армию помоями. И их не смущала пролитая армией кровь. И никто ведь не заткнул им их поганые пасти… Никто… Значит, решили мы, этой крови мало. Нужно больше. Ну чем еще можно пронять отупевшего обывателя? Чем? Только кровью? Большой кровью?.. Мы удивляемся, почти переживаем, что нет боев, нет убитых и

раненых. Звучит мерзковато, зато правда. Ведь если нет большой крови — значит, не воевали? Стыдно? Как же так — война без потерь? На большой земле не поймут!».

От этих мыслей я стал противен сам себе. Еще больше не хотелось, чтобы кто-то догадался, о чем я думаю.

Вася тоже молчал, и сосредоточенно жевал травинку. Я искоса взглянул на него. Его взгляд был очень далеко отсюда.

Впрочем, пустое. До логова Швецова осталось всего ничего. Оно было практически в двух шагах.

Честно говоря, визит оказался скомканным. Игорь был вне себя. Он долго и изобретательно материл пиджака — зенитчика, окопавшегося от него на той стороне склона.

— Твою мать, — орал Игорь, — мародер хренов. Мы его к столу приглашаем, а он все отказывается. Ни мяса ему не надо, ни каши, ни хинкала — ничего. Я все никак в толк не возьму — в чем дело. А он оказывается, тут рэкетом занимается. Ходит в соседнюю кошару, и отбирает там сыр, сметану, молоко. И в две хари со своим сержантом ужирается… У них там сержант главный. Этот пиджачина ничего толком проблеять не может… Ну, ладно. Я сам наведу у них порядок. Я начальник блока — я с ними разберусь… Эти продукты будут на нашей кухне!

Я вспомнил этого зенитчика. Высокий, худой, носатый. Улыбка какая-то себе на уме. Ну, собственно говоря, бытие определяет сознание. Я всегда думал, что он по-тихому может какую-нибудь пакость сделать. Точно также я ни на минуту не усомнился в угрозах рассвирепевшего капитана.

Огорчало меня другое — он оставил без внимания то, что мы тоже пришли в гости не с пустыми руками. Игорь только бегло кивнул, и сказал отдать зелень папоротнику.

И лишь Мурад одобрительно похлопал Васю по плечу. Я же пошел осмотреть местную «новостройку» — суперсортир.

Да, приличная яма, сверху доски от снарядных ящиков — наверняка дал Куценко — по краям деревянные шесты — интересно, а это где взяли? — на них наброшена маскировочная сеть. Но не это впечатлило. Впечатлил вид с толчка: вся долина была перед глазами. В процессе облегчения стихи надо было сочинять. Восторженные — о красоте природы, и все такое… Правда, запах-то был обычный. Дерьмовый был запах. Поэтому долго на том месте я не задержался.

Когда же я поднимался от сортира наверх, то опять столкнулся с Игорем. На этот раз он воспитывал каким-то дрыном Турка. Черный от загара боец энергично копал землю, и периодически получал вышеуказанным дрыном по тощему заду.

— Что он копает? — полюбопытствовал я.

— Могилу себе копает, — ответил Игорь, — чтобы помнил, турок, что она будет у меня под рукой. И я в любой момент его в ней зарою.

Черт его знает, за что Игорь так не любил турков? Этот, правда, был редкостным поганцем. Если он и не украл чего-нибудь, то вне всяких сомнений находился в размышлениях об этом. Махинации, вранье и банальные кражи — узок был круг его интересов. Но, по-видимому, лично Турка это вполне устраивало.

Не устраивало это только Игоря Молчанова, как я думал.

И каково же было мое удивление, когда я узнал, что именно Турок стал у Игоря денщиком! А собственно говоря, чему удивляться? Наверное, он справедливо рассудил, что такого типа лучше держать при себе, и направлять его природные склонности на относительно благие цели. Вообще-то, такое дело совсем не редкость. Не можешь победить? И не надо — привлеки на свою сторону!

Почувствовав неблагоприятную атмосферу, мы с Васей ограничились участием в обеде с мясным супом, сметаной с чесноком, и местным сыром, (который, кстати, Игорь конфисковал у зенитчиков), и откланялись.

Честно говоря, хотелось посмотреть на результаты похода конкистадоров Папена, и, вообще, что-то душа заболела.

Как ни странно, а пожалуй даже несколько зловеще, но Вася тоже почему-то стал испытывать смутную тревогу. Поэтому мы без лишних слов попрощались, и быстрым шагом направились домой. Вася, надо заметить, пытался выйти на Логвиненко по рации, и узнать, на месте ли наши «головорезы»? Но ничего не вышло. Скорее всего, Логвиненко вместо связи слушал радио, а выходить с таким вопросом на Лебедева было бы чистым самоубийством.

Сначала мы шли быстро, но когда дорога пошла в гору, резко сбавили. Один раз, к стыду своему следует признать, даже присели отдохнуть на камнях.

Но всю усталость сняло как рукой, когда оказалось, что в нашей палатке никого нет. Никого не было и на позициях. Пропал даже Солоха.

— Ну, этого я сейчас найду, — пробормотал Вася и рванул в сторону роты Логвиненко.

Действительно, он быстро вернулся с нашим доблестным водителем, которого отсутствие «всякой шушеры» нимало не интересовало. Да — ушли, да не пришли. Туман-с…

Туман закрыл обзор напрочь. И это была не тучка, которая прошла бы минут через десять — пятнадцать. Этот конкретный туман был надолго. Вася беспомощно посмотрел на часы. Часов

не было — он же сам вручил их Папену. А часики были очень хорошие: командирские, с компасом. На моего друга было больно смотреть.

— Три раза туда обратно можно было сходить! — заскрипел он зубами.

— Может быть, в тумане заблудились? — предположил я осторожно.

— Какова черта! Когда мы сидели у Молчанова, никакого тумана не было. Везде солнце светило!.. Что-то случилось…

Да уж, положение было более чем хреновое. Даже если соврать, что они ушли самовольно, от того факта, что нас не было в этот момент на месте, не отвертишься. Во, блин, гоблин! Не армия, а детский сад. Куда пошел солдат? Зачем пошел солдат? За все отвечай! Ей-богу, как с дитем малым! Ну, того еще можно привязать или в манеж посадить, а этих — здоровых балбесов? Был такой сержант из этих же, дальневосточников, лежал в госпитале, вскрыл стол с лекарствами, нажрался разных… Думали, помрет. Из госпиталя выкинули на губу. А он оклемался. Выжил. Говорит, кайфа захотелось.

Досталось командиру роты: за слабую воспитательную работу с личным составом… Т-фу!

Ну где их черти носят!!!

Во мне росло чувство, что надо идти искать. Один хрен — влипли, так влипли. Или найдем, или… Все равно уже, можно не возвращаться. П..ц полный — полбатареи потеряли!

В тот момент, когда я уже собрался встать с ящика, и идти за бронником, из тумана появился Лебедев.

— А где ваш личный состав? — поинтересовался он. — Я три раза посылал за вашим Алиевым, и его три раза не смогли найти.

— Вот, — я показал на Солоху, в душе сам ужасаясь своему идиотизму, вот наш личный состав.

— Мне Алиев нужен, — как-то подозрительно терпеливо снова повторил нам начальник блока.

После небольшой паузы Вася все-таки сказал:

— Сами ищем…

Глаза у капитана округлились (в эту минуту я его почти ненавидел):

— Не понял… Как это — «сами ищем».

Вася стал долго и путанно объяснять, что они должны были быть здесь, но мы ходили к Шевцову, за таблицами стрельбы, вернулись, а никого нет; и черт его знает, куда они делись. Лебедев, в свою очередь, спросил, а какого хрена мы поперлись к Шевцову вдвоем, когда такая напряженная внутренняя и международная обстановка. На что Вася сказал, что одному

пилить к Шевцову и скучно, и опасно.

— Надо было взять с собой сержанта, — сказал капитан.

Тут уж Рац просто усмехнулся:

— Кого? Алиева? Или Папена?

На такой убийственный ответ Лебедев просто не нашелся, что сказать. Но он быстро оправился, и достаточно угрожающе сказал:

— Ищите личный состав. А то сами понимаете… Не дети…

Мы синхронно усмехнулись кривоватыми усмешками, и отвели глаза. Капитан ушел. Он так высоко нес свою голову, что попал ногой в одну из ям, то тут, то там попадавшихся на пути — не самое приятное воспоминание о первой проведенной на этом перевале ночи. Лебедев рухнул с матерным криком, а мы с Васей снова усмехнулись — на этот раз злорадно.

В течение следующего часа мы втроем молча сидели на ящиках перед стеной тумана.

Солоха, правда, рыпнулся уйти туда, откуда его извлек комбат, но Рац весьма внушающе посмотрел на него, и Солоха не решился спорить. Поэтому как три богатыря, подперев головы руками, мы продолжали ждать неизвестно чего.

И вот когда наш водитель уже практически начал клевать носом, я услышал подозрительный шум из-под обрыва, и между моих ног появилась голова Папена.

В это чудесное мгновение я одновременно со всей полнотой ощутил два совершенно противоположных чувства. С одной стороны мне хотелось расцеловать его грязную ушастую морду, а с другой — врезать со всей мочи ногой в челюсть. Я поступил несколько иначе. Когда «негритянин» вылез и встал на ноги, я сначала тепло улыбнулся ему, а потом изо всех сил ударил его в голень. Дико взвыв, Папен повалился на бок. С яростным оскалом Вася тащил за уши Рамира. Тот кряхтел, мычал, но старался делать это тихо. Со стороны казалось, что излишне горячий гость дружески надирает уши имениннику. Успевшие за это время вылезти, Алиев и Пимон с ужасом в глазах ждали своей участи.

— Где вы шлялись, сволочи?! — с ревом подлетел к Пимону Солоха.

«Господи! Ну этот-то куда?» — со вздохом подумал я про себя. А вслух сказал:

— Оставь его, Солохин! Он нам сейчас сам все расскажет.

Само собой разумеется, что перепуганный насмерть Пимон, захлебываясь и теряя в словах гласные и согласные, стал оправдываться. В кошару они попали очень быстро, взяли матрасы, одеяла, мешок муки, и можно было возвращаться. Но времени ушло немного, погода была великолепная, и Папен

сказал: «Пойдем дальше — в свободные прерии! Свобода! Хоть недолгая, но вся наша!».

Я бросил взгляд на свободолюбивого Папена. Он перестал кататься по земле, и теперь сидел, обхватив поврежденную ногу двумя руками. Честно говоря, от Папена я такой прыти не ожидал. Вот уж удивил, так удивил!

Пимон продолжил повествование. Они пошли к следующей кошаре, нашли там также одеяла и матрасы, и, кроме того, пачку соли и дрожжей. (При этих словах Солоха оживился). Оставив все это, (Солоха сник), они пошли дальше, и дальше, и дошли черт его знает куда. Тогда до Алиева, наконец, дошло, что ведь придется возвращаться обратно! Он взвыл, и потребовал отправиться на базу. Папен, у которого, похоже, слетела крыша, предлагал пойти еще дальше…

Тут не выдержал Вася:

— Ты, Папен, случайно не к противнику хотел перейти с оружием в руках, и предав своих товарищей? А?.. Отвечай, гад!

Папен завопил, что нет, нет и еще раз нет. Солоха отвесил Папену пендель.

Косясь на Солоху, Пимон продолжил в третий раз. Они повернули обратно, но тут, как на зло, на долину опустился туман, и они не знали, куда же им идти. Пошли наугад. В результате долго — долго бродили по неизвестным местам, пока, наконец, через два часа непрерывной ходьбы, не наткнулись на самую первую кошару. Тогда они забрали все, что смогли, и отправились домой.

— Значит, дрожжей нет, — опять вспомнил о наболевшем не в меру сообразительный Солоха.

— Не-е-е-т, — проблеял Пимон, и тут же получил заранее подготовленный пендель.

Наша разборка на этом закончилась. Теперь следовало подготовиться к контакту с начальником блока.

— Ну что, орлы, — сказал Рац. — Сейчас все идем к начальнику блока, и вы все рассказываете как самовольно — я подчеркиваю — самовольно ушли в кошару за продуктами. Это справедливо. Если бы сделали так, как вам было сказано, то все было бы нормально. А вы послушались этого осла Папена, нарушили приказ, и теперь будете расхлебывать… Вам ясно!?

«Аргонавты» дружно закивали головами. Как мне показалось, Алиев перевел дух — он остался единственный из участников похода, который еще не получил ни одной затрещины. Но я не стал на этом акцентироваться — пусть живет.

— Берите муку, — продолжил комбат, — и пойдем к Лебедеву. Будем откупаться.

— А разве он знает? — пискнул «негритянин» откуда-то с земли.

— Вы бы еще завтра утром пришли, а потом удивлялись, — вмешался я. Давайте, блин, быстрее!

Пимон и Алиев нырнули под откос, и через несколько минут, кряхтя и обливаясь потом, выволокли полный мешок муки.

— Ну, пошли, — проворчал Вася, и мы все вместе отправились к Лебедеву.

Замять эту историю помогли два обстоятельства. Во-первых, очень поспособствовал мешок муки. Во-вторых, неугомонный начблок затеял очередную титаническую стройку. Насколько я понял, новый штаб. Для этого с большой земли ему даже привезли бревна. Черт его знает, как ему это удалось. Теперь нужны были рабочие. Много рабочих. Поэтому наши солдаты получили «химию»: отработать три дня на объекте товарища Лебедева. Под мягким Васиным взглядом они не просто согласились, они прямо таки горели желанием поработать на стройке.

А вот матрасы и одеяла мы от капитана утаили. И это, пожалуй, с лихвой компенсировало нам все волнения, тяготы и неудачи Папеновской экспедиции.

Часть 7

— Местные чехи приходили, — сказал мне Вася своим невозмутимым ровным деловым голосом — так констатируют факты.

— Чего им было надо? — Я, честно говоря, удивился.

За все время «сидения» ни о чем похожем не слышал.

— А к кому приходили-то?

— К Лебедеву. Рома Инин двух чехов завалил.

Я выпучил глаза, рывком сел на матраце, и более чем заинтересованно попросил:

— А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее!

Истина оказалась простой и примитивной. Каждую ночь наши блокпосты периодически простреливали местность. Гранатометный Ромкин взвод исключением в этом отношении не являлся. Из своих АГСов они палили каждую ночь. В одну из таких удачных ночей проходившие мимо нас по каким-то своим надобностям (вполне может быть, что и бандитским) чехи, попали, как говорится, под раздачу. Другими словами, умерли.

Как ни странно, по словам Васи, пришедшие чехи никаких претензий не предъявляли. Все, что им было нужно — это забрать тела. Они даже вполне откровенно объяснили, почему им пришлось прийти к нам. Сначала они надеялись забрать трупы под покровом ночи, но вовремя сообразили, что огонь ведется постоянно, в разные стороны, безо всякого плана. А следовательно, вероятность попасть под очередной разрыв очень высока.

Покрутившись так пару дней, и посмотрев на нашу беспорядочную пальбу, родственники покойных решили сами уже не рисковать, а просто с нами договориться.

— Интересно, неужели мирных замочили? — задал я глупый вопрос.

— Какого черта мирные будут по ночам шляться мимо блокпоста? — На свой глупый вопрос я получил достаточно умный ответ.

И то правда.

Следующий инцидент произошел у Игоря. Молчанов поймал «шпиона». А дело было так.

Донельзя разозленный вероломством коварных и загребущих зенитчиков, капитан решил восстановить поруганное реноме федеральных войск, и пригласил обитателей отрэкетированной кошары к себе на блокпост. В специальное место для гостей, где стоял приличных размеров навес, был сделан деревянный стол,

лавки и находилась посуда.

Гости пришли не с пустыми руками. Уж чего — чего, а сыра, молока и прочих молочных и кисломолочных продуктов у них имелось достаточно. Пока папоротник принимал по описи подношения местных народностей, Молчанов лично, (из большого уважения), отправился за Куценко. Где шлялись в это время Дадаш и Аманат, было абсолютно непонятно. Вроде бы играли в карты в палатке.

В общем, пришло три абрека. Двое активно общались с Гаджихановым по поводу продуктов, а третий молодец тихой сапой отправился погулять по нашим позициям.

Он уже, насвистывая и помахивая палочкой, с задумчивым видом направлялся в сторону цитадели Швецова, когда, на свою беду, встретил направлявшихся ему навстречу Молчанова и Куценко.

— О, папуас! — Приветствовал аборигена Куценко. Он был уже слегка навеселе и в явно игривом настроении.

Игорь же вовсе не разделил восторгов артиллериста, и с большим подозрением уставился на абрека.

— Ты чего здесь делаешь? — грозно спросил он, — а?

Абрек несколько оторопел:

— Гу-гуляю…

В общем, Молчанов навел на него автомат, положил на землю, и непреходящий в сознание Куценко крепко связал несчастному руки. Артиллерист остался охранять подозрительную личность, причем уселся прямо на него, а Молчанов помчался к рации, сообщить на ПХД, чтобы прислали особиста.

Когда Игорь, тяжело дыша, прискакал до своей палатки, то Дадаш и Аманат уже сидели с папоротником и гостями и активно употребляли спиртное.

— Ну где ты ходишь, Игорь? — Аманат решил опередить возмущение капитана. Наивные, они думали, что Игорь будут недоволен тем, что они начали без него.

Молчанов только отмахнулся:

— Я шпиона поймал! Где, блин, рация, турок?!!

За столом на пару секунд воцарилось замешательство. Гаджиханов застыл с открытым ртом и поднесенным к нему рюмкой; Аманат насупил брови; аборигены в изумлении уставились друг на друга; а Дадаш изъявил желание броситься Игорю на шею, как будто тот забил решающий гол в одной из важнейших футбольных встреч.

Игорь с трудом отцепился от крикливых фанатов, подхватил рацию, принесенную турком, и вызвал ПХД. На связи оказался

сам Дагестанов, который на сообщение о поимке вражеского лазутчика отреагировал несколько неадекватно. Он долго молчал, потом сказал, что выезжает.

Майор, скорее всего, решил, что капитан напился до зеленых чертей, вот ему и мерещится противник. А заставать Молчанова в такой скользкий момент ему не хотелось. Одно дело ничего не знать, а другое дело — знать. И каким-то образом реагировать.

Молчанов и вся компания отправились к месту задержания. За исключением папоротника — он остался присматривать за гостями.

Когда гомонящая толпа добралась до Куценко, шум моментально стих: Дадаш и Аманат узнали в задержанном своего недавнего гостя и очень удивились. Игорь популярно объяснил им, сопровождая свои слова энергичной жестикуляцией, что под личиной друга скрывался злобный враг. А потому его надо сдать, куда следует. На стенания пленника, естественно, внимания никто не обращал.

Ждать пришлось недолго. Но вместо ожидаемого Дагестанова, на резвом МТЛБ примчался майор Лазаревич, в состоянии, близком к состоянию капитана Куценко.

Однозначно, комбат решил, что подобное должно идти к подобному. Если бы он приехал сам, то неизвестно как бы Дагестанов поступил. Но приехал Лазаревич — его удивить чем либо было трудно, и он спокойно, с помощью двух могучих и упитанных бойцов штабной охраны закинул пленника внутрь МТЛБ. Естественно, что ехать с ним вызвался Молчанов — надо же было объяснить особисту все перипетии случившегося.

Дагестанов вышел встречать Лазаревича и Молчанова лично. Ухмылка на его лице быстро сменилась на выражение озабоченности, как только он понял, что капитан абсолютно трезв. Молчанов даже дыхнул для верности на комбата, но тот только отмахнулся: ему доказательств не требовалось.

Игорь четко и конкретно изложил причины задержания, а на естественный вопрос, каким образом эти местные типы вообще оказались на блокпосту, нимало не церемонясь, изложил всю историю пиджака — рэкетира.

Дагестанов все больше и больше хмурился. В этот момент к офицерам подошел и сам господин особист. Молчанову пришлось еще раз пересказать свою незатейливую историю. Но, как ни странно, шпион особиста не слишком заинтересовал, а вот история о командире зенитчиков его тронула. Он зловеще заулыбался, а потом пошел в палатку к связисту Антохину. Позже выяснилось, что он вышел на связь с несчастным пиджаком, и потребовал немедленно прибыть к ним. Если ехать не на чем,

пусть бежит бегом.

Наверное, зенитчик перепугался до смерти, так как прилетел на ПХД действительно бегом. Но это случилось уже после того, как Лазаревич повез Молчанова обратно. По дороге они встретили бегущего зенитчика, затем ковыляющих аксакалов. Те шли на ПХД с явной целью предложения выкупа. Бедняги уже наверняка прикидывали, сколько баранов придется отдать большим начальникам, чтобы вызволить родственника.

Игорь изволил пошутить, что движение между блоками становится излишне оживленным, и скоро оно сравняется с городским. Майор предложил давить всех встречных и поперечных. Игорь подозрительно спросил, что случилось с обычно добродушным и веселым старым майором.

Лазаревич с искренним недоумением посмотрел на Молчанова:

— Ты что, не слышал еще что ли? Мою квартиру на базе ограбили.

— И что вынесли? — Поинтересовался Игорь. — Насколько я помню, у тебя там особо ничего и не было. Так, поломанный телевизор, доисторический холодильник и продавленный диван… Неужели форму сперли??

— Я не знаю, что там вынесли. Но дверь-то сломали!! Ее закрутили на проволоку и опечатали, но это же просто хрень! Открутят там эту херню и устроят блат-хату!

— Не переживай, старый майор. Тебе один хрен нечего терять. Приедет Баринов, сделает замок на твоей халупе, и все будет нормально.

— Пока Баринов приедет, там уже спасать будет нечего… А ладно, ты прав — дело-то житейское!!

В дальнейшем трезвому Игорю пришлось пресечь следующие задумки не в меру активного зампотеха.

Попытку заехать к Швецову и построить «всю эту кодлу».

Попытку совершить прыжок на МТЛБ с обрыва.

Попытку поехать к Лебедеву и забрать Пашу и Васю для продолжения банкета.

Попытку подраться с Куценко.

Попытку пострелять из орудий.

Молчанов измучился нравственно и физически, и использовал последнее средство. Он с мягким отеческим уговором заманил майора к себе, налил ему полный стакан браги, и Лазаревич опал. А когда к «столовой» приперся водитель МТЛБ и загундосил, что ему пора возвращаться, что он с утра «не жрамши», то дал водиле банку гречки с мясом, и тот резко успокоился.

Гаджиханов мирно сопел рядом с майором, а Дадаш и Аманат снова играли в карты.

«Шпиона» отпустили за двух баранов. «Освобожденный» и «освободители» резвым пастушьим шагом ускакали с ПХД какими-то обходными тропами, так, чтобы больше уже не встречаться с начальником второго блока.

У зенитчика дела обстояли намного хуже. Баранов у него не было, а у особиста не было отчета о проделанной работе. Раскрытие морального разложения в рядах «пиджачного офицерства» он вполне мог поставить себе в заслугу. Для этого ему потребовалось завести дело.

Но почти трехчасовая работа повисла под большим вопросом, когда оказалось, что к этому делу, так или иначе, придется привлекать сержанта зенитчиков, а именно аварца Ибрагима. У него были довольно влиятельные родители. И в армию он попал не потому, что его не могли отмазать. Нет. Просто у них в семье было не принято, чтобы мужчина не отслужил в армии.

Особист призадумался. Призадумался настолько, что даже отпустил пиджака обратно «ждать дальнейших распоряжений». Если бы зенитчик был по опытнее, то сообразил бы, что что-то не срастается у внутренней безопасности, и дышать можно попроще. Но он этого не знал, а потому отправился в свое расположение опять — таки пешком, в глубоком раздумье и повесив голову.

Как назло пошел дождь и промочил бедолагу до нитки.

— Ну что, не соскучился еще по высоким гостям? — прокричал мне почти в ухо Вася.

Спросонок я и не сообразил сразу, чего это он? Обычно такими манерами Рац не отличался.

— Ты чего? — спросил я. — Орешь? Игорь что ли приехал? Он же сказал, что на территорию Лебедя ни ногой?

— Да ну, ты гонишь! Какой Игорь? Я же четко и громко сказал: высокие гости, а не приятные!

— Да ну тебя Вася! Чой-то ты такой возбужденный? Кто приперся-то?

— Да Светлов приехал — начштаба бригады. С инспекцией. С ним Бессовестных вместе. А у него скоро день рождения. Он меняет Логвиненко. И везет ящик водки! Понимаешь ты это, дорогой мой человек?! Ящик водки!!!

Я смотрел на Вася, и остатки сна улетучились совершенно. Вот до чего может жизнь на дикой природе довести человека! Ящику водки радуется…

Правда, язвительная память тут же подсказала мне собственные грехи: и падение из кузова «Урала» в пьяном виде, и песни в штабе до утра, появление в нетрезвом виде на разводе. Я

даже покраснел. Утешало одно. Я-то все-таки на разводе отсиделся за строем — спасибо Старому Майору. А вот Вася через пару месяцев вышел на развод с голым торцом и красным флагом. Черт его знает, где он нашел флаг.

«Да-а-а…», — сказал тогда Игорь. — «Лейтенантская молодость!».

То, что творил в наши годы Молчанов, казалось сказкой. Впрочем, может быть, это и действительно была сказка? Кто проверял-то?

— Ну и что Светлов будет смотреть? — спросил я размечтавшегося Васю.

— Да ничего особенного. Как всегда: быт, огневые позиции, и все такое…

Я вылез из палатки и уныло осмотрел наши огневые позиции. Последним изменением в их конфигурации были два вывороченных камня. Но это были действительно Камни. Именно так, с большой буквы. Мы выворачивали их всем наличным составом, включая меня, включая Васю, включая даже Солоху! После этих титанических усилий мы с Васей перекинулись парой фраз и однозначно заключили, что этот труд сведет нас в могилу значительно быстрее, чем вероятный противник. И мы перестали мучить людей бессмысленным и нечеловеческим трудом.

Потом прибыли саперы, и бравый старлей иронично поинтересовался: «Ну и где у вас тут узкие места?».

Ну что ж! Мы показали бравому военному пару узких мест. Он заложил тротил, все укрылись…. Взрыв!..

При осмотре результатов иронично улыбались уже мы. Сапер как-то разом поскучнел, и бочком, бочком… Короче, исчез вместе со своей командой.

— Мы вручную больше сделали! — гордо сообщил Папен, проведя сравнение достижений своих рук и тротила.

— Два солдата из стройбата заменяют экскаватор! — произнес Вася незыблемую армейскую аксиому.

В данном случае она оказалась как нельзя кстати.

С этого момента любимой страшилкой Васи для подчиненных стала угроза выворачивания камней. По крайней мере, только от этих слов Алиева начинало трясти. Иногда я боялся, что с ним будет припадок.

Хорошо еще, что окончательно угомонился Лебедев. Он так устал от всего, что уже просто выползал на солнышко погреться в хорошую погоду, а в остальное время обсуждал с Косачем вопрос, когда же его, наконец, заменят.

Он даже пару раз обращался с этой идеей к Дагестанову. Но, как сообщил нам, давясь от смеха, хорошо информированный

Игорь, начальство на базе считало, что лучшего места для капитана, чем землянка на склоне горы, просто не найти. И все же комбриг смилостивился. Он изволил передать через начальника нашей «группировки», что если проверка Светлова пройдет нормально, то Лебедева сменят. И вернется Скруджев.

А вот от этой новости даже у меня засосало под ложечкой. Не говоря уже о личном составе. Они поклялись завалить проверку и оставить Лебедя здесь до победного конца. К счастью, или к несчастью, но самоуверенный капитан даже не подозревал об этом. Он сиял как медный пряник. Вот Косач, тот не слишком радовался. У него то же были вполне конкретные подозрения, что Скрудж похоронит его сладкую жизнь.

В общем, когда появился Светлов со свитой, его встретила улыбающаяся рожа Лебедева, и весьма хмурые и недоброжелательные лица остальных военнослужащих. Но самым угрюмым и несчастным во всей этой компании выглядел лейтенант Бессовестных. Вася мелким бесом протиснулся к товарищу, что-то спросил у него, и с лицом Раца произошла разительная перемена, нимало меня озадачившая. Сначала оно вытянулось, потом приняло обиженное выражение, затем просто злое, а потом стало копией физиономии Бессовестных.

Светлов, кстати, стоял на нашей позиции, и рассматривал в буссоль озеро.

— Э-ге-гей! — сказал он. — Ну-ка, Рац, иди сюда.

Удивленный Вася немедленно повиновался.

— Видишь лодку на озере? Кто это?

— Чехи, наверное.

— Попадешь в лодку из миномета — представлю к ордену.

Предложение было более чем неожиданным, и чего греха таить, очень заманчивым. Вася щелкнул пальцами — Папен и Пимон развернули наш «поднос» в сторону озера. Рац повозился с прицелом, и самостоятельно кинул первую мину. Все с напряжением наблюдали за лодкой. Разрыв произошел с большим перелетом. Челн подбросило на волне, но он устоял. Было заметно, как гребцы усердно взялись за весла.

Вася быстро сделал корректировки и швырнул вторую мину. Мы опять замерли. На этот раз разрыв был настолько близко, что лодка все-таки опрокинулась. Ее пассажиры энергично погребли к берегу.

— Хватит, — сказал Светлов. — Не попал!

— Почему!? — возмутился Вася. — Лодка-то опрокинулась!!

— Это не считается.

Озлобленный Рац отошел ко мне. Я шепнул ему на ухо:

— Ты чего такой дохлый?

— А-а, блин!.. Светлов нашел водку к Бессовестных, и всю ее вылил!!.. Вылил!!!

От этого у меня захватило дух. Мне не было жалко собственно водки. Мне было жалко лейтенанта, отдавшего немалые деньги, таскавшего эту сумку, и потерявшего все бессмысленно в последний момент!

— Что это за ямы? — спросил начштаба вслух, и высокомерно огляделся.

Все окружающие огляделись тоже. Ям, собственно говоря, кругом было полно. Что именно имел в виду Светлов, пока оставалось непонятным.

— Что не признаетесь? Вот эти вот ямы? — Теперь он подошел и указал конкретно своей ногой в лакированном берце на наши «траншеи».

Деваться нам было некуда. Слегка заикаясь, Вася «нырнул в омут головой»:

— Это ходы сообщения к минометам.

— Что!!? — казалось, что на вздыбившихся волосах Светлова поднялась фуражка. — По ней что, по пластунски надо передвигаться!?

Я и Вася одновременно втянули головы в плечи. Рацу уже не нужен был орден — он был согласен на медаль. А еще лучше — если бы удалось отсюда просто удрать. Исчезнуть.

— Капитан Лебедев! — повернулся начштаба к начальнику нашего блока. Это вы руководите всем этим цирком?

Впервые Лебедев должен был играть на нашей стороне. Перед ним явственно замаячила перспектива бессменки.

— Мы даже саперов вызывали! — завопил он в полном отчаянии. — Они тоже не смогли справиться с грунтом… Точнее, с камнем. Здесь один камень! Здесь грунта нет!

— Что за бордель вы тут развели, товарищ капитан! Лейтенанты марсианские каналы роют. Другие, лейтенанты, водку вагонами везут… Наверное, чтобы подстегнуть процесс рытья каналов. Уезжать скоро, а тут еще и не чесались!

Светлов быстрым шагом направился к берлоге Лебедева, и тот засеменил за ним вприпрыжку. Еще бы! Удобства цивилизации растворялись в тумане мечты. Тут не то что вприпрыжку, тут колесом закрутишься!

Меня же все дальнейшее перестало интересовать. Я держал в голове только одну фразу. Я крутил ее, переворачивал, ставил на попа, и в любом виде она мне нравилась: «Уезжать скоро, а вы…».

Уезжать! Как это звучит!

По первам, помнится, мне все казалось, что мы должны пойти вперед — к Ведено. Потом пошли разговоры, что будем здесь

зимовать. А снег выпадет уже в сентябре. И все закроет. И как к нам будут проходить колонны с продуктами — непонятно. А я думал, как исхитриться получить зимние вещи, чтобы не загнуться. И чем мы будем отапливаться? И какой здесь зимой туман и ветер?

Честно говоря, до зимы было нескоро. Но я уже представлял себе, что нас здесь ждет — и мне было тоскливо.

А теперь я услышал — «скоро уезжать»…

Это было как музыка, это было лучше музыки! Скорее всего, даже не специально сказанная фраза, а так — вырвавшаяся промежду прочим. Но оговорка, как сказал дедушка Фрейд — лучше чем тонна словесного поноса!

Светлов со товарищи укатили в сторону второго блока — к Молчанову. Пусть посмотрят на Лебедя, Рака и Щуку — Швецова, Молчанова и Куценко. Если он надеется собрать их в единый кулак, то пусть пробует. Коня и трепетную лань… И все такое…

Лебедев завыл. Он плюнул в сторону уехавшего начальства и, понурив голову, скрылся в своем блиндаже. Косач пошел вслед за ним, скорчив нам напоследок уморительную рожу. Леня был явно доволен.

— Сейчас он успокоит Лебедева, и все будет по-прежнему… — начал я.

— …Хорошо! — закончил за меня Вася.

Все вокруг успокоились. Папен драил котелки холодной водой с хозяйственным мылом; Пимон что-то зашивал. Рамир и Алиев просто дрыхли. Безо всяких забот.

Вася тихо исчез, а я, позевав, пошел спать к себе на перину. И приснился мне весьма мерзкий сон.

Убегал я какими-то дворами и огородами города Темир-Хан-Шура от местных абреков. И были они вооружены огнестрельным оружием. У меня же не было ничего. И догнали они меня все-таки в каком-то незнакомом месте. И выстрелили. Я только об одном думал — лишь бы не насмерть! Но провалился в какую-то пустоту без цвета, звука, запаха и жизни…

Когда я очнулся с бешено колотящимся сердцем, то понял, что это, к счастью, только сон. «Ну может же такое присниться!» — подумал я и перевернулся на другой бок.

Проснулся я уже в темноте.

«Эге!» — подумал я. — «А как же служба!». Надо было идти смотреть за подчиненными: вышли они на дежурство, или забили на все и мирно дрыхнут, как безнадежно штатские товарищи? Я выполз из палатки и поплелся к минометам. На ящиках кто-то сидел. Подойдя поближе, я с удовлетворением отметил, что это сидели Папен, Пимон и Рамир.

— Молодцы! — подбодрил я их. — Благодарю за службу!

— Рады стараться! — раздался нестройный ответ.

«Вашего благородия» я не дождался. Да не очень и хотелось, если честно.

Я присел на краешек ящика и вытянул ноги. Было не очень холодно, тем более в бушлате — скорее ощущалась приятная ночная свежесть. Над нами царствовало звездное небо во всем своем неземном великолепии. Мне вспомнились долгие ночные прогулки с будущей женой, и все, что было с этим связано. Честно говоря, очень захотелось под теплый бочок супруги, а еще лучше — на нее… Но увы! До жены мне было, простите, как до Луны раком. Оставалось только вздыхать. Папен, проникнутый ностальгией, рассказывал о своих охотничьих походах.

— Вот поднялся я на сопку — смотрю: олень!..

Если поверить Жениным рассказам, то он был Соколиным глазом, Чингачгуком и Сетоном — Томсоном в одном лице. Практически его охотничьи достижения здесь выразились в одном подстреленном голубе, которого они сварили и сожрали. Но если учесть, сколько времени и патронов заняла эта охота! Что-то сильно я засомневался в его способностях. Нет, ну если у него дома не тульская двухстволка, а какой-нибудь «Винторез», ну тогда ладно. Тогда я понимаю и руки умываю.

Рамир все бухтел и вздыхал про себя. Пимон лениво курил, держа сигарету заскорузлыми пальцами.

— А где Солоха и Алиев? — спросил я.

— Азер дрыхнет. А Солохин ушел к зенитчикам, — откликнулся Рамир.

Я снова уставился в небо. Обожаю смотреть на звездное небо. «Бриллиантовые дороги в темное время суток».

— Пашка, блин, ты где? — послышалось мне. Я встрепенулся: это был голос Васи. Он меня искал.

— Я здесь, — ответил я, приподнявшись.

— Иди сюда, дело есть.

Я пошел на голос, и нашел Васю в приятном расположении духа.

— Бессовестных сохранил две бутылки. Пошли к ним в блиндаж, там стол накрывают.

Вау!! Это было гарно. Я вернулся к личному составу, и наказал никуда не разбегаться, а если черти принесут капитана Лебедева, то сказать ему, что мы здесь, но куда-то только что отошли. Они закивали головами, и я ушел.

Блиндаж Бессовестных находился в нижней половине нашего блока и был хорошо оборудован. До меня дошло, что почву сверху постоянно сносит вниз, и потому на нашей позиции вместо

земли одни камни, а здесь — внизу — чуть ли не полутораметровый слой мягкого грунта. Я даже обзавидовался.

Стол, кстати, обилием не потрясал. Но были консервы, лук и чеснок. Ну и водка, само собой разумеется.

Народу было немного. Но и спиртного, между прочим, тоже. Поэтому на все про все ушел где-то час. После этого Вася остался поговорить со старым товарищем, а я сказал, что пойду контролировать обстановку. Честно говоря, я отвык от бухла, и с непривычки меня потянуло спать.

Я надеялся на свежий воздух, холодок, и рассчитывал, что они помогут мне слегка оклематься от осоловелости. Так и произошло. Пока я добрался от блиндажа Бессовестных до своих минометов, то спать мне расхотелось. А друзья — срочники сидели все в тех же позах, и все так же велеречивый Папен рассказывал о своих бесконечных похождениях.

— Расскажите что-нибудь интересное, товарищ лейтенант. А то Негритянин уже достал своей болтовней! — попросил меня Рамир.

Папен подавился на полуслове.

— Ну что же вам рассказать? — я задумался. А ладно!

— Видите созвездие Кассиопеи? — я показал пальцами на небо.

Если уж совсем честно, то я не знал, если на этом небе названное мною созвездие. Но это было неважно. Во-первых потому, что никто из этой троицы вообще ничего в созвездиях не понимал (Папен мог найти Полярную звезду), а во-вторых, это был всего лишь повод. Я приступил к вольному изложению греческих мифов. Ничего умнее мне в тот момент в голову не пришло. Ну не рассказывать же им, в конце концов, устав гарнизонной и караульной службы!..

В конце концов, они все уснули. Я не стал их будить, а просидел на твердом ящике, уставившись в темную даль, почти до самого рассвета…

Часть 8

— Через три дня мы сворачиваемся! Не прыгайте только как бабуины… И не сообщайте пока личному составу! А то совсем расслабятся!! Потихоньку готовьтесь к отъезду, — сообщил нам капитан Лебедев на последнем совещании.

Такие представительные совещания не собирались уже месяц, и поэтому мы с Васей уже заранее догадались, о чем пойдет речь. Впрочем, до этого нас предупредил Молчанов, Юра Венгр по секрету шепнул Рацу на ПХД, поэтому, боюсь, указание на режим секретности для рядовых и сержантов через чур запоздало. А уж тем более, когда они увидели, что все офицеры пошли к начальнику блока…

Не надо бойцов считать глупее себя.

— Чтобы не тащить боеприпасы с собой, будем их расстреливать на месте.

Меня передернуло: значит, где-то патронов не хватает, а мы их будем просто так изводить?! Но никто не возразил, и я промолчал тоже. Мне было только интересно — это Лебедеву сверху приказали, или его собственная идея?

По тому энтузиазму, который он проявил в этом мероприятии, я решил, что все это он придумал сам. Впрочем, личный состав отнесся к этому с большим удовольствием. Эх, и отвели же они душу! Стреляли все; стреляли из всего. Если отнести это к тренировке, то может быть, все не так уж и плохо? По крайней мере, Папен и его компания в кои-то веки постреляли из гранатомета, покидали гранаты и вдоволь настрелялись. Теперь они могли смело стучать себя дома пяткой в грудь: «Я из всего стрелял, я не метлой махал. Я весь в дыму пороховом!».

Обнаружились даже боеприпасы, заныканные Зерниевым. Между прочим, они поржавели, поэтому их пришлось просто выкинуть. Это было самым огорчительным.

В отличие от нас, два других блока сохраняли тишину. Поэтому Дагестанов вышел на связь с нашим начальником, и спросил, в чем собственно, дело. Ну, Лебедев и объяснил свою гениальную задумку…

Как сказал нам Косач, топот майорских ног он слышал даже находясь в метре от рации. Посеревший капитан приказал немедленно прекратить огонь. Но это было не так-то легко. Еще минут двадцать любили пострелять никак не могли угомониться. Поэтому последовал еще один выход на связь Дагестанова, и Лебедев уже как ошпаренный лично с табельным оружием примчался наводить порядок. С трудом, но ему это удалось.

Когда Гусебов появился в блиндаже у Лебедева, то выглядел он дико. Глаза его смотрели почему-то в разные стороны, на ногах присутствовал только один ботинок, был он как-то весь неприглядно ободран, и вообще плакал и бормотал что-то бессвязное.

В общем, плохо выглядел Гусебов.

От одного этого зрелища Лебедева и Косача подбросило с лежаков как пружиной. Лебедев почему-то подумал, что весь наш верхний блок вырезали, и лишь один храбрый прапорщик сумел вырваться и уйти от погони. Косач ничего не подумал, он просто спросонья вообще ничего не мог понять.

— Ты что здесь делаешь? — наконец спросил капитан.

Нет, Гусебов не мог дать ответа. Он только трясся и что-то бормотал по своему.

— Садись, давай. На, выпей! — Косач лечил все состояния только одним универсальным лекарством.

В этот момент неожиданно ожила рация. Лебедев одел наушники, и лицо его вытянулось.

— Поленый жив. Он спрашивает, приехал ли Гусебов… Выехал на «Урале«…Ага…Понятно… Какой-то странный…

Капитан пристально посмотрел на прапорщика:

— Где машина?

Гусебова закачало. Он жадно высосал колпачок водки, преподнесенный ему Косачем, и махнул рукой:

— Там!

— Где там?!

— Там, в пропасти.

Капитан и Косач в ступоре долго смотрели друг на друга.

— Ты что-нибудь понимаешь, Леня? — наконец открыл рот Лебедев.

— Кажется, догадываюсь… — Медленно процедил мрачнеющий на глазах замполит. — Прапорщик пьян как фортепьян, машины нет, сам босой и побитый… Вывод: свалил «Урал» в пропасть, а сам успел выпрыгнуть.

— Это хорошо, что успел! — Наоборот, повеселел капитан. — Это значит, что будет кому расплачиваться за разбитую технику!.. Вот к пенсии как раз и расплатишься, папоротник!

Рыдающий прапорщик повалился на лежанку. Ноги его дергались в такт рыданиям.

— Давай, Леня, акт составлять. Пусть подписывает, пока тепленький. А то протрезвеет, и пойдет в глухую несознанку!

Косач, чернильная душа, начал писать. Но тут же перестал.

— Надо сначала место происшествия осмотреть. Разобраться, кто отправил нарушителя за руль, что там был за контроль над

ним? Где шлялся штатный водитель?

В общем, оставив забывшегося беспокойным сном Гусебова в землянке, капитан и замполит подняли дежурного водителя и поехали к Сэму разбираться.

Картина выявилась весьма некрасивая. Руководство всю ночь прогуляло, а потом папоротнику приспичило поехать к нам. Его заинтересовала судьба неких продуктов, опрометчиво оставленных им у нас. В четыре часа утра! Лучшего времени он найти просто не мог!

Вышвырнув спящего в кабине «Урала» водителя, пан — атаман супермегапрапорщик сам уселся за руль, и с лихой песней поехал к нам. Когда машина пошла под откос, трезвый человек, наверное, не выжил бы. Но юркий Гусебов сумел змейкой выскользнуть наружу, хотя и поплатился обувью. А потом он самостоятельно дошлепал до командной землянки… Остальное известно.

Когда он слегка оклемался, злоязычный Косач подробно сообщил прапорщику, сколько стоит машина, и сколько лет он будет погашать задолженность. После этого папоротник со стоном снова завалился обратно…

Смех смехом, а там внизу запчасти, имущество, да и пушку на чем-то тащить на базу надо. Позвонили Лазаревичу. Тот приехал вместе с Дагестановым. Они подхватили под белые рученьки обмякшего Гусебова и потащили на место преступления.

— М-да!.. — сказал Лазаревич.

— М-да!.. — сказал Дагестанов.

— У-у-у-у!!.. — завыл Гусебов.

Хороший прапорщик Гусебов. Долго он теперь будет служить в армии.

— Что друг ты мне тут про цивилизацию рассказываешь, а? — Молчанов крайне язвительно препарировал папоротника (уж не знаю, с чего у них речь зашла). — Я, надо думать, приеду в цивилизованный город. Приму горячую ванну. Выпью чашечку кофе. Пойду в театр, или на концерт, на худой конец. В сортире посижу с удовольствием. А?

Все это было чрезвычайно иронично. Папоротник только отворачивался и помалкивал.

Да, квартиру Игорь получил очень быстро и прямо около части. Напротив КПП, если точнее. Удручало Молчанова одно. В доме не было воды. Начиная с 1991 года. С тех пор воду доставали кто как мог. Офицерам из части носили воду солдаты. Гражданским иногда привозили воду в цистерне. А иногда воды не было ни там, ни там. Ванна для Игоря стала просто «идеей фикс». Фразу про цивилизацию, ванну и горячую воду он

повторял постоянно. До определенного момента. До зимы. В связи с отсутствием воды отопление в доме, естественно, не было. И когда грянули не частые, но иногда случающиеся двадцатиградусные морозы, Молчанов плюнул на все, и отправил жену в Ростов к родителям. Сам же он забился в одну комнату с телевизором и обогревателем. Кроме того, на всякий пожарный около кровати стояла бутылка водки.

Озверевший от отсутствия женской ласки, тепла и горячей ванны капитан призывал всяческие кары на город своего пребывания и начал мечтать об увольнении. Кстати, между прочим, хрен бы он вообще получил эту квартиру, если бы в штабе бригады не служил его родственник.

Несчастные, проживавшие в общаге в соседнем доме — весь первый этаж могли уснуть только после стакана водки на ночь. Причем посреди ночи требовалось принять второй. Но были герои! Один храбрый старлей даже купался в душе! Температура воды была близка к нулю. Я преклонялся перед его подвигами, но сам бы никогда не рискнул пойти на такой шаг…

Несмотря на уничижительные эскапады Молчанова по поводу Темир-Хан-Шуры, мне очень хотелось вернуться с перевала.

Ну, во-первых, необыкновенно хотелось искупаться. У меня тоже не было ванны с горячей водой, зато я просто мог согреть ведро воды. Или даже два. Мне лично этого хватит.

Во-вторых, внизу было тепло. Я устал мерзнуть по ночам. И вообще устал. Я за эти два месяца считанные разы снимал обувь. И честно говоря, хотелось как-то посвободнее себя почувствовать.

Хотелось побриться и постричься. Хотелось посмотреть нормально телевизор. Почитать книгу, наконец. Хотелось пива! Очень хотелось. Нет, конечно, не местного, название которого я даже не запомнил. Но около моего пристанища был ларек, где торговали «Волжаниным»! И рыбой сушеной торговали тоже. Это мне нравилось необыкновенно. Мы покупали с Молчановым, Лазаревичем и Васей ящик пива, штук шесть — семь сушеных рыбин и на квартире у Игоря (или у старого майора) сидели до тех пор, пока ящик не кончался.

От этих мыслей у меня появилась слабость во всем теле. Я практически чувствовал вкус пива и рыбы на языке.

А еще я хотел поесть шоколада. И банку сгущенки тоже. И, наконец, написать домой. И получить письма ко мне!

С каждой минутой приятных воспоминаний и предвкушений меня распирало все больше и больше. Мне дико захотелось вниз — в место постоянной дислокации. Конечно, я понимал, что вывод, скорее всего, временный, потом мы опять куда-нибудь войдем. Но это будет потом, а между сейчас и потом будет

промежуток приятного расслабления. Жить одним днем! А потом будь, что будет!

Когда рано утром с верхушки к нам вместе со всем своим скарбом вернулись Сэм, Маркелов и полностью перевоспитавшийся Гусебов, я понял, что сегодня мы уедем. Настроение у меня резко поднялось, и я принялся складывать свое имущество. Его ведь надо было вернуть доброму старшине.

Наш блок стал походить на растревоженный муравейник. Бойцы снимали палатки, сворачивали имущество, загружали в технику. День обещал быть чудесным: тепло, ни облачка, прекрасный обзор во все стороны.

Я наслаждался последними видами ставшего практически родным перевала.

— Да, такую красоту редко можно увидеть, — громко сказал мне прямо в ухо внезапно появившийся Вася. — Здесь раньше отдыхали партийные бонзы. Их на вертолете доставляли в дом отдыха на озере. Классно! Ни народа, никого! Тишина, спокойствие…

— Можно подумать, Вася, ты так устал от жизни!

— Да нет, конечно, это я так, к слову… Кстати, в «шишигах» мест свободных нет. На ПХД пару наших машин забрали. Наверное, тебе придется ехать в кузове.

Яркий солнечный день для меня померк в одно мгновение. Ехать в кузове! Что они, издеваются?! Недели ожидания приятного возвращения отправить коту под хвост!? Что же делать? Я глубоко задумался. Но ничего в голову не лезло. Машин, как я не прикидывал, не хватало. Если только в «Урал» в Сэму вторым номером?..

Но машин Сэма не было. Они уехали куда-то вниз. Впрочем, я обратил внимание, что пушки остались на месте. Значит, он еще вернется. Тогда и надо будет поговорить.

Я же от нечего делать принялся наблюдать, как наши водилы и привлеченный личный состав натягивают тенты обратно на «шишиги». Вид у них был еще тот. Папен не был в большом восторге от того, что снова встретился с товарищем Зерниевым. Пенделей и затрещин Попов получил за полдня работы больше, чем за последний месяц. Было просто очевидно, что за то время, пока Зерниев провел на ПХД, он крайне соскучился по любимому занятию. Ходили невнятные слухи, что там ему не на ком было проявить характер, а как раз, кстати, на нем самом кое-кто характер-то и проявил.

Короче, больше всех сегодняшнему утру радовался именно Зерниев.

Рамир же, Пимон и прочие выглядели довольно удрученно.

Возвращение в казармы их отнюдь не радовало. Им-то как раз не светило пиво, отдых и прочие радости жизни. Им светили наряды, пинки от представителей разного рода «землячеств» и тому подобные прелести места постоянной дислокации.

— Эх, остаться бы тут на зиму, товарищ лейтенант! — сказал мне мечтательно Рамир. — А в следующем мае мне уже домой…

— Друг, ты забыл, как пережил здесь первую неделю? А ведь зимой будет фантастический дубарь!

— Ну нет… Тогда-то у нас ничего не было! А сейчас землянки, печки. Бушлаты бы новые привезли! И красота!

— А топливо для печек тебе, наверное, с самолета должны были бы сбрасывать? И жратву тоже…

— Придумали бы что-нибудь! Не хочу я возвращаться в Темир-Хан-Шуру! Не хочу! Когда новый поход?

— Ты еще из этого не вернулся! Погоди, отдохни…

— Так ведь отдыхать-то мне-то и не придется! Это здесь я отдыхал. Мне здесь лучше, чем в части… Может, куда добровольцем отправиться?

— Успокойся, доброволец! Успеешь.

День шел к вечеру, а отправка все не начиналась. Я стал нервничать. Я отвык ночевать под открытым небом. Мне этого не хотелось. Хотя, впрочем, дождя не предвиделось, но кто его знает? В любой момент погода здесь могла кардинально измениться — мы это уже проходили.

Наконец, подкатил Сэм. Я бросился к нему.

— У тебя есть машины без старшего? — спросил я с тайной надеждой в глазах.

Сэм даже не взглянул на меня, но разрешил мою проблему мгновенно:

— Да, есть, садись к Толстому!

Я не знал, кто такой этот Толстый; Сэм менял клички своих подчиненных постоянно. Но в той стороне, куда он махнул рукой, находилась только одна машина. Я наугад побрел к ней и заглянул в кабину. Гм-м! Размеры водилы соответствовали определению.

Подошел Сэм и избавил меня от лишних объяснений.

— Он с тобой поедет! — сказал он увальню.

Тот кивнул головой. Мне показалось, что ему это было по барабану. Меня это вполне устраивало.

Я успел определиться вовремя. Только устроился поудобнее на сиденье, оптимально разместил вещмешок, как капитан Лебедев неожиданно зычно заорал:

— Машины в колонну!

Толстый пристроился за машиной командира, то есть Сэма, и

теперь его задача сузилась до двух простых вещей: следовать за ней и не отставать. Я окинул последним прощальным взором наш первый блок и привалился к дверце. Вечер уже был в самом разгаре, вот — вот он начнет переходить в сумерки, потом наступит ночь, а ночные поездки я любил. Мне захотелось что-нибудь насвистеть, и я потихоньку завел «Хождение по воде».

Но ехали мы недолго. Около ПХД все остановились, и Дагестанов построил командный состав для инструкции. Здесь я увидел не только всю «партию» со второго блока, но и всех знакомых с блока третьего, которых не встречал чуть ли не все эти месяцы на перевале.

Мы бы, конечно, потрендели, говоря по-простому, но Дагестанов так решительно разорался, что пришлось ограничиться парой фраз, да дружескими кивками.

— Так, — сказал майор, — правила передвижения в колонне для всех одинаковы и просты. Запомните их. Надеюсь, вы с этим справитесь. Двигаться строго друг за другом. Не обгонять! Не расслабляться. Бойцов держать в тонусе — мало ли что! Конечная цель сегодняшнего маршрута — Ботлих. Дорога, сами помните, хреновая. И за это время лучше она не стала. Поэтому особое внимание — старшим машин с прицепленным вооружением. Ясно?

Интересно! Это уже относилось ко мне. В принципе, я понятия не имел, как я должен был проявить это особое внимание. Впрочем, не в первый раз: все закивали головами. Я посмотрел на Игоря. Он был необыкновенно серьезен. Хотя это и ничего не обозначало — в любой момент он мог выкинуть какую-нибудь шутку. Стоявший рядом папоротник был приятно расслаблен. Кто бы сомневался!

Майор говорил что-то еще, но я этого уже не слышал. Мне было хорошо. Надоевшее до тошноты однообразие жизни закончилось. Должно было появиться что-то новое. Трудно сказать, каким оно будет. Но то, что каким-то другим это точно.

Я даже выключился ненадолго из реальности. В результате пропустил что-то важное, и народ ломанулся по машинам. Впрочем, и так все было понятно. Я помчался к своему «Уралу», запрыгнул в кабину, и мы тронулись.

Мимо нас с наглыми мордами промчались два местных абрека на мотоцикле. Я вытаращился на них в немом изумлении. Конечно, это был Дагестан, но за последнее время я как-то отвык от такой наглости гражданских, да и вообще их давно не видел.

— Попались бы они нам на блоке, — мечтательно сказал Толстый, — домой бы пошли пешком.

Я, собственно говоря, в этом и не сомневался. Но вот сейчас

словно запахло предстоящей обычной армейской жизнью, и тут же появились гражданские местные. Мне показалось это глубоко символичным. Кстати, этот символ меня не очень-то и обрадовал.

Да черт с ними! До базы еще доехать надо!

И мы поехали…

Да… Повороты на серпантине показались мне не слишком безопасными. А если учесть, что позади нас болталась пушка, то мне стало совсем не весело.

Первая машина пошла на обгон примерно через полчаса пути. Это была «шишига», но не из наших. И понеслось! Мой водила тоже занервничал. Ему явно хотелось показать этим «оборзевшим лохам», кто тут умеет ездить, а кто только пальцы гнет на ровном месте. Я постоянно напоминал ему о пушке, которая ехала за нами. Но он считал, что это не помеха.

Через пять минут тягомотной езды за какой-то еле дышащей машиной, Толстый наконец не выдержал. Он резко прибавил газу и обошел немочный драндулет со свистом. Я понял, что водилу не остановить. Однако вскоре мы оказались за машиной самого Дагестанова. Толстый притих. Он только провожал глазами технику, которая нас обгоняла. И сладко улыбался, когда слышал дикий мат майора, сопровождавший каждый такой обгон. Наконец, Дагестанов охрип.

— Усе, больше он кричать не будет, — определил водила и вывернул руль влево.

На всякий случай я привалился спиной поглубже к стенке, чтобы большое начальство меня не узнало. Но Дагестанов уже даже не пытался орать. Мы обошли майора и включились в увлекательное ралли. Все это жутко напоминало мне фильм «Этот безумный, безумный, безумный мир!».

Выглядело все это так. Что-то у нашего «Урала» случилось с рулевым управлением, и поворот руля налево стал весьма проблематичным. Толстый изо всех сил крутил баранку на поворотах, а я, каюсь, вместо того, чтобы помогать ему поворачивать, с ужасом смотрел на край пропасти и молился, чтобы мы туда не сорвались. Затем, когда мы все-таки поворачивали, и выезжали на прямой участок дороги, водила давал газу, и мы нагоняли все то, что теряли во время манипуляций с рулем.

Потрясло меня только ночное Анди. На склоне горы как огромные соты горели огоньки окон. Их было много. А я думал, сколько же сил надо было потратить, чтобы провести электричество сюда, на такую высоту! В эти дикие края. И еще я думал, чем же они здесь живут, и чем расплачиваются за электричество с поставщиками?

Вспомнилось, как в третьем классе я хотел быть инженером — строителем, и возводить города почему-то именно в горах. Мне казалось заманчивой возводить здания на скалах, чтобы улицы шли не вдоль, а вверх или вниз и все такое. И вот достаточно неожиданно я увидел воплощение своей детской мечты своими глазами.

Ну что же, и она промелькнула перед глазами, и скрылась вдали. А мы продолжили гонку.

Через несколько часов бригада остановилась там же, откуда в июне начинала свой поход. Честно говоря, в темноте я ничего не узнавал. Все казалось незнакомым, хотя я точно знал, что здесь мы уже были.

Как только наш «Урал» остановился, Толстый немедленно испарился, но и мне в кабине делать было нечего. Я подхватил свой автомат, и отправился на прогулку, благо знакомого народа попадалось немерено.

Где-то кто-то что-то жрал. Никакой еды на обратную дорогу не выдавали, я ничего не запас, а на 100 рублей, которые я случайно обнаружил, перебирая свой вещмешок, естественно, ничего нельзя было купить. В данный момент дензнаки не имели своей притягательной силы.

«Пойти попобираться, что ли?» — мелькнула мысль.

Мелькнула и ушла. Я счел это ниже своего достоинства. Но посмотреть на знакомых хотелось. Лучше всего было бы найти Игоря. Я принялся за поиски.

Но то ли темнота мне так помешала, то ли усталость после длительной поездки, то ли Молчанов остановился где-то в другом месте, но найти его мне так и не удалось. Толпы военнослужащих бродили туда — сюда, лагерь натурально стал походить на табор, и, пошатавшись бессмысленно среди этой толпы, я пришел к выводу, что надо где-то приклонить голову. Честно говоря, очень захотелось спать.

Погода был классной. Здесь, внизу, ночь была теплой, как парное молоко. Идти ночевать в кабину мне не хотелось. Вполне можно было переночевать и снаружи.

Я направился в сторону наших «шишиг».

— Эй, Папен! — крикнул я. — Где одеяла, которые мы забрали с собой?

— Здесь, у меня!

Этот ответ меня вполне удовлетворил.

— Дай мне одно!

Папен скинул мне одно из тех одеял, которые мы позаимствовали в кошаре. Я прикинул его размер: вполне хватало на то, чтобы на него улечься с ногами и руками и еще

завернуться. Оставалось решить только один вопрос — где, собственно говоря, мне разложиться? Поколебавшись, я просто отошел подальше от колонн машин в сторону гор, где никто не шлялся, и улегся прямо на земле. Мне было хорошо и удобно. Вскоре человеческий гомон ушел куда-то в сторону, и я уснул.

Нет смысла рассказывать о дальнейшей дороге. Это была одна сплошная цепь обгонов, остановок, покупки арбузов, воровства яблок из садов, которым не повезло оказаться у нас на пути. Мы ехали тем же самым маршрутом, которым более двух месяцев назад добирались до перевала. Но в этот раз было много жарче: я уже изнывал от пота и пыли. И когда на горизонте показались очертания Темир-Хан-Шуры, я чувствовал такое опустошение, что хотелось только быстрее доехать и хоть где-нибудь искупаться.

Встречали нас с оркестром. Но их заунывные нестройные звуки вызвали у меня непреодолимое желание хоть раз использовать автомат по назначению и заставить их заткнуться.

От бригады до дома я шел пешком по тем же самым улицам. Ничего не изменилось! А с другой стороны, что должно было измениться? Чего я ждал от города? Что должно было произойти?

Когда я проходил мимо «белого дома», где жили Игорь и Старый Майор, то совершенно неожиданно услышал голос, от которого мое настроение мигом взлетело до высшей точки и грустную усталость как рукой сняло:

— Эй, Паша, приходи в баню, там народ уже стол накрыл! Не задерживайся!

Хей-хо! Йо-хо-хо! Вау! И все такое…

Круг первый замкнулся, а до второго еще надо дожить.

Конец